

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Александр РУДАЗОВ

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ
ГЛУБОКОЙ

Издательство Альфа-книга

Annotation

Красива и богата земля Русская. Раскинулись от моря до моря ее леса и поля, рассыпались по бескрайним просторам города белокаменные. Сидят в своих кремлях князья полновластные, скачут в поисках подвигов богатыри непобедимые, звенят над Божьими храмами колокола благозвучные.

А посреди голой пустоши Кащеева Царства возвышается мрачная цитадель Костяного Дворца. Восседает на железном троне костлявый старик с мертвыми глазами. Казна его ломится от золота-серебра, но корона на голове выкована из чистого железа.

Неистово шипит черный меч Кащея Бессмертного, и недолго небесам над Святой Русью оставаться ясными. Уже сгущаются беспросветные тучи, уже собираются со всех концов земли орды нелюдей.

Близится последний бой. Бой Жизни со Смертью.

Хек. Хек. Хек.

---

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!*

Александр Сергеевич Пушкин

Глава 1

19 вересня 6714 года от Рождения Адама.

Велика Русь и обильна. Десятки княжеств, и в каждом правит Рюрикович. Владимир, Новгород, Суздаль, Рязань, Киев, Тверь, Волынь, Переяславль, Чернигов, Смоленск... Устанешь перечислять их все, да так и не перечислишь.

Но все же есть и границы у земель русских. Степи кочевые на полудне, города латинянские на закате, леса корельские на полуночи... и царство мрака на восходе. Тиборское княжество — самое крайнее. Восходнее него нет добрых земель, есть только Тьма и Кривда.

И, конечно, их порождения.

Костяной Дворец продувается всеми ветрами. Холод и мрак, туман и слякоть, да вечные тучи, затмевающие ясное небо. Угрюмые леса подступают с полуночи, болота непролазные с полудня, скалы Каменного Пояса с восхода. Дикие земли, вдали от власти русских князей и половецких ханов. В этих краях только одна власть — власть Костяного Дворца и его хозяина.

Кашея Бессмертного.

— Хек. Хек. Хек.

Эти сухие холодные звуки прозвучали так, будто кто-то откашлялся. Кто-то, у кого сильно першит в горле. Но на самом деле то был смех. Равнодушный бесстрастный смех, без единой живинки, без души и чувства. Смех высохшего скелета... однако ж издавало его живое существо.

Ну, по крайней мере, отчасти живое.

Игорь Берендеич в ужасе смотрел на чудовище, которое так неосторожно поклялся прикончить. За руки его держали молчаливые стражи в глухих латах, веющих могильным холодом. Молодой князь даже не был уверен, что это люди.

Но сколь ни страшны слуги Кашеевы, сам он страшнее стократ.

Сухопарый костлявый старик, восседающий на железном троне, напоминал змею. Холодные равнодушные глаза, хищный нос коршуна, впалые щеки, неподвижные черты, мертвенно-сизая кожа, испещренная струпьями, похожая на ветхий пергамент. Он почти не шевелился — за последние десять минут на лице не вздрогнул ни единый мускул, не опускались веки, не дрожали губы.

Маска. Высохшая кожаная маска, туго натянутая на костяной череп, вот чем казалось лицо Кашея. С затылка и висков свисают пряди седых волос, но большая часть макушки — голая плешь. Усы и брови белоснежные, длиннющая борода свисает чуть не до пояса. Каждый волосок паутиной тонкости — невесомый, почти прозрачный...

Не человек на троне сидит — кошмар ночной.

Одеяние Кашея напомнило князю Игорю свое собственное, княжеское. Риза почти такого же покроя, такое же парчовое корзно, те же кожаные остроносые черевички. Вся одёжа — черным-черна, словно вороньи перья, лишь сверху да снизу малость вызолочена.

Только шапка не похожа на княжескую, что в форме полушара. Да и вообще не шапка — плешивую макушку Кашея плотно обвивает легкая корона из чистого железа. Зубцов ровнехонько дюжина, все острые, будто иглы. Кажется, что волосы растут именно из нее — выше этого железного обруча не взбирается ни единая волосинка. Никаких украшений ни в

одежде, ни на короне — лишь обычное сукно и металл.

До такой степени тощ чудовищный старец, восседающий на железном троне, что без содрогания и глядеть нельзя. Кажется, дунь посильней — улетит, ударь разок — все кости старикашке переломает. Какая угроза может исходить от этого длиннорядого скелета? Он же едва с места сдвинется — тотчас от натуги помрет.

Однако первое впечатление часто бывает ошибочным.

— Как твое имя, русич? — бесстрастно спросил Кащей.

Игорь шумно выдохнул, собрал всю оставшуюся храбрость и смачно харкнул на каменный пол. Кащей молча проводил жирный шматок слюны одними глазами — голова даже не шевельнулась.

— Я имя свое, родителями даденное, и человеку-то не всякому скажу, а уж нелюди поганой и подавно не дожидаться! — гордо провозгласил Игорь.

— Забавно, — по-прежнему без единого чувства в голосе сказал Кащей. — Как же мне тогда к тебе обращаться?

Игорь молча набычился, исподлобья глядя на железный трон.

— Ты полностью в моей власти, русич. Мне достаточно произнести одно слово, и эти дивии просто оторвут тебе руки. Прояви же учтивость перед лицом царя, назови свое имя.

— Ты не царь!!! — бешено взревел Игорь. — Ты нелюдь поганая, чародей черный, засевавший в лесах дремучих и чинящий непотребие над людом православным! Никто тебя не короновал, ни над кем ты не царь!

— К чему такой высокий стиль? — равнодушно поинтересовался Кащей. — Я короновал себя сам, перед самим собой. Мне этого вполне достаточно. Всякий, кому это не по нраву, волен сбить с меня корону и вволю изведать царского гнева. Не испытывай же мое терпение, русич, представься. Я желаю знать имя человека, потревожившего мой покой.

Но Игорь по-прежнему молчал. Да и что тут удивительного? Надо быть полным дураком, чтобы сказать свое имя первому встречному.

Тем более такому, как этот.

— Забавно, — вновь прокомментировал его молчание Кащей. — Я вижу, ты положительно не хочешь назвать свое имя. Что ж, Игорь Берендеич, дело твое, неволить не стану.

Игорь вздрогнул, как от удара.

— Разумеется, я с самого начала знал, кто ко мне пожаловал, — пожал плечами жуткий старик. — Ты не к знахарке деревенской явился, князь, а к Кащею Бессмертному. Верно, слышал, что я делаю с теми, кто приходит без приглашения. Но все равно пришел. Для чего?

— Сразиться с тобой в бою честном, нелюдь! — прорычал князь.

— Честном, говоришь? — чуть шевельнул головой Кащей. — А что ты понимаешь под честным боем, князь? Взгляни на меня — я стар и немощен. Взгляни на себя — ты молод и силен. Правда, при мне слуги верные — пожелаю, и не будет тебе никакого честного боя, будет лишь голова княжеская на колу. Хек. Хек. Хек. Что на это скажешь?

Игорь понурился. Не так он представлял себе все это, совсем не так. В мечтах ему виделось триумфальное шествие по Костяному Дворцу. Челядь кашеева разлетится, как сухие ветки, а потом будет героическая битва один на один.

Конечно же, быстрая победа. Может быть, легкое ранение — чтобы потом остался героический шрам, напоминающий о великом подвиге. Злодей повержен, прекрасная Василиса спасена, их уста сливаются воедино на фоне рушащегося дворца...

С чего вдруг дворец Кашея должен обрушиться, Игорь особо не задумывался — просто именно так ему это представлялось.

И на тебе! Челядь вовсе не поспешила убраться с дороги — наоборот, безмолвно скрестила бердыши перед его носом. Их оказалось гораздо, гораздо больше, чем он предполагал дома... Молодой хоробр сумел-таки зарубить пару татаровьев, но остальные молча скрутили его и передали дворцовым стражам — дивиям. А уже эти доставили к своему повелителю.

И тот, разумеется, даже не собирался сходить с Игорем в героическом двобое. А тем паче — позволить себя убить.

Нет, Кашей Бессмертный рассматривал князя, словно какое-то мелкое насекомое.

— Нелюдь поганая!!! — взревел Игорь, не выдержав этого равнодушного взгляда.

Он изо всех сил дернулся и сумел-таки высвободить руки из мертвой хватки дивиев — те не ожидали столь внезапного рывка. Молодой князь одним прыжком подлетел к трону, и на горле сомкнулась могучая рука.

Только вот горло принадлежало Игорю, а рука — Кашею.

— Хр-р-р... — невнятно пробулькал полузадушенный хоробр, с ужасом ощущая, как тощий старик без видимого труда поднимает его над полом.

Кашей выпрямился во весь рост, держа своего гостя, как кот крысу. Пальцы, похожие на голые костяшки, неохотно разжались, и Игорь брякнулся на пол, растирая горло. Приложи Кашей чуть больше усилий, он просто оторвал бы ему голову голыми руками, и оба это прекрасно понимали.

— Встань, князь. — Старик пихнул корчащегося юношу носком черевика. — Негоже владыке целого города в пыли валяться. Не по чину. К тому же пол чистый, а вот ты — не очень. Через болото шел?

— Через болото... — стыдливо признался Игорь.

Костяной Дворец расположился так, что даже просто подойти к нему удастся далеко не каждому. С полуночи сплошь глухие вековые леса, соваться в которые молодой князь побоялся — говорят, тамошние лешие куда крупнее и злее привычных лесовиков тиборских роц. И с Кашеем в большой дружбе — незваного гостя не пропустят.

Подобраться с заката оказалось и того труднее — эта сторона обращена как раз к обжитым землям, к Святой Руси, и там у Кашея сплошь кордоны. Татаровьины, дивии, псоглавцы и, говорят, еще кое-кто похуже...

Поэтому князь обошел Кашеево Царство по большой дуге и явился в цитадель с полуденной стороны, едва не попав в плен к людоящерам и чуть не утонув в болоте... но все-таки дошел.

Хотя лучше бы не дошел.

— Я не желаю тебе худа, князь, — холодно сказал Кашей. — Вижу, что явился ты не просто ради свершения подвига — судя по твоему гневу, я чем-то тебя сильно обидел. Может, скажешь, чем? Не припоминаю, чтобы в последние годы я вредил Тиборскому княжеству...

— Издеваешься, да?! — скрежетнул зубами Игорь. Натренированная рука привычно потянулась к поясу, ища рукоять меча. — Верни мне жену, нелюдь!

— Кого-кого? — по-прежнему равнодушно осведомился Кашей.

Но теперь это было уже какое-то удивленное равнодушие — Игорю даже показалось на миг, что в голосе жуткого старика скользнули человеческие нотки.

Конечно, на самом деле такого быть не могло — все знают, что Кашей-Ядун на диво

бездушен и бессердечен, чувства и страсти ему воистину неведомы. Никто и никогда не видел, чтобы он хоть единожды улыбнулся — пусть бы даже зловредно.

— Вот уже два века княжества русские и царство твое бок о бок живут, не враждуют, — с огромным трудом подавил гнев Игорь. — Зачем же ты, царь, бесчинства учиняешь?! Зачем у князя Ратичского честную супругу умыкнул?!

Игорю пришлось проглотить всю гордость без остатка, чтобы произнести такие слова. Никто на Руси не признавал Кащея Бессмертного царем, а его поганые земли, населенные татаровьянами, псоглавцами и людоящерами, — царством.

Хотя и прийти к нему, чтобы в лицо заявить, кто он на самом деле такой, духу ни у кого не хватало. Да, примерно раз в три-четыре года кто-нибудь непременно заводил разговор о том, что не дело, мол, терпеть по соседству такое непотребство, пора уж наконец укорот Кащею дать. Но дальше разговоров никогда не заходило — большинство князей придерживались разумной политики «коли не ковырять, так не особо и пахнет».

Да и сам Игорь уже несколько лет княжит в городе, расположенном фактически на границе с Кащеевым Царством, но до этой осени даже не помышлял о том, чтобы идти в Костяной Дворец походом.

Нет, бывало, конечно, иногда — все-таки двадцать пять едва-едва стукнуло, кровь молодая еще вовсю играет. Порой перепивал Игорь меду хмельного, да вина зеленого, и начинал хвастаться перед дружками-приятелями, что вот, мол, как-нибудь соберется, да и пойдет с Кащеем ратоборствовать. А те знай поддакивали, да княжеское угощение за обе щеки наворачивали. Ясное дело, все наперебой кричали, что тоже с ним пойдут, помогут стражу Кащееву по кустам разгонять.

Только дружки тем и отличаются от друзей, что хороши лишь на пиру, да в веселье. А как до дела доходит, тут их и след простыл.

Но, конечно, Игорь Берендеич так и ограничился бы пьяным хвастовством, не случись страшное. Жена его, Василиса, дочь покойного боярина Патрикея, Прекрасная да Премудрая, пропала невесть куда. А ведь еще месяц медовый не до конца закончился! Игорь только-только начал во вкус входить! И нате — пропала посреди ночи, прямо из своей горницы...

Как же клял себя Игорь, что впервые со дня свадьбы оставил молодую жену одну! Как же проклинал воеводу, уговорившего его поехать на ночную охоту — боевой дух-де в дружине поднять, а то они уже ворчать начали, что князь не о ратных делах думает, а лишь о бабе своей златокудрой! Чуть не зарубил сгоряча полководца.

Следов никаких не отыскивали. У дверей Василисиных покоев всю ночь простояли двое стражей — самые верные, самые надежные, самые могучие и самые... пожилые. Игорь сам лично отобрал двух богатырей из числа тех, что о женских утехах и думать позабыли — естество мужское уже и рогатиной не подымешь.

Упаси Господи — в любимой жене он не сомневался нисколько! А вот во всех остальных — очень даже. Будь Василиса не его супругой, а чужой, так он бы княжеский венец отдал за то, чтоб ее умыкнуть. Недаром же ее Прекрасной прозвали...

Кустодии ничего не заметили. Чернавка, в Василисиной светлице почивавшая, так и проспала всю ночь без задних ног. Только и обнаружили, что распахнутое окно, да височное кольцо на подоконнике. И капельку крови на нем — видно, Василиса успела в последний миг его выдернуть, весточку мужу оставить.

А вот о ком та весточка, кто похититель — поди разгадай...

Ан разгадали все ж таки. Брат Василисы, Кирилл-Грамотей, покумекал, да и смекнул, что ни один человек не сумел бы уволочь Василису аж из верхней светлицы терема в пять этажей. Да еще так, что никто не проснулся. Чай, не колечко украл, не шапку — женщину живую! А Василиса хоть ростом и невысока, да и станом стройна, но в карман ее не запихнешь, за пазуху не спрячешь.

Значит, не человек то был вовсе, а некий злыдень чародейный!

Стал тогда Кирилл видоков опрашивать, и отыскал таких, что видели, как летел по небу черный вихорь. Сначала к терему княжескому, а потом — оттуда. И прямо на восход. А на восходе у нас известно кто угнезвился...

Точно, Кащей Бессмертный, больше некому. Кто ж, кроме него, сумеет такое проделать?

Ни на миг не усомнился Игорь. Да и что тут сомневаться? Приказал он стражников нерадивых прогнать с позором из дружины, а чернавку глупую высечь как следует, и стал думать, как свою ненаглядную у Кащея проклятого отобрать.

Войной пойти?.. Силенок маловато — надо брата на помощь кликать, одному не справиться. Да только пока-то брат соберется, пока-то явится, Кащей уж сто раз успеет... на этом месте Игорь начал рвать на себе волосы и громогласно богохульствовать.

Значит, надо так идти, без брата. Собрать дружину малую, да поспешать к Костяному Дворцу — не так уж и далеко до него, пешим ходом за две седмицы дойти можно, а конным — вовсе за одну.

Да только отговорил его Кирилл-Грамотей — у Кащея-то всюду наушники, за каждым деревом глаза прячутся, в поднебесье коршуны сторожевые парят, добычу выискивают. Узнает он, что к нему гости идут, да и утащит Василису незнамо куда.

А то и вовсе убьет, чтоб никому не досталась.

Растерялся князь. Так что же делать-то? А в одиночку идти, как прежде богатыри хаживали, подсказал Кирилл. Знамо дело, во всей дружине лучше Игоря Берендеича ратника нет — если кто и дойдет, так только он сам. А там уж либо Кащея сразит в честном бою, либо просто выждет случай удобный, да и возвернет потихоньку Василису обратно.

Именно так Игорь и поступил.

— Хек. Хек. Хек, — равнодушно рассмеялся Кащей. На самом деле он просто негромко произнес эти три коротких сухих слова, но для него они равнозначны были хохоту. — Как, говоришь, жену твою зовут?

— Василисой! Верни мне ее, царь, недоброе дело ты сотворил! Верни, и я все забуду, уйду! Уйду, и зла держать не стану!

— Василиса... — поджал тонкие губы старик. — Нет, не знаю такой, нет у меня жены с таким именем.

— Конечно, нет! — бешено сжал кулаки Игорь. — Не твоя она жена, а моя! Моя!!! Верни ее мне!!!

— Не кипятись так, князь, голова лопнет, — равнодушно взирал на его покрасневшее лицо Кащей. — Когда я похищаю женщину, то делаю ее своей женой. Ныне у меня их сорок девять — со всех концов света, из всех уголков мира. Было пятьдесят — люблю круглые числа, — но этой весной одна умерла. Новой пока не обзавелся. Говоришь, эта твоя Василиса очень красивая? Опиши-ка ее.

Игорь начал подозревать, что над ним насмеются. А если даже Кащей говорит правду — все одно, не место такой погани на белом свете.

Молодой хоробр неожиданно для самого себя метнулся к ближайшему дивию, выхватил у

него из-за пояса кривую саблю, прежде чем тот успел хотя бы шевельнуться, прыгнул к Кашею... и единым ударом снес тому голову!

— Ну, теперь и помереть не страшно! — выдохнул он, ожидающе поворачиваясь к дивиям.

Но те отнюдь не спешили мстить за хозяина. Молчаливые вои стояли неподвижно и смотрели сквозь прорези в шлемах на обезглавленное тело.

Голова Кашея, упавшая на пол, мгновенно вспыхнула и превратилась в горстку пепла. Но тело продолжало стоять на ногах. А в следующую секунду из обрубка шеи проклюнулся какой-то росток, стремительно выросший и превратившийся в новую голову, точно такую же, как прежде. Кашей наклонился, поднял с пола упавшую корону, отряхнул с нее пепел и вернул на плешивую макушку.

— Перед тем, как делать такую глупость, ты мог бы поразмыслить — а за что меня прозвали Бессмертным? — равнодушно сказал Кашей, перехватывая руку Игоря, невольно метнувшуюся срубить и эту голову. — Заберите у него саблю.

Дивий молча повиновался.

— Молод и горяч, — отшвырнул от себя князя Кашей. — И глуп. Тебе никогда не дожить до преклонных лет, князь, ты слишком часто совершаешь необдуманные поступки. Сначала обвинил меня в похищении твоей жены, полагаясь лишь на догадки какого-то недоумка. Потом отправился сражаться со мной в одиночку. И, наконец, всерьез рассчитывал, что тебе удастся убить меня, Бессмертного. Что же мне с тобой сделать, князь? Вероятно, казнить? Или лучше сначала подержать в подземелье годок-другой?

— Мой брат отомстит за меня! — сквозь зубы процедил Игорь.

— Глеб Берендеич, князь Тиборска? — вновь уселся на трон Кашей. — Нет, я не стал бы на это полагаться. Были князья до него, будут и после. А Кашей Бессмертный — единственный.

— Ты можешь срубить мне голову... — глянул исподлобья Игорь, — ...но хотя бы скажи правду!

— О чем?

— Что ты сделал с Василисой?!

— Да не брал я твою Василису, — безразлично пожал плечами Кашей. — Даже не видел никогда. Хотя теперь постараюсь увидеть — интересно, чего ради ты сунулся в Костяной Дворец.

— Лжешь!!! Ты!..

— Подумай как следует — какой мне резон тебя обманывать? — равнодушно посмотрел на него бессмертный царь. — Для чего?

— А кто же тогда ее похитил?.. — растерялся Игорь, запоздало соображая, что лгать Кашею и в самом деле вроде как незачем...

— Ну, не один я на Руси умею летать по воздуху и умыкать девиц. В Кавказских горах живет один такой колдун, Джуда, старичок с бородой в сажень — он тоже любит пополнять свой гарем за чужой счет. Впрочем, это не имеет значения. Я могу с доподлинной точностью узнать, что случилось с твоей Василисой. Хочешь ли ты этого?

— Как? — недоверчиво покосился на него князь Ратича.

— Ты забыл, какие силы мне подвластны? Следуй за мной.

Костлявый старик в короне легко поднялся с трона, быстрым движением одернул плащ и размашистым шагом направился к выходу. Игорь Берендеич замешкался. Однако царь Кашей

высказал вполне недвусмысленное пожелание, поэтому огромные дивии мгновенно схватили молодого князя подмышки и потащили следом.

— Отпустите, я сам пойду! — возопил Игорь.

— Отпустите его, — равнодушно приказал Кащей, даже не оборачиваясь.

Костяной Дворец! В тронный зал кашеевых чертогов князя приволокли связанным, с мешком на голове, так что разглядеть по пути удалось немного. Однако теперь, когда такая возможность представилась...

До сего дня князь Игорь полагал, что вотчина царя Кащея должна быть такой же, как он сам, — воплощением наижутчайшего кошмара. И снаружи она именно такой и была — зловещей темной цитаделью, лежащей меж угрюмых лесов, топких болот да черных гор. Но вот изнутри...

Богатство и роскошь — вот что бросалось в глаза. Стены облицованы червонным золотом, столбы и колонны — чистое серебро, потолки украшены драгоценными камнями, лестницы выстланы лучшим перламутром, словно крылья Жар-Птицы. Полы мраморные, а кое-где — вовсе хрустальные. Собери всех князей да бояр русских, сколько их ни есть, свали в единую кучу все их сокровищницы — и то не наберется даже на четвертинку такой диковины.

— Ну и богат же ты, царь!.. — невольно выдохнул князь.

— А ты думаешь, для чего ко мне все время лезут подобные тебе? — безразлично пожал плечами Кащей. — Дивись, князь, дивись — это все еще только пустяки, игрушки. Вот в казне моей — там подлинное сокровище.

— И все награблено, все похищено у честных христиан... — с какой-то отрешенностью вымолвил князь.

— Под «честными», надо полагать, ты имеешь в виду себя? Хек. Хек. Хек, — сухо рассмеялся-откашлялся Кащей. — Все-таки ты глуп, князь. Молод и глуп. Этот дворец стоял здесь, когда Рюрик явился в Новгород. Этот дворец стоял здесь, когда Бус Белояр корчился на кресте. Этот дворец стоял здесь, когда везущий Христа осел вступил в Иерусалим. Этот дворец стоял здесь, когда на далеком полудне под деревом сидел молодой царевич Гаутама. Этот дворец стоит здесь уже бесчисленные тьмы веков, князь. Я видел времена, когда и самой Руси еще не было на свете.

Кащей окинул съезжившегося русича ледяным взглядом, выждал, пока тот полностью осознает свою ничтожность, ощутит, как мимолетна и недолговечна жизнь смертного человека, а потом равнодушно добавил:

— Однако не буду скрывать — эти богатства я награбил, а не заработал.

Процессия остановилась у золотой арки, ведущей в небольшой садик под крышей. Возле нее на цепи сидели две змееподобные твари... но Игорь протер глаза и сообразил, что тварей не две, а лишь одна — двухголовая, с птичьими лапами.

— Амфисбена, — равнодушно пояснил Кащей, легонько касаясь чешуйчатой башки. — Моя любимица. Не подходи близко, князь, она огнем пышет.

А Игорь и не собирался приближаться к этому чудищу. Он обошел ее, плотно прижимаясь к стене, покуда Кащей поглаживал верного стража. Жуткая амфисбена аж буркотала от удовольствия.

В центре сада бил фонтан, кругом росли цветы, а чуть справа расположилась золотая беседка. Там возвышался ажурный хрустальный столик на длинной витой подставке. А на столике — огромное блюдо с одним-единственным краснобоким яблоком посередине.

— Хочешь? — предложил Кащей, подбрасывая фрукт в ладони. — Последнее осталось.

— Нет-нет, не хочу! — торопливо отказался Игорь. Угощение из рук этого колдуна он не принял бы ни за какие сокровища.

— Не хочешь — как хочешь, — безразлично пожал плечами старик, вгрызаясь в яблоко сам. — Смотри, пожалеешь. Хорошие яблоки в этом году уродились.

Обкусав спелый фрукт со всех сторон, Кащей швырнул огрызок амфисбене. Две змеиные головы немедленно принялись грызться из-за подачи. Игорь смотрел на это расширившимися глазами — там, куда капала слюна чудища, трава в мгновение ока жухла и увядала.

— Подойди сюда, князь, — приказал Кащей, склонившись над блюдом. — Дотронься-ка.

Игорь даже не шелохнулся. Но над ним тут же нависли дивии — один схватил парня за плечи, второй силком заставил коснуться гладкой поверхности. Князь едва не зажмурился — он все еще ожидал какой-то каверзы. Но ничего не произошло — на ощупь блюдо оказалось точно таким же, как любое другое.

— Думай о своей Василисе, — послышался холодный голос. — Вспоминай ее. Представь воочию.

Игорь невольно заулыбался — лицо суженой и так стояло перед его взором день и ночь. Кудри — словно золото червонное, глаза — небесная синь, губы — чистый коралл, зубки — белее перламутра, кожа — будто снег свежесвыпавший. Верно сама Лада не была столь прелестна, как возлюбленная Игоря!..

...и тут его восторженные мысли резко запнулись. В блюде отразилась Василиса — как живая. Кажется — руку протяни, и коснешься. Только вид ее молодого князя совершенно не обрадовал... потому что Василиса лежала в постели.

И отнюдь не одна.

— К-кто... к-кто это?! — бешено прохрипел Игорь, не в силах отвести глаз от умиротворенного усатого лица. Черноволосая голова покоилась там, где дотоле пребывала исключительно голова самого Игоря.

— То ли не узнал? — равнодушно посмотрел на него Кащей. — Вон, одежда на полу лежит — облачи-ка мысленно в нее человека.

Игорь представил этого усача в указанном наряде... и едва не зарычал от гнева. Юрий Изяславич, сынок боярский, детский дружок Василисушки! Ах, блудница, ах, предательница! Ведь он, Игорь, этому Юрку по ее, змеюки, просьбе, чин тысяцкого дал, златом-серебром осыпал!.. а он, иуда!..

— Да как же так?.. — с какой-то детской обидой посмотрел на Кащея князь. — Только воротилась, и уже?.. Вот ведь девка блудливая, а!.. А кто ж ее похитил-то тогда?..

— Ты что, все еще не понял? — чуть приподнял правую бровь старик в короне. — Нет, все-таки ты удивительно глуп, русич.

Игорь проглотил оскорбление — в его глазах стояла лишь растерянность и недоумение.

— Ее никто и не похищал, — терпеливо объяснил Кащей. — Это всего лишь хитрая ловушка. Твоя жена со своим братцем обвели тебя вокруг пальца, как слепого щенка.

— Кирилл, змей подколотый!.. — догадался Игорь.

— Именно так. Тебя специально направили ко мне, да еще в одиночку — знать, ведали, как я обычно поступаю с такими храбрецами. А супруга твоя благополучно вернулась и стала самовластной княгиней. Думаю, она задумала это еще до того, как пошла с тобой под венец.

Любопытно, она уже объявила себя вдовой, или все же собирается еще немного выждать для приличия?

— Своими руками задушил бы гадюку... — сжал кулаки князь.

Глаза Кащея остались прозрачными кристалликами льда. Ни один мускул на лице не дернулся. Однако судя по чуть искривившейся губе — самую чуточку! — царь нежити пришел в хорошее расположение духа.

— Полагаю, я мог бы тебе помочь, — равнодушно сообщил он. — Не за просто так, конечно.

— Все проси, все отдам! — загорелись глаза Игоря.

Горячий князь сейчас был охвачен одним-единственным чувством — жаждой мести! Ради этого он готов был саму душу свою продать!

— Бери всю казну мою — не жаль! — вскричал он.

— Заманчиво, — ничуть не воодушевился Кащей. — Но меня в данный момент интересует нечто другое.

— Что?! Скажи только — что?!

— Твоя супруга.

— Василиса?.. — озадаченно приоткрыл рот Игорь. — Но...

— Или ты и дальше собираешься держать в женах ту, кто все равно что вонзил тебе нож в сердце?

— Никогда!!! — заревел диким туром князь. — Я эту стервь самолично на кол посажу!.. на костре сожгу!.. повешу!.. утоплю!.. задушу своими руками!..

— Так почему бы вместо этого не отдать ее мне? Ведь, кажется, именно у меня ты и собирался ее искать?

В глазах князя начала появляться заинтересованность. А и в самом деле — почему бы вместо легкой смерти не даровать проклятой изменнице вечный плен в этом дворце и Кащея Бессмертного новым мужем?.. И верно — то-то будет славная месть!.. то-то посмеются на небе рожаницы!..

А для посажения на кол и Юрка с Кирькой хватит — уж на них-то он отыграется вволю!

— Бери ее, царь! — скривился в зловещей ухмылке Игорь. — Забирай! Только отпусти мне вину — вижу теперь, что напраслину я на тебя возвел...

— Что есть, то есть, — равнодушно согласился Кащей. — Что ж, пусть будет так. Я сам доставлю тебя до Ратича, и сам заберу то, что ты мне только что отдал.

— По рукам! — протянул десницу Игорь.

Равнодушные змеиные глаза чуть опустились, глядя на розовую ладонь. Кащей не ответил на жест — даже не шевельнулся. Игорь несколько секунд держал руку на весу, а потом опустил обратно, безуспешно пытаясь сгладить неловкость.

Впрочем, сам Кащей Бессмертный теперь уже не вызывал у него такого отвращения, как прежде. Наоборот — у князя словно свалилась гора с плеч, на душе стало легко и весело, а мертвое лицо-маска хозяина дворца стало казаться даже где-то симпатичным. Наверное, так чувствует себя висельник на эшафоте, с чьей шеи только что сняли веревку, разрешив идти куда глаза глядят, — все вокруг словно превращаются в лучших друзей, которых хочется обнять и расцеловать.

Правда, взамен в душе поселились гнев и горе на Василису-изменницу... но эту беду нетрудно поправить. Вот у боярина Мстивоя тоже дочка созрела на загляденье — Марьюшка-красавица...

Вдовцом Игорь проходит недолго, это уж точно.

Князь снова посмотрел в волшебное блюдо — теперь вид Василисы, милующейся с этим усатым кобелем, вызывал у супруга-рогоносца какую-то странную радость. Недобрую такую, нехорошую...

— Говоришь, у тебя как раз пятидесятой жены не хватает?.. — злорадно усмехнулся он, переводя взгляд на старика в железной короне. — Ну что ж, поделом ей, паскуде...

— Поделом, — равнодушно согласился Кащей. — Хек. Хек. Хек.

Глава 2

Иван широко улыбался. Утро выдалось замечательное. Вересень уже на дворе, а погода по-прежнему на загляденье — тепло, хорошо. Благодать! Вон, птички летят какие-то, курлычут — в полуденные земли подались, перелетные! Ладно им в поднебесье порхать, крылатым!

Князь Берендей Вячеславич, один из младших сыновей Вячеслава Владимировича, сына Владимира Мономаха, всю молодость промыкался приживалой у старших братьев. Однако ж потом сумел-таки выдвинуться, уговорил тогдашнего князя киевского дать ему собственную волость. Как раз Тиборск в тот год изгнал очередного князя — не полюбился чем-то.

Берендея туда и определили.

До того в Тиборске князья сменялись чуть не каждый год — не приживались отчего-то. А вот Берендей прижился — до старости просидел в Тиборске, никуда больше не переходил, никому нового владения не уступил. А помер старик — заспорили князья, кому теперь в Тиборск садиться. Спорили, спорили, а как опомнились, глядят — уж давно Глеб, старший сын Берендеев, отцовский трон занял и слезать что-то не торопится. Начали было соседи усобицу, да как-то все само потихоньку заглохло...

И то сказать — времена уж давно сменились, наставление Ярослава Мудрого много лет как устарело. Род Ярославов размножился, распался на десятки ветвей, уже не распознаешь — кто кого старше, кто кому кем доводится, кому где в какой черед княжить... Князья друг другу уже не близкие родовичи, как когда-то, а троюродные, четвероюродные, а то и вовсе один Бог знает какие братья да племянники... Сплошь споры, неурядицы — не диво, что все чаще не по старой Правде наследуют, а по закону отчины: где отец сидел — там и сын сядет.

Куда как проще.

Да и князь Глеб не из таковских, чтоб спокойно вотчину кому-то там уступить. Он молодец не из пугливых. На него тележным колесом не наедешь, совиным криком не пуганешь... И разумом князя Господь не обделил...

А вот меньшому сыну князя Берендея до Глеба далеко. Сначала отец, а потом и старшой брат попросту махнули на Ивана свет Берендеича рукой — неумен княжич, на удивление неумен. Ни к какому делу не приткнешь. Недаром же дураком прозвали. Конечно прозвище это двойной смысл имеет — при непорочных девицах его лучше не произносить, стыда не оберешься...

Однако Иван его вполне заслуживал. В обоих смыслах.

Сейчас княжич скакал по лесной тропе навстречу восходящему солнцу, время от времени шмыгал носом (ширинку [□] он давно потерял, так что соплей в ноздрях скопилась тьма) и напевал песенку:

Отломилась веточка
От родного дерева,
Откатилось яблочко
От садовой яблони!
Уезжает молодец
От родимой матушки,
В ту ли чужедальнюю

Темную сторонушку...

— Хорошо поешь, душевно! — донесся из кустов сипловатый баритон.

— Благодарствую на похвале! — весело крикнул в ответ Иван. — Кто таков, добрый молодец?

— Хороший человек в беде тяжелой, — ответил неизвестный. — Сам не выберусь... Подсоби, а?.. Что тебе стоит?

Иван натянул поводья, хлопнул Сивка по шее и легко спрыгнул на землю. Помочь кому-нибудь он никогда не отказывался.

Конь захрапел, настороженно косясь в сторону кустов. На губах рысака выступили хлопья пены. Иван нахмурился, перехватил узду покрепче и дернул Сивка за собой. Силушки в руках молодого богатыря хватало — несчастный коняга волей-неволей поплелся к кустам.

— Ну, где ты тут?.. Ы-ы-ё!!! — отшатнулся Иван.

Ладонь невольно разжалась, Сивка высвободился, истошно заржал, встал на дыбы и бросился наутек. Иван метнулся было вдогонку, да поздно, поздно — перепуганный конь мчался что есть духу. Княжич и сам в первый момент едва не наложил в портки.

Потому что прямо за кустами сидел огромный волк.

Сидел однако ж смирно, не бросался, так что Иван хоть оцепенел, хоть взялся за меч, но в драку пока не полез. Даже стал понемногу отходить от испуга.

— А кто звал?.. — озадаченно огляделся он по сторонам. — Звал же кто-то...

— Я звал, — хмуро ответил зверь.

— Е-ма!.. — выпучились глаза парня. — Волк говорящий!..

Волк угрюмо смотрел на него, не произнося ни слова.

— Ну-у-у-у... — восхищенно цокнул языком Иван, сообразив, что прямо сейчас на него нападать не станут. — Прямо как в сказке!..

— У кого-то как в сказке, а у кого-то лапа в капкане, — сумрачно буркнул волк. — Может, все-таки поможешь?

Княжич только теперь обратил внимание, что зверь сидит в очень неудобной позе, а левая передняя лапа у него покрыта запекшейся кровью. Иван почувствовал, как по горлу проскальзывает тугой комок — он ужасно не любил смотреть на открытые раны. Воротило.

Капкан-самолов оказался очень необычным. Иван не слишком-то разбирался в охотничьих премудростях, но распознать серебро вполне мог. Кому же это пришла на ум такая причуда — сковать из серебра целый капкан? С таким богатеем и знакомство бы завязать не худо — у него, видать, монет куры не клюют...

Однако кроме этого капкан еще и был обвязан ремешком, увитым необычными растениями — голубая травка с четырьмя цветками и нечто вроде гороховой лозы с листьями крестиком и багровым цветочком. Оба растения явно причиняли волчаре боль, да нешуточную.

А уж выглядел волчара настоящим чудищем, что и говорить! Матерый, гривастый, в холке выше обычного волка на добрый локоть, шерсть гладкая-прегладкая, словно гребнем расчесана, серая-пресерая — ни единого волоска иного цвета. Клычищи огромные, лапы мощные, когти длинные, уши торчком, а глаза...

Человеческие глаза-то, не звериные.

— Оборотень! — ахнул Иван, догадавшись, на кого нарвался. — Волколак!

— Ну, в целом правильно, — уклончиво ответил волк. — Хотя тут есть свои нюансы...

— Чур меня, чур, чур, чур! — испуганно замахал руками княжич, не поняв последнего слова и решив, что это злое заклинание.

— А-а-а, да ты, оказывается, трус... — разочарованно фыркнул оборотень. — А я-то думал — храбрец...

— Лжу наводишь, нечисть! — обиделся Иван. — Я княжеский сын, мне бояться невместно!

— Да? Ну так подойди поближе, если не трусишь...

— А что думаешь?! И подойду!

Иван и в самом деле сделал несколько шагов вперед, остановившись ровно на таком расстоянии, чтобы волколак не сумел дотянуться зубами или лапой. Капкан держал его мертвой хваткой.

— А если еще ближе? — предложил оборотень. — Не забоишься?

— А-а-а, хитрый какой! — расплылся в улыбке княжич, обрадованный, что вовремя разгадал каверзу. — Я еще ближе — а ты меня на клык?!

На волчьей морде явственно отразилось недовольство и досада. Даже сквозь шерсть можно было понять, насколько оборотню хочется обматерить догадливого молодца.

— Тебя зовут-то хоть как, парнище? — наконец вздохнул волк.

— Люди Иваном называют... — уклончиво ответил княжич.

— Еврей, что ли? — не понял оборотень.

— Почему вдруг? — удивился Иван. — Русский я человек!

— А что тогда имя еврейское?.. а, ну да. Вы ж теперь все крещеные... — снисходительно усмехнулся волк.

— А ты некрещеный, что ли?.. — начал было княжич, но запнулся на полуслове. И то сказать — решил, будто оборотень крещен может оказаться!

Волк задумчиво поднял морду к небесам. Иван посмотрел туда же, но ничего интересного не увидел.

— Чего там? — с любопытством спросил он.

— Да так, ерунда всякая. Солнце. Птички. Деревьев макушки. А я вот тут — в капкане сижу...

— Чего?

— Освободи, а? — недовольно поморщился оборотень. — Ну что тебе стоит, Иван? Вот, гляди — тут всего-то и нужно, что ремешок развязать, да дуги разомкнуть. Даже дурак справится!

Иван угрюмо засопел, пытаясь сообразить, как оборотень разузнал его прозвище. В голову ничего путного не приходило — только чепуха всякая.

— Ага, я тебя, значит, выпущу, а ты меня тут же и сцапаешь, да? — наконец разродился он. — Нетушки! Я, может, и дурак, но не настолько!

— Я не ем человечину, — мрачно ответил волколак. — А ел бы — давно бы вживе не остался.

— Это как? — заинтересовался Иван. Всякие занятные истории он очень любил.

— А вот выпусти — тогда расскажу.

— Хи-и-итрый... Нечисти верить нельзя.

— Мне — можно.

— А чем докажешь?

— Да чем хочешь. Освободи меня, Иван, а я тебе еще пригожусь!

— Побожись, что не цапнешь!

— Вот те крест! — неловко перекрестился свободной лапой волк.

Иван сразу успокоился и, к великому удивлению оборотня, действительно подошел вплотную. Молодой богатырь совершенно невозмутимо наклонился, размотал ремень, уперся ногой в одну из дуг капкана и что есть мочи потянул на себя другую. Серебряные челюсти разочарованно клацнули, но все же отпустили мохнатую лапу.

Княжич попытался было прихватить драгоценную принаду с собой, но огорченно обнаружил, что сделать это невозможно — большая часть капкана вкопана в землю и весит ого-го сколько! Тут, пожалуй, разве что Святогор управится. Стало понятным, почему оборотень не сумел сбежать вместе с капканом...

— Ой, да ты же некрещеный! — спохватился Иван, резко отпрыгивая назад и усиленно крестясь. — Чур меня, чур, нечистая сила! Никола Заступник, спаси, сохрани! Егорий Храбрый, оборони, защити!

— Да не трясись ты... — лениво ответил волколак, зализывая израненную лапу. — Ох, хорошо-то как... Теперь бы еще поесть чуток — три дня крохи во рту не было...

— Не подходи! — выхватил из-за пояса нож Иван. Длинный, обоюдоострый — с таким как раз хорошо обороняться от волка. — Врешь, нечисть, не возьмешь!

Оборотень вздохнул, а потом с трудом перекувыркнулся через голову, поднялся на задние лапы и начал превращаться. Кости явственно закрипели, изменяя форму и становясь в новую позицию, шерсть ушла внутрь, открывая загорелую, выдубленную на ветру кожу, когти резко сократились до ногтей, лапы стали ступнями и ладонями, а волчья морда преобразилась в обычное человеческое лицо.

Все превращение заняло считанные мгновения — Иван не успел моргнуть даже двух раз, а вместо зверя уже стоит человек.

Бывший волк потянулся, расправляя затекшие суставы, усмехнулся, глядя на остолбеневшего княжича, и с сожалением коснулся левого запястья — оно по-прежнему осталось изуродованным зубьями капкана. Рука плохо гнулась и очень неловко двигалась.

— Не дрожи зря, Иван, — насмешливо улыбнулся оборотень. — Не сожру. Даже не укушу.

— Да я и не дрожу, — с деланным равнодушием пожал плечами княжич, устыдившийся минутного страха. — Это я так, шуткую... А тебя-то как зовут?

— Яромиром люди кличут. Яромир Серый Волк — не слыхал?

— Не слыхал.

— Да? — явно огорчился волколак. — Странно...

Иван засунул нож обратно за пояс, безуспешно пытаясь сделать вид, что доставал его просто так — посмотреть, не потерялся ли. Яромир с интересом проследил за его движениями.

Меряясь пристальными взглядами, княжич и волколак застыли друг против друга. Не каждый день все-таки происходят такие встречи.

Перед Яромиром стоял рослый широкоплечий парень двадцати лет. Глаза голубые, как васильки, лицо открытое, по-детски радостное, щеки румяные, так и пышущие здоровьем, волосы светлые, вьющиеся, вместо усов реденькая поросль, бороды и вовсе даже не намечается. Одет богато — свита из дорогой заморской парчи, бархатный воротник, расшитый жемчугом и драгоценными камнями, на шее золотая гривна, теплый плащ-мятель

застегнут золотой фибулой, на талии золотой же пояс с пристегнутыми кошельками, коробочками и длинным охотничьим ножом. Кудри украшает бархатная шапочка, подбитая и опушенная черной лисицей, а на ногах мягкие сапожки.

Совершенно иначе выглядел тот, кто стоял перед Иваном. Ростом пониже, в плечах поуже, но так и пышет злой звериной силой. Волосы пепельно-серые, похожие на волчью шерсть, нижняя половина лица покрыта длинной лохматой щетиной, брови густые, скрещивающиеся, в необычно желтых глазах словно навеки застыла легкая усмешка, в левую скулу глубоко врезался застарелый рубец. Оборотившись в человека, волколак оказался уже одетым, хотя и очень просто. Короткая мужская рубаха без воротника и рукавов, перепоясанная простым ремешком, кожаная гача, да узкие ноговицы, не доходящие даже до голеней. Обуви нет, нет и головного убора. Какое-либо оружие также отсутствует.

— Ты меня точно есть не станешь? — подозрительно уточнил Иван.

— Это как получится... — хмыкнул Яромир. — Ладно, ладно, не тянись к ножу, это я тоже шуткую. Не тебе же одному шутковать, верно?.. Ты кем будешь-то, друг?

— Говорю же, Иваном люди кличут. Княжичем Иваном! — гордо подбоченился Иван. — Я, знаешь ли, княжеский сын!

— Какого князя?

— Берендея!

— А, это того, что в Тиборске княжил...

— Ага. Там таперича брат мой княжит старшой, Глеб. А середульний, Игорь, в Ратиче на княжении. А я вот... вот без дела покамест. Ладно, давай, рассказывай — за что тебя так... в капкан.

— А может, я случайно попался? — прищурился Яромир. — Бегал себе по лесу, никого не трогал, шишки собирал... и угодил случайно.

— Ага, ври больше. На простых волков серебряные капканы не ставят — так никакого серебра не напасешься. Вон принада какая заковыристая — я таких в жизни не видал... Да цветочки еще эти... что за цветочки такие, а?..

— А ты, дурак, не такой уж Иван... то есть, наоборот... — задумчиво посмотрел на него волколак. — Да, принаду эту расставили именно на меня...

— Кто?.. За что?..

— А тебе не один бес? — насмешливо фыркнул Яромир. — Ты ее все равно не знаешь.

— Ее?..

— Да с бабой-ягой я поссорился... — поморщился волколак. — Вот она и устроила, ведьма старая... Выведала, по каким я тропам обычно гуляю, расставила капкан хитрый, да чарами злыми опутала — чтоб не учуял каверзу... Если б не ты, подох бы с голоду... — благодарно склонил голову оборотень.

В брюхе у него и в самом деле явственно бурчало. Да и вообще выглядел Яромир худым, отощавшим — точно обычный лесной волк в конце грудня, когда наступают голодные деньки.

— А чего не вырвался? — потрогал капкан княжич. — Отгрыз бы лапу, да всего делов...

— Простой ты человек, Иван, — хмыкнул Яромир. — Как лапоть простой. Лапу отгрыз — всего-то... Поглядел б я на тебя в моем положении. Да мне этой лапы даже не коснуться было — видишь травки? То одолень-травка, да Петров крест — они любую нечисть что огнем жгут. И оборотня особенно. Мне к этим цветочкам даже приближаться боязно, не то что зубами дотронуться. В тот же миг без зубов бы остался, вот и все.

— Ах вот оно как?.. — заинтересованно поднял растения Иван.

— Нет, теперь-то уж не страшно. Они ягой специально на меня заговорены были — больше в них силы не осталось. Совсем.

— А на суп не сгодятся? — задумался Иван, нюхая чародейские травы.

Яромир криво усмехнулся и рассеянно пробормотал:

— Было у князя Берендея три сына — двое умных, а третий дурак...

— Один умный, — поправил его Иван. — Глеб. Правда, Игорь зато самый храбрый.

— А ты что — трус?

— Я осторожный, — уклончиво ответил княжич. — Без нужды на рожон не лезу. Вот если по нужде... по нужде... да, точно!..

— Что? — прищурился Серый Волк.

— По нужде! И все из-за тебя! — огрызнулся Иван, торопливо скрываясь за кустиками.

Оттуда послышалось тихое журчание. Яромир задумчиво пожал плечами и уселся на корточки, срывая ближайший стебелек.

— К слову о Игоре! — подал голос Иван. — Я ведь как раз к нему в гости и ехал. А у меня конь сбежал. Из-за тебя сбежал. Из оружия теперь один нож поясной, припасов нет, одежды нет, еды нет никакой. До Ратича еще далеко. Что делать будем?

— Да, когда я волк, кони от меня шарахаются... — согласился Яромир, рассеянно жуя травинку. — Ну так что ж я сделаю? Я б тебе его догнал, словил, да сам видишь... что с рукой... У меня так-то раны быстро зарастают, но это ж серебро — ждать долго... А лучше — примочку травную наложить.

— А ты чего — на руках, что ли, бегаешь? — нахмурился вышедший из-за кустов Иван, завязывая на ходу порты.

— Нет. Просто на человеческих ногах я коня не догоню — неуклюжие они, — спокойно разъяснил Яромир. — А коли волком обернусь — так рука лапой станет. На трех лапах особо не поковыляешь — только курей смешить... Пошли лучше ко мне в избу — там и покумекаем, что дальше делать.

— А ты что — тут где-то живешь?

— Да недалече совсем.

Иван немного подумал.

Потом еще немного подумал.

И еще немного подумал.

Минут через десять Яромир устало сообщил:

— У меня рука болит и живот бурчит. Ты побыстрее соображать можешь?

— Быстро княжичам думать невместно, — степенно сообщил Иван. — Быстро пускай поповичи думают. А у меня род знатный, мне иным заниматься положено...

— А есть ты хочешь? — прервал его Яромир.

— Чего замер, как неживой?! — Княжич резко выхватил из-за голенища деревянную ложку и воздел ее боевым клинком. — Дорогу показывай!

Все сомнения Ивана сразу отправились прочь. Покушать он любил не на шутку — часто и много. Это ведь и есть одно из дел, которым положено заниматься князьям да боярам — яства всякие вкушать в превеликом множестве.

Яромир Серый Волк почти сразу свернул на самую узенькую тропку — судя по следам, люди по ней отродясь не ходили, только лесные звери. В первую очередь преобладали как раз волчьи следы. А Иван рассеянно поглядывал по сторонам и ковырял в носу, не особо

интересуясь, куда именно его ведут.

— Вот здесь и живу, — лениво махнул рукой волколак, огибая большой дуб.

В прогалине меж деревьями притаилась крохотная избушка, с одним-единственным оконцем, потолком из плотно притесанных бревешек, плоской односкатной крышей и небольшой дверью на деревянных крюках.

— Никого... — принялся Яромир, переступая порог. — А ты чего замер? Заходи, гостем будешь...

Иван спокойно зашел, не обращая внимания, что испачкал рукав в смоле. Сохранность драгоценных тканей его никогда не заботила — не расплзается свита по швам, и ладно.

В жилище оборотня оказалось тесно, но очень уютно. В углу чернел остывший таган, вдоль стены вытянулись широкие нары из тесаных плах.

— Располагайся, — буркнул волколак. — Вон, очаг разожги покудова.

Княжич невозмутимо шмыгнул носом, вытер соплю вконец изгвазданным рукавом и отправился за дровами. Поленица расположилась в небольшой клетушке, пристроенной снаружи. Иван приволок сколько руки обхватили, умело уложил полешки горкой, подсунул сухой бересты и чиркнул кремешком по кресалу, добывая искру.

Огниво он, разумеется, всегда носил за поясом — после ножа это самая важная вещь в дороге. А может, даже и поважнее.

Яромир тем временем занимался раной. Он щедро налил на запястье какого-то зелья из баклажки, обложил листьями подорожника, сверху шлепнул шмат сырого мяса, обвязал все это теплым платком, а потом долго что-то причитывал сверху.

— К утру все зарастет... — блаженно вздохнул он, растягиваясь на нарах.

— А это ты что ж — и ведовать умеешь? — нахмурился Иван.

— Какой же я оборотень был бы, если б пары мелочей для хозяйства не знал? — насмешливо прищурился Яромир. — Так, пустячки, ерундовинка для малой надобности... В быту иной раз полезно. К слову, у меня уже брюхо подводит...

— И у меня...

— Ну так за чем дело стало? У меня там в погребе припасы всякие — распорядись.

— А чего это я у тебя — заместо холопа, что ли? — недовольно посмотрел на него Иван. — Я, чай, княжий сын, мне стряпать невместно!

— Ну, меня тоже не пальцем делали, — пожал плечами Яромир. — Ты вот про Волха Всеславича слышал?

— Да кто ж про него не слышал-то!

— Ну так я его сын.

Глаза Ивана стали круглыми, как плоски. Он пару раз открывал рот, так и не решаясь вымолвить ни слова, а потом все-таки благоговейно спросил:

— И... и какой он был?.. Волх-то?..

— Да я почем знаю? Я еще дитем был, как он помер. Оборотень был, как я, больше ничего доподлинно не скажу. Только не в одного волка умел перекидываться, а и в сокола, и в тура, и еще в кого хочешь. Даже, говорят, в змея летучего умел. Не слышал?..

Втапору поучился Волх ко премудростям:

А и первой мудрости учился

Обертываться ясным соколом,

Ко другой-то мудрости учился он Волх

Обертываться серым волком,
Ко третьей-то мудрости учился Волх
Обертываться гнедым туром — золотые рога.

— Мы от него это и унаследовали — младший мой братец, вон, в сокола перекидываться умеет, братец старший — туром по лесам бродит... Нас так и прозывают — Гнедой Тур, Серый Волк и Ясный Сокол. У нас еще и сестра была — Белая Лебедь — только она пропала давно... Пожалуй, одни рожаницы знают, где она теперь... да и жива ли еще...

— Ишь как! — подивился Иван. — А сколько тебе лет-то, а?

— Семьдесят семь, — равнодушно ответил волколак.

Иван снова начал глупо моргать. Его собеседник выглядел от силы на сорок.

Яромир снисходительно усмехнулся и объяснил:

— Я ж оборотень, забыл, что ли? Я три человеческих срока прожить могу... если раньше не прибьет никто, конечно. Пытаться многие пытаются...

— А она кто, мамка-то твоя? Самого Волха жена, ишь ты!..

— Да как тебе сказать... — почему-то отвел глаза Яромир. — В другой раз как-нибудь расскажу, ладно? А в погребе ты все-таки пошарь — у меня в пузе кишка за кишкой с дубьем гоняется...

Иван неохотно открыл люк и спустился в прохладную сырую ямину, заполненную брюквой, морковью, репой, свеклой. В самом глубоком и холодном углу стояли крынки с маслом и молоком, лежала нарубленная лосятина.

А в самой избе^[2] нашлись снизки лука и сушеных грибов — рыжики, грузди, маслята. Из-под нар Иван вытащил решето с клюквой, туесок лесного дягиля, щавеля, кислицы, кувшин березового сока.

— Угощайся, — широким жестом обвел все это богатство Яромир, баюкая пораненную руку. — Мой дом — твой дом.

Молодой княжич почесал в затылке. Звучало это, конечно, здорово, только вот готовить угощение явно предстояло ему, Ивану. Он шмыгнул носом, подумал, но потом все-таки пересилил лень-матушку и взялся за дело.

Для начала Иван промыл и залил водой грибы. Их он поставил на небольшой огонь — пусть пока размягчатся. Сам тем временем занялся мясом. Хорошенько отбив лосятину, княжич нарезал ее на куски, щедро посолил и выложил на предварительно разогретую сковороду.

В самом большом горшке смешались лук, морковь, репа, щавель, кислица, клюква, туда же пошло поджаренное мясо, сверху накрытое маслом. Размягченные грибы княжич мелко порубил, развел отваром и перелил в большую миску. Туда же покрошил свеклу и брюкву, заправил солью и молоком, капнул чуток березового сока.

В общем, в конечном итоге Иван истратил большую часть запасов оборотня. Получилось нечто наподобие свекольника и что-то вроде тушеной лосятины. Стряпал княжич, конечно, так себе, но старался изо всех сил.

— Там холодец в чугунок есть, подай-ка сюда, — приподнялся на локте Яромир.

Холодец оборотень хлебал жадно, перемалывая волчьими зубищами хрящики и костный мозг. Сожрав целый чугунок, он запил его крынкой молока, закусил дягилем, сыто выдохнул и потянул носом на запах тушеной лосятины.

— Куда в тебя лезет-то столько, проглот? — недовольно покосился на него Иван, едва успев спасти свекольник.

— Я б на тебя после трехдневного поста посмотрел... — огрызнулся оборотень, наворачивая лосятину. — Хр-р-р!.. Хор-рошо! Благодарствую... Молодец, что сварил, у меня сил нету...

— А сырое что — брезгуешь? Что ж ты за волк-то?..

— Сырое мясо мне нельзя, — мрачно ответил Яромир. — После него в человека перекидываться трудно — звериное накатывает, поглотить норовит. Так многие пропали — «вызверились», навсегда волками стали... а то и еще кем похуже. А уж если человечину попробуешь... это все. Конец. Уже не выберешься — если и сумеешь обратно перекинуться, разум все равно так и останется со зверинкой, всю жизнь на людоедство тянуть будет.

Перекусив свекольником, Иван уселся на рундук, утер губы рукавом и уставился на Яромира. Тот лениво прожевал последний кусок лосятины, кинул в рот горсточку клюквы, запил березовым соком и приветливо спросил:

— Ну? Что скажешь, Иван?

— Коня у меня нету больше, — почесал в затылке тот. — Сбежал мой Сивка. Как я теперь до брата доеду? На своих двоих до Ратича?

— Тьфу, я-то думал, хорошего что скажешь... — разочарованно фыркнул Яромир.

Оборотень некоторое время задумчиво глядел своему спасителю в глаза, а потом хлопнул себя по колену и решительно заявил:

— Ладно, не кручинься. Помогу я тебе, Иван.

— Это как? — усомнился Иван. — Из сундука мне нового коня достанешь?.. Или на своей хребтине потащишь?..

— Ты смотри, какой догадливый... — усмехнулся Яромир.

Княжич недоуменно заморгал, между делом собирая подливку моченым груздем. Скушав пропитавшийся мясным духом грибок, он высморкался в рукав и спросил:

— Правда, что ли?

— Брешу, думаешь? — спокойно посмотрел на него оборотень. — Да ты не переживай, я все равно в город собирался. Соль почти кончилась, ну и еще кой-чего...

— А дотащишь? — продолжал сомневаться Иван, невольно щупая пузо.

Конечно, живота мешком, как у дядьки Самсона, не обнаружилось. Однако пудов этак пять с половиной княжич весил — росту немалого, плечи широченные, силенок в руках вдосталь. Кровь с молоком, настоящий молодой богатырь!

К этакой стати еще бы и ума капельку...

— Дотащу, дотащу, — успокоил его волколак. — Я, как-никак, Волху Всеславичу сын, оборотень из оборотней! Али зря Серым Волком прозываюсь, по-твоему? Я день и ночь бежать могу, ровно птица в поднебесье парит — двести поприщ^[3] в день сделаю, десять пудов на спине утащу и не запыхаюсь!

— Да до Ратича почти сотня верст... — озадачился Иван.

— Ну вот за полдня и добегу. Но уже завтра — утро вечера мудренее...

— Какого вечера — солнышко на полудне еще только!

— Просто поговорка. Мне сначала руку заживить надо. Отдыхай пока, Иван. И я отдохну.

Иван еще немного подумал, а потом нагло заявил:

— А у меня на коне еще и оружие оставалось! Как я теперь без меча буду? Что я —

пастух, что ли, какой, с одним ножом? Я, чай, княжич, мне так-то невместно!

— А что — хороший меч был?

— Самый лучший! Мне его еще батюшка подарил — наилучший булат, рукоять самоцветная! Гюрята-коваль три дни над ним бился!.. а теперь татю какому-нибудь достанется, конокраду вшивому! Не дело княжичу — да вдруг без меча! А ну тать нападет!..

— Ладно, Иван, не кручинься, помогу тебе и в этой беде, — пожевал губами Яромир. — Я добрый... иногда.

— А что — у тебя тут оружие есть? — оживился Иван, завертев головой.

— Нету ничего. Головой подумай — зачем мне эта ржавчина? Прикинь-ка волка с мечом или кистенем на поясе — не смешно ли?

Иван представил такое зрелище и расплылся в широченной улыбке — вспомнились скоморошеские потехи, когда козлов или собак одевали по-человечьи, а потом гоняли со свистом, с улюлюканьем. Забава была веселая, вся детвора радовалась.

— Вот лук разве найдется — посмотри в том углу, на крюке подвешен, — продолжил Яромир. — А врукопашную я безоружным выхожу — в промежуточной форме, чистым волколаком. У меня когти знаешь какие — ну чисто ножи!

Иван бережно достал указанное оружие. Превосходный лук — тугой, разрывчатый^[4]. Внутренняя планка можжевеловая, внешняя березовая, усилен лосиными сухожилиями, склеен лучшим рыбьим клеем, рукоять выложена костяными пластинками. Кибить пока еще «голая» — тетивы лежат в туле вместе со стрелами. Аж восемь тетив — для всякой погоды. Сухожильные для влажной и прохладной, кишечные — для теплой и сухой. Но самые лучшие — из сыромятной кожи, эти и в зной, и в слякоть хороши. Там же, в туле, нашлись и петли из кожаных ремешков — для прикрепления тетивы.

Княжич аккуратно заправил подаренный лук в налучье и закрепил на перекидном ремне, накинув на левое плечо. А вот стрелы в туле надолго его заняли — очень уж интересными оказались, глаза так и разбегаются. Оперение от самых разных птиц взято — орлиные перья, соколиные, кукушечьи, лебединые... На одной стреле и вовсе так зарница многоцветная, а не оперение. Есть и легкие стрелы, и тяжелые, все заточены именно под этот лук, ушко аккуратно под тетиву вырезано.

А уж наконечники! Полсотни стрел — и все разные. Треугольные, двушипные, листовидные, «бородатые», «рогульки», «лопаточки», «шарики», «томары»^[5], «ласточкины хвосты», узкие бронебойные из наилучшей стали... Много всяких. И древки возле ушка в соответствующие цвета окрашены — чтоб сразу нужную стрелу выхватить, долго не раздумывая.

— С черными и зелеными осторожно — эти отравлены, — предупредил Яромир. — Зеленые еще так-сяк — только дурман напускают, обездвиживают, а черные — верная смерть! Белые тоже попусту не трать — у них наконечники серебряные, для нежити припас...

— А вот это что за диво? — вытянул ту самую радужную стрелу Иван. Наконечник у нее был самый простой, хотя и поблескивал странным отсветом.

— Перья Жар-птицы, — усмехнулся оборотень. — Эту стрелу до поры не трожь — зачарованная. Для особого дела берегу.

— Добрый лук, надежный... — одобрительно погладил верхнюю дугу княжич. В чем-чем, а уж в оружии-то он толк понимал — княжеский сын все-таки, его чуть не с колыбели ратному делу обучали!

— Хорошо ли владеешь?

— Да неужто нет? — обиделся Иван.

Стрелком он и в самом деле считался не из последних. Глаз зоркий, пальцы не дрожат, да и силушки в руках достаточно.

А это ведь очень важно — боевой лук слабому не дается. Лучник должен быть очень сильным человеком, чтоб хорошо натянуть тетиву — иначе стрела и четверти перестрела^[6] не пролетит, тут же наземь брякнется. А настоящий богатырь и на четыре перестрела выстрелит, и на пять, а то и целых шесть осилит! Поговаривают, Алеша, попов сын, и десять перестрелов взять мог — вот уж кто славный хоробр был, не нынешним чета!

— Да, добрый лук, — подтвердил княжич. — Только это оружие нечестное, не для двобоя. Настоящему вою и в руку надо что-нибудь — хоть кистенек или бравду^[7]...

— Но лучше меч? — понимающе усмехнулся Яромир.

— Знамо дело — меч куда лучше! Что же за княжич-то — да без меча?

Оборотень задумался, оценивающе смерил Ивана взглядом, а потом медленно сказал:

— Ладно. Будет тебе меч. Такой меч, какой и базилевсу цареградскому незазорно в белы ручки принять, а не то что княжичу.

— Когда? — загорелись глаза Ивана.

— Завтра. Есть тут в лесу местечко одно заветное — вот туда завтра и наведемся...

Над Костяным Дворцом клубились тучи. Багровое солнце медленно закатывалось за небозем. Ввысь устремлялись пики черных башен.

Игорь и Кащей стояли на самой высоченной, огражденной зубчатым парапетом. Два татаровьяина-скотника готовили хозяйскую колесницу — очень необычную повозку с высокими бортами, но совершенно без колес. Их заменяли широкие полозья, как у дровней, но словно бы размытые. Глаз никак не мог на них сосредоточиться — они как бы одновременно были и здесь, и где-то еще.

А впрягали в колесницу крылатого змия — здоровенную зверюгу размером с буй-тура. Пузо чудища раздувалось и клокотало, перепончатые крылья медленно шевелились, толстый чешуйчатый хвост колотил по ободьям, из пасти вырывались язычки пламени. Пока один татаровьяин отвлекал ящера куском кровоточащего мяса, второй ловко набросил на длинную шею хомут, закрепляя его на плечах.

— Готово, батюшка! — отрапортовал косоглазый скотник.

— Добро, — равнодушно кивнул Кащей.

Игорь смотрел на кашеевых слуг с неприязнью. Татаровьяины — народ многочисленный, зело пронырливый да воинственный. Когда-то они именовали себя «та-тань», потом «хиновьями», но поселившись в Кашеевом Царстве, замирившись с людоящерами и псоглавцами, окончательно стали называться татаровьяинами. На их наречии «татар-о-вьяин» означает «живущий среди чужаков».

Слово «татар» — «чужак» от них проникло и на Русь. А с некоторых пор так начали кликать вообще всех враждебных иноземцев.

Татаровья у Кащея Бессмертного под рукой ходят, за него воюют, набегии на Русь да Булгарию совершают — грабят, убивают, в полон берут. А тем же им не отплатишь — кто же по доброй воле в Кашеево Царство сунется? Ловко пристроились, косоглазые, ничего не скажешь...

— Тихо, тихо, змеюка! — заорал татаровьяин, хватая невесть с чего разбушевавшегося змия за шею. — А ну, охолони! Менгке, держи его, вырвется!

На руках у скотников были кольчужные рукавицы с длинными раструбами — не за лошадьми все же ходят, а за чудищами свирепыми. Цапнет такой змий зубищами — и все, культя вместо руки. А так какая никакая, а все защита.

Дивиям уход за зверинцем Кащей не доверял — у этих железных детин силища медвежья, а умишко воробьиный. В лоб кому-нибудь дать — это они всегда завсегда. А вот что толковое сделать — тут на них не положишься.

— Да дай ты ему по башке! — продолжал кричать татаровьяин. — Смирно лежи, змей поганый, прибьем а то!

— Спокойно, — положил руку на чешуйчатую макушку Кащей.

Огненный змий мгновенно утих и присмирел, виновато опустив клыкастую голову. Из его нутра донеслось тихое урчание, как у толстой кошки.

— Запрягайте, — распорядился старик в короне.

Перед тем, как подняться на эту башню, Кащей некоторое время провел во внутреннем дворе. Там он перекинулся несколькими словами с ханом татаровьев — невысоким коренастым мужичком с тоненькими черными усами. Калин, сын Калина — правая рука

Кащей, самый преданный, самый верный.

И еще с неким существом беседовал Кащей о чем-то — огромным, размером с целый холм. Чешуя на тулове — словно щиты богатырские, крылья — паруса корабельные, лапы — дубов корневища, шеи — столбы извивающиеся. И три головы — огромные, зубастые, из ноздрей пар пышет, из пастей огонь вырывается. Глаза мудрые-премудрые, но злые и холодные, словно у змеи — и недаром. Змей Горыныч — чудо чудное, диво дивное, сам кошмар во плоти.

Даже глянуть страшно — так огромен и свиреп ящер лютой.

Змей Горыныч и хан Калин внимательно выслушали властелина и согласно кивнули — Калин единожды, а Змей всеми тремя головами. Игорь хотел было спросить, о чем речь шла, но решил не лезть попусту в то, что его не касается. Мало ли о чем Кащей со своими подручными разговаривает — может, наказывает хлебом-солью встречать, когда с новой невестой воротится?

— Держись крепче, — приказал Кащей, вступая в колесницу и берясь за вожжи. — Ты не бессмертный, упадешь — умрешь.

— А то не знаю! — огрызнулся Игорь, бесстрашно глядя вниз. — Я, царь, к тебе в гости прийти не забоялся — неужто в небушко подняться струхну?

Кащей равнодушно пожал плечами. Его такие вопросы волновали мало.

— Но, поехали, — ничуть не повышая голоса, скомандовал он. Восклидания в речи царя нежити отсутствовали напрочь.

Крылатый змий яростно всшипел и побежал по кругу, набирая скорость. Крылья неистово заколотили по воздуху, пузо ощутимо раздулось от горячего газа, чудище срыгнуло излишки и начало подниматься в поднебесье. Кащей спокойно держал вожжи, направляя колесницу в нужную сторону.

По бокам колесницы птичьими крыльями расправились деревянные лопасти. Полозья заискрились, замерцали, опираясь вместо земли на вольный воздух. Змий нес седоков с бешеной скоростью — Игорь торопливо обвязал голову тряпичной, чтобы не оглохнуть. Ветер в ушах так и свистал.

Другое дело — Кащей. Бессмертный царь замер, как языческий кумир на возвышении — не двинется, не шелохнется. Пальцы-костяшки крепко сжимают вожжи, равнодушные блеклые глаза взирают на все еще алеющий закатом небозем.

Отобранное снаряжение Игорю вернули. И оружие, и кольчугу, и шолом. Даже кошель с монетами воротили. Стоя за спиной возницы, князь невольно думал, как было бы легко сейчас отрубить Кащею голову... Впрочем, он прекрасно помнил, чем закончилась предыдущая попытка. Вторично делать из себя дурака Игорь не собирался.

Под колесницей пронеслась широкая полоса воды, поблескивающая в лунном свете. Неужто Двина?! Так и есть! А на берегу, само собой, его родной город...

Меж Костяным Дворцом и Ратичем почти триста верст. Верхом на коне Игорь добирался аж две с половиной седмицы — в обход, через чащобу, по звериным тропкам, буреломам непролазным. А змий крылатый за неполный уповод^[8] домчал — поди ж, борзкрылый какой! Вот бы себе такого заиметь — то-то все обзавидуются! Завтракаешь в Киеве, обедаешь в Новгороде, а на ужину к брату в Тиборск...

То-то славно было бы!

— А что, царь, нет ли у тебя от этого змия змеенышей? — с интересом спросил Игорь. — А то уступил бы одного, а? Серебром заплачу!

— Нет, — коротко ответил Кащей.

— Нет — то есть нету, или нет — то есть не уступишь? — не понял князь.

— А какая разница? Ты так и так ничего не получишь. Хек. Хек. Хек.

Игоря передернуло. Этот ледяной кашляющий смех словно выворачивал наизнанку каждую жилочку — таким морозом обдавало, такой жутью веяло.

— Снижаемся, — бесстрастно сообщил Кащей, направляя змия вниз. — Где твои хоромы, князь?

— А тебе зачем? — насторожился Игорь.

— Если помнишь, я в твоём тереме гость нежеланный. Увидят стрельцы твои — бердышами начнут размахивать, стрелами утыкают. Да и супругу мою будущую не хотелось бы растревожить раньше времени.

Игорь почесал в затылке и неохотно признал правоту спутника. Ужас-то какой — у князя сам Кащей в возницах, на змие летучем домой воротился! Чего доброго, и в самом деле попробуют Кащея в полон взять... а дружина ему, Игорю, пока еще живой надобна.

Опять же, и верно — то-то Василисе будет сполоху, коли пробудится с милым дружкой под бочком... а у изголовья муж законный стоит! И прямо сонную — Кащею в охапку, да прочь из терема! Кабы еще лужу под себя не напустила, змея подколотная!

Игорь злорадно хрюкнул.

Конечно, рассчитывать на то, что Кащея Бессмертного не узнают, не приходится. Да с кем его спутать-то можно? От царской ризы старик, правда, избавился, переменял одежду на легкий плащ с капюшоном, но что ж с того? Таковую рожу ни с чьей больше не смешаешь. Да и корона по-прежнему на башке — а она такая у одного Кащея, больше никто пока не додумался венец из железа носить. И чего он золотой не обзаведется — в казне-то, чай, не пусто?

— Чего ты золотую-то корону не носишь? — тут же спросил Игорь.

— Золотые да серебряные у всех, — равнодушно пожал плечами Кащей. — А железная — только у меня. Золото пусть лучше в казне лежит, от чужих глаз подальше. Там оно сохраннее.

Крылатый змий опускался к ратичскому кремлю витушкой, описывая все более малые круги. Внизу все было спокойно — явления неожиданных гостей из поднебесья никто не заметил. Сторожа на городской стене и у ворот даже не шелохнулись — за окрестностями следили пристально, но сверху, из-за туч, нападения никто не ждал. Да и кто ж оттуда напасть может, кроме птиц да ангелов Господних?

Только Кащей Бессмертный.

— Сделай такую милость, завези-ка меня сначала во-о-он к тому оконцу, где огонек виднеется, — попросил Игорь. — То Кирилл-Грамотея горенка — допрежь Василисы хочу с этим иудушкой словечком перекинуться...

Кащей равнодушно пожал плечами и повернул змия налево.

За распахнутым окном еле слышно поскуливала собака, да раздавался протяжный крик козодоя, гонящегося за мошкаррой. У стола, освещаемого лишь колеблющимся пламенем свечи, сидел бледный тощий паренек с впалыми глазницами — Кирилл Патрикеев, шурина князя Игоря. С малых лет младший сын боярина Патрикеева не интересовался ничем, кроме книжных премудростей, — ни на охоту съездить, ни забавами молодецкими потешиться...

Губы Кирилла медленно шевелились, воспаленные веки болезненно жмурились и

моргали. Гусиное перо торопливо бегало по шершавым листам, время от времени заглядывая в глиняный пузырек с чернилами. За сегодня чернильница доливалась уже дважды — работа спорилась.

Однако ж рядом лежал плат, испещренный кровавыми пятнами. Его владелец то и дело заходил в диком кашле, прикладывал платок ко рту и возвращал его обратно — со свежим пятном.

Молодой писец спешил. Уже много месяцев Кирилл чувствовал себя больным и усталым — еда не лезла в горло, то и дело накатывала неудержимая сонливость и этот мучительный кашель. Все кругом обрыдло — успеть бы окончить труд, прежде чем окажешься в домовине...

Где-то в глубине души нестерпимо зудело чувство стыда — с тех пор, как доверчивый Игорь покинул город, Кирилл не переставал корить себя, что поддался на уговоры сестры. Ей-то что — она сызмальства исхитрялась на все лады, козни строила против всех подряд, интриганка вавилонская...

А ему лишь бы успеть книгу закончить — больше ништо от этой жизни не надо. Потому и сдался — сыграл роль неприглядную, убедил князя, что Кащей в его беде виноват...

Кирилл тяжело вздохнул и вновь продолжил скрести перышком. Вопреки собственной воле на полях рукописи то и дело объявлялись незванные фразы, объявляющие читателю мысли пишущего:

...Господи, помози рабу твоему Кириле скоро писать!..

...охъ уже очи спать хотятъ...

...о святой Никола пожалуй избави кашлю кровавого мочи уж нету...

...не клените за ошибки неволей сделаны...

...сести ужинать ли? клюкования съ салом с рыбьим...

На последней фразе Кирилл задумался, подавляя кашель, — а в самом деле, не перекусить ли с устатку? Клюква в рыбьем жиру — блюдо не из самых худых. Да и кисель с молоком стоит в крынке, манит притомившегося писца.

Скрюченные пальцы неловко выпустили прикипевшее к ним перо, подставка с книгой отодвинулась в сторону, ее место заняла миска с клюквой. Кирилл вяло зашевелил губами, черпая скудную ужину. Вкуса он не чувствовал — только жжение в груди усиливалось с каждой проглоченной ложкой.

Прежде чем приняться за кисель, писец сыпанул в него мелкой сушеной травы, размешал и сонно пробормотал:

— Рада бы расти, да сорвали в пути. Рад бы раб Кирилл не болеть, да должен то Господь повелеть. Господи, повели не болеть рабу Кириллу ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю, ни через год. Пусть у раба Кирилла болезнь с легких сойдет. Аминь.

Эту траву ему подарила сестра, она же рассказала и целительный заговор. Велела каждый вечер пить питье с целебной травой, причитывая наговор, пообещала, что через некое время все пройдет. Но вот, пока что ничего не проходило...

Да к тому же несколько дней он по рассеянности пропустил.

Отцу Онуфрию Кирилл об этом благоразумно не рассказывал. Сестрица Василиса всем своим премудростям у бабы-яги обучилась, Овдотьи Кузьминишны. Целых десять лет с ней в лесу жила, в чернавках ходила. Кто знает, какому ведьмовству старуха ее научила?

А что скажет отец Онуфрий, услышав, что Кирилл пользуется свой кашель чернокнижным заговором, пусть и похожим внешне на молитву, нетрудно догадаться.

Обматерит от всего сердца, да и только-то.

— Эхма, а с князем-то все-таки нехорошо получилось... — пробормотал Кирилл, грустно глядя на недоеденный кисель.

— Да уж, нехорошо, — ответил чей-то злобный голос. — Не то слово. Что ж ты мне устроил-то, Кириллушка, а?!

Писец остолбенел. Голова медленно-медленно повернулась к окну, ложка вывалилась из ослабевших пальцев, где-то под ногами раздалось еле слышное звяканье. Кирилл словно превратился в соляной столп. По нижней губе медленно потекла струйка кровавой мокроты.

— Я-то думал, ты мне друг, — озлобленно процедил стоящий в колеснице Игорь. — А ты... ты... что молчишь, пес смердящий?! Онемел с перепугу, гнида?!

— Он мертв, — равнодушно констатировал Кащей.

Игорь недоверчиво нахмурился, влез в окно, прислушался к биению сердца несчастного писца — так и есть, отсутствует. Подточенный болезнью, утомленный ночным бдением, измученный угрызениями совести, Кирилл при виде князя за окном попросту скончался от страха.

Решил, что обманутый им зять вернулся с того света — за его грешной душой.

— Да как же это?.. — промямлил Игорь, безуспешно пытаясь привести Кирилла в чувство. — Кирька, ты что ж, вправду помер?.. Вот ведь как неладно вышло...

— Разве не этого ты хотел? — послышался холодный голос Кащея.

— Ну... да... но... я... я не то чтобы...

— Теперь уже ничего не изменишь.

Черты Игоря сурово заострились. Он влез обратно в воздушную колесницу и что-то невнятно пробурчал. Кащей стегнул змия вожжами и понесся выше — к княжьему терему.

Василисе Прекрасной этой ночью тоже не спалось. Голову одолевали думы.

Дочка боярина Патрикея сызмальства отличалась недюжинной смекалкой, уступающей лишь ее же честолюбию. Ей едва-едва исполнилось восемь лет, когда она невесть как упросила батюшку отдать ее на обучение к младшей из лесных сестер-ведьм, Овдотье Кузьминишне. Старая баба-яга не то чтобы сильно обрадовалась навязанной нахлебнице, но боярин все же уговорил ведунью принять упрямую дочку. Подарочек ей преподнес драгоценный, да не один...

Десять долгих лет Василиса Патрикеевна обучалась всяким премудростям — много чего переняла у лесной колдуньи. Когда окончился уговоренный срок, баба-яга даже не хотела отпускать способную девушку — уламывала остаться еще на десять лет, сулила еще большему научить, все свои умения передать. Обещала поведать, как по воздуху летать, как молнии голыми руками швырять, как взглядом стенку прожечь, как зверями да птицами повелевать, как самой в зверя либо птицу перекинуться...

Но Василиса не послушалась. Потому что знала — уходит время, течет водичкой родниковой. Сейчас она — воистину Прекрасная, во всех русских княжествах едва ль сыщется вторая такая же. А пройдут года — и останется от нее только Премудрая. А секрета, как красоту девичью на века сохранить, баба-яга как раз и не ведает — иначе не ходила б старушонкой скрюченной...

Сначала Василиса крепко надеялась поймать в свои путы старшего из Берендеичей —

Глеба. Как ни крути, он великий князь, а Игорь просто князь, подчиненный. Если рассудить как следует — всего лишь посадник.

Однако ж не вышло, не получилось... Игорь, дуралей набитый, первым ее увидел — и сразу пропал. Ну а Глеб, братец старшой, после этого к Василисе уже и близко не подходил — благородный, понимаешь!

Но и так тоже недурно получилось. Василиса даже не стала долго ждать — погуляла на свадьбе, повеселилась некое время с молодым супругом (благо собой князь Игорь весьма хорош, да и по мужской части дюже силен) и приступила к основной задумке. Выждала удобного момента и исчезла из светлицы тайным способом — окно распахнула, височное кольцо на подоконнике оставила.

Кириллушка как по маслу сработал — так уж убедительно обо всем «догадался», Василиса аж сама заслушалась. Она ведь там рядом стояла, когда любимый братец языком молол, даже пару раз на ухо ему кое-чего подсказала...

И Игорь тоже, конечно, уши развесил — сей же час шелом напялил, да и помчался на восход — суженую из кашеевых лап выручать. Эх, знать бы князю, что эта самая суженая ему вслед из окна смотрела, да улыбалась ехидно...

Ну а далее все ясно. Из Кашеева Царства живыми не возвращаются. Через несколько дней приехал с полуночи молодой боярин Юрий Изяславич, привез «спасенную» княгиню. Что-то там набрехал насчет разбойничьей шайки — никто особо не усомнился. Очень уж грозно удалой витязь усы топорщил — так и зыркал глазами, высматривал, кто тут в его словах сомневается...

Воевода в первый миг вскинулся было — раз княгиня уже спасена, надо срочно князю вослед гонца слать, назад заворачивать... да тут же спохватился. Где его разыскивать-то теперь — князя? Одна надежда, что Игорь Берендеич сам как-нибудь выкрутится — чай, хоробр не из последних...

Однако «спаситель», посапывающий сейчас рядышком, Василису уже начал откровенно тяготить. Братец Кирилл — дело другое, он тихий, неболтливый, на него положиться можно. Да и много ли нужно скромному книжнику? Выделили горенку в тереме, ну и пусть себе возится со своими пергаменами на здоровье. Ему кроме них ничего и не надобно.

А вот Юрий с каждым днем все больше наглеет, предъявляет какие-то несусветные требования, вчера уже начал откровенно угрожать. Аж свербит у боярина — так хочется самому князем стать. Чуть ли не силком Василису под венец тащит.

А снова выходить замуж Прекрасной да Премудрой как раз не очень желалось. Быть самовластной княгиней гораздо приятственнее — сама себе госпожа, никто не указ. Ну, кроме великого князя Глеба в столице — но до Тиборска далеко. А здесь, в Ратиче, главней ее никого нету. Да и в голове уже потихоньку вырисовывается другой план — как бы исхитриться и спровадить деверя вслед за муженьком. Другой деверь, Ванька-Дурак, не опасен — этого вокруг пальца обвести, что умыться поутру...

А уж дальше... Перспективы перед молодой княгиней рисовались самые радужные. Ей, чай, едва двадцать один год минуло, времени впереди предостаточно...

Хорошо бы над всем Тиборским княжеством возглавлять — словно княгиня Ольга в старые времена...

Хорошо бы затем вновь удачно замуж выйти — за кого-нибудь из соседей посолиднее...

Вон, Всеволод Юрьевич, в крещении Димитрий, князь владимирский и суздальский, как раз в этом году овдовел. Целых семь лет болела княгиня Мария, и вот наконец скончалась.

Вдовец-то ее уже не шибко молод — а на женскую красу все еще падок.

Правда, детей у него аж полтора десятка — недаром же Большим Гнездом в народе прозван... Да и, поговаривают, снова женится собирается — на княгине Любви, дочери Василия Витебского...

Однако ж от Юрия точно нужно избавляться... Тоже, что ли, отослать куда-нибудь?.. Или уморить потихоньку — нашептать что-нибудь этакое на питье?.. Нет, это чревато — еще, чего доброго, слухи поползут нехорошие...

Отец Онуфрий и без того косится подозрительно — святоша проклятый, до всего-то ему дело есть, везде крамолу видит, никому не верит, всех подозревает в чем-то... Этот если до правды дознается — собственноручно в костер швырнет, не помилует.

Так и не сумев уснуть, княгиня накинула шелковую сорочицу, пихнула задремавшую чернавку и повелела подать чего-нибудь сладкого перекусить — простокваши с медом или яблочко персидское. Чтобы не будить «женишка», Василиса потихоньку выскользнула из княжеской спальни в переднюю. Из-за дверей доносилось еле слышное бормотание — гридни, стоявшие на страже, вели степенную беседу. Шепотом, само собой: беда, коли хозяйка услышит!

Персидские яблоки или, как их еще зовут, наранжи молодая княгиня очень любила. Словно само солнышко на столе лежит — круглое, оранжевое, так и брызжет светом. Очистишь ножичком тугую кожуру, разделишь спелый плод на дольки, надкусишь самый краешек — м-м-м...

Жаль, в наших краях такого чуда не растет.

Поглощенная лакомством, она внезапно услышала слабые звуки, доносящиеся из спальни: приглушенный лязг металла. Василиса невольно расплылась в насмешливой улыбке — уже не в первый раз она заставляла Юрия Изяславича за «боем с тенью». Любит боярин с мечом покрасоваться — даже болвана специального притащил в хоромы, удары отрабатывать. Стоит такая жердь крестовидная, сверху горшок, в одной «руке» щит, в другой железяка тупая.

Для тренировки — куда как ладно.

Однако в этот раз все звучало как-то... по-настоящему. Словно бы болван вдруг ожил и начал отбиваться всерьез. Василиса нахмурилась, прислушалась и пошла посмотреть, что там затеял этот буйный недоумок. Она открыла дверь... и замерла на пороге.

А к ногам упал мертвый Юрий с мечом в груди.

— Ну здравствуй... жена, — устало произнесли из темноты.

Василиса тонко вскрикнула, подаваясь назад. Но ее уже схватили за руку. На атласной коже остались отпечатки жестких пальцев, тоненькое девичье запястье едва не сломалось от резкого рывка.

— И... Иго... Игорь... — еле слышно пролепетала она, глядя на мужа в боевом облачении и не веря собственным глазам.

— Что, змея подколодная, не чаяла меня живым увидеть?.. — с какой-то злобной радостью спросил князь. — С полюбовником твоим я посчитался, теперь тобой займусь...

— Убьешь?.. — слабо пискнула Василиса, ни жива ни мертва от ужаса. Она не пыталась оправдываться или просить пощады — слишком хорошо знала супруга.

Не поможет.

— Стоило бы... Ох, стоило бы... — ласково погладил жену по щеке Игорь. — Но можешь плясать — убивать не стану. Я для тебя кое-что другое заготовил... В жены я тебя

отдам!

— Кому?! — расширились глаза Василисы.

— А вот как раз тому, к кому ты меня на смерть отправила, — ехидно сообщил князь. — Забирай ее, царь, как срядились!

Василиса только теперь сообразила, что в светлице присутствует и еще кое-кто. Она перевела взгляд на выступившего из темноты человека... и почувствовала, как подкашиваются ноги.

К ней протягивал руки Кащей Бессмертный.

— Пророк Давид, защити... — прошептала она, в ужасе глядя на чудовище в железной короне.

— Это вряд ли, — равнодушно ответил Кащей, без малейшего напряжения перебрасывая молодую княгиню через плечо и поднося ей к ноздрям тряпицу, смоченную настоем сон-травы. Прекрасные голубые глаза тут же замутились, тело обмякло. — Благодарствую, князь.

— Забирай и лети домой, пока не передумал, — мрачно отвернулся Игорь, уже начиная жалеть о данной обещании. Несказанная красота Василисы вновь пробудила былые чувства.

Кашей спокойно протиснулся в окно (слюда, ранее в него вставленная, ныне валялась на полу осколками), забросил потерявшую сознание княгиню в воздушную колесницу, но сам забираться не стал. Вместо этого он спустился обратно и спросил:

— Ну что, князь, теперь-то ты веришь, что я не желаю тебе зла?

— Верю, — угрюмо кивнул Игорь. — Не держи гнева на мысли худые — обманули меня, сам знаешь...

— Значит, веришь. Веришь Кащею Бессмертному. Забавно. Хек. Хек. Хек.

— Да верю, верю, сказал же!

— Зря ты мне веришь, — равнодушно бросил Кащей.

С этими словами он одним движением сломал Игорю шею.

Солнце уже перевалило за полдень, когда Яромир, позевывая, вышел из избушки. Сын Волха проспал чуть не полные сутки, но зато изувеченное серебряным капканом запястье полностью исцелилось. О былой ране напоминал только округлый изломанный рубец. Он останется навсегда, но это не страшно.

Шрамом больше, шрамом меньше...

Никаких Иванов в поле зрения не оказалось. Правда, сверху доносился постук топора. Яромир поднял голову и обнаружил своего вчерашнего спасителя — тот забрался на старую виловатую сосну и теперь неспешно рубил толстый сук.

Причем как раз тот, на котором сидел сам.

— Ты что делаешь? — приподнял брови Яромир. — Упадешь же!

— А ты почему знаешь? — покосился на него Иван. — Провидец, что ли? Давай-давай, не мешай, ради тебя ж стараюсь — у тебя дров с воробьиный носок осталось...

— А, ну-ну... — усмехнулся оборотень, присаживаясь на завалинку и с интересом следя за движениями топора.

Тюк. Тюк. Тюк. Тюк. Тюк.

Тр-ресь!!! Сук переломился.

Шмяк!!! Иван шлепнулся на землю.

Бам-ц!!! Следом прилетело отрубленное полено, ударив незадачливого дровосека точно по лбу.

Княжич растерянно потер набухающую шишку и удивленно уставился на Яромира.

— Ты что, вправду провидец?! — поразился он. — Как узнал-то?

— Ну и дурак же ты, Иван... — с явным удовольствием фыркнул оборотень.

Тот обиженно засопел, утер нос рукавом и, побряхывая, поднялся на ноги. По счастью, Иван оказался крепким, как молодой дубок, и все кости остались целы — в основном пострадало самолюбие.

— Собирайся, древолаз, — насмешливо бросил ему тяжелую котому Яромир. — Едем клинок тебе доставать.

— О, дело другое! — обрадованно потер руки Иван. — А это чего тут у тебя?

— Да так, пожитки в дорогу. Чур, потащишь ты — мне с четырьмя лапами неловко.

Сам Яромир прихватил только небольшой кошель, пристегнув его к поясу. Были там не только и не столько монеты, сколько всякие полезные мелочи.

— Ну, помогай, батька Велес... — выдохнул он, перекувыркнувшись через голову.

Иван следил за ним жадным взором. Первой начала преобразаться одежда — она словно бы «ушла» под кожу, сменившись серой шерстью. Яромир на глазах менял очертания — рос, раздавался в плечах. Плоские ногти обернулись сабельными когтями, ступни стали лапами, лицо вытянулось, превращаясь в волчью морду. Он принял промежуточную форму, собственно, и называемую «волколаком». В этом обличье Яромир обычно вступал в драку.

Однако на этот раз он не стал задерживаться «посередине». Шерсть становилась все гуще, руки полностью превратились в лапы, хребет изогнулся по-другому, морда окончательно стала волчьей, и оборотень опустился на четвереньки — уже полный волк, а не волколак.

— Садись, — хрипло приказал Яромир, чуть опуская голову. — Ты, кстати, кожу свиную

в портки зашил, как я велел?

— Ага. Только я не понял, зачем.

— Зачем, зачем... Ты мне на чистую шерсть — да своей задницей сейчас усядешься... А если ты вспотеешь в дороге?.. или еще чего похуже... Ну сам посуди — не седло же на меня навьючивать, я тебе все-таки не лошадь...

Усесться на волка, да еще такого здоровенного... да, для этого нужна немалая храбрость. Однако Иван только утер нос рукавом и без долгих раздумий запрыгнул Яромиру на спину. Оборотень даже не крикнул — он с легкостью мог нести хоть двух таких Иванов.

— Котому с едой взял? — спросил он.

— Взял, взял.

— Точно не забыл?

— Точно, точно.

— Ну смотри — если проголодаюсь, я тебе руку откушу... а то ногу...

— Не откусишь, тебе человечину нельзя! — радостно ответил княжич.

Оборотень повернул шею, косясь на седока. На волчьей морде нарисовалось легкое сожаление — он не думал, что княжич это запомнит.

— Держись лучше, а не болтай... — проворчал он, делая первый прыжок.

У Ивана сразу засвистело в ушах — сын Волха помчался так, что деревья превратились в сплошную стену. Матерый оборотень летел по лесу пушистой молнией, взрывая землю когтищами. На нехоженной дорожке оставались следы — диковинные, невиданные. Вроде бы и волчьи, да только не совсем — пальцев пять, а не четыре. А уж до чего здоровенные!

— Стой, я перчатку обронил! — крикнул Иван.

— Пока ты это говорил, я уж тридцать сажений пробежал! — откликнулся Серый Волк.

— А пока ты мне отвечал, еще, небось, два раза по столько прошло! — огрызнулся Иван. — Трудно остановиться на минуточку, да? Мне эти перчатки матушка подарила!

Яромир пробурчал себе под нос что-то насчет маменькиных сынков, но все-таки соизволил вернуться, подобрать злополучную перчатку. Иван довольно кивнул и спрятал ее за пояс. Оборотень недоуменно посмотрел на него и спросил:

— А вторая где?

— А вторую я еще зимусь в прорубь уронил, — простодушно ответил Иван. — Вот с тех пор и не ношу, а то что ж будет — одна рука обутая, а другая босая? Неладно этак!

— Тьфу, дурак... — ругнулся Яромир.

Через некоторое время он снова остановился — резко, как вкопанный. Волчьи глаза подозрительно прищурились, и оборотень спросил:

— Иван, ты что там сейчас сделал?

— Да у тебя тут репей в шерсти застрял, — весело отозвался княжич. — Ты не волнуйся, я его вытащил.

— И что ты с ним сделал? — насторожился Яромир.

— Выкинул, конечно! Что ж мне его — кушать?

— Ой, дурак... — простонал оборотень. — Да не репей то был, а кошель мой! Одежда у меня после превращения в дополнительные шерстинки превращается, а вещицы малые — в репы! Слезай давай, ищи, куда закинул!

Иван озадаченно почесал в затылке и поспешно бросился на поиски репья-кошеля. Яромир затрусил в другую сторону, принюхиваясь к воздуху.

— Ну что, нашел? — окликнул он Ивана минут через пять.

— Нет еще! А ты?

— Тоже нет! Ищи дальше!

Еще минут через десять Иван взмолился:

— Да ну его! Приедем к брату, я тебе серебра два таких кошеля отсыплю!

— Смерти моей захотел?! — возмутился Яромир. Его волчий рык раздавался уже с другой стороны. — Засунь себе это серебро в то место, коим на поганую яму смотришь!

— Ну так золота, я не жадный!

— Да на кой бес мне твое золото?! У меня там вещицы лежали такие, каких у тебя нету!

— А ты откуда знаешь — провидец, что ли? Ты спроси — может, есть?

— Перо птицы Гамаюн есть?

Иван сконфуженно замолчал. Такого пера у него не было.

Они пролазили по кустам и буреломам добрый час. Чутье волколака не помогало — репей-кошель ничем не пах.

— Нашел! — наконец прозвучало из зарослей.

Яромир спешно подбежал на крик. Иван аккуратно выковыривал драгоценную колючку из еловой лапы.

— Сувай взад, — хмуро потребовал оборотень. — И не трожь больше.

— В зад?.. — поскреб лоб княжич.

— Туда, где было, — торопливо поправился Яромир, сообразив, что его слова можно истолковать двояко. А с дурака станется! — В шерсть приткни, чтоб держалось... ррра-а-аррр!!! Ты что делаешь, вредитель?! Послал же Сварог на мою шею...

Иван действительно второпях вогнал этот злополучный репей так, что выступила кровь. Яромир зарычал от боли, клацнул зубами, едва не отхватив княжичу руку, и долго еще потом бежал молча, втихомолку вынашивая планы мести.

Лес с каждой минутой густел. Мрачные ели сдвигались теснее, словно срастаясь лапами. Постепенно кроны сомкнулись полностью, стало темно, как поздним вечером — полуденное солнышко едва-едва проникало сквозь крышу из хвои. Земля «омертвела» — трава в такой темени расти не может, и под волчьими лапами поскрипывали только опавшие хвоинки и веточки. В подобных чащобах обычно бродит самая злокозненная нечисть — и лешие здесь царят безраздельно, не допуская в свои владения кого попало.

Однако сын Волха Всеславича — отнюдь не кто попало.

— А что за меч-то?.. — нарушил молчание Иван, когда стало совсем скучно.

— Из кладенцов, — ответил Яромир. — Имя ему — Самосек. Раньше Еруслану Лазаревичу принадлежал!

— А кто это? — простодушно спросил Иван.

Яромир нахмурил мохнатый лоб. Похоже, он полагал, что произнесенное имя должно быть известно всем и каждому. Однако ж...

— О Уруслане Залазаровиче слышал? — наконец открыл рот он.

— Не-а.

— А о Руслане-хоробре?

— Не-а. Это кто такие все?

— Так, истории родного края мы не знаем... — задумчиво изрек Яромир. — Ладно, расскажу.

— Другое дело! — оживился Иван. Слушанье сказок для него было на третьем месте — сразу после девок и пожрать.

Огромный волк некоторое время собирался с мыслями, рассеянно трусая по лесной тропе, а потом начал:

— Значит, случилось это давным-давно, когда здесь еще Горохово Царство было... Про царя Гороха-то ты знаешь?

— Ну-у-у...

— Не знаешь... Охо-хо... Ладно, слушай и про это тоже. Как того царя звали, доподлинно сейчас уже неизвестно — то ли Горох, то ли Грох, то ли Грохот, то ли Гром... Что-то такое, грохочущее. Был он как-то связан с Перуном — не то сын, не то внук, не то племянник, не то он сам и есть в человеческой личине. Скорее всего, все-таки сын. Правил этот царь как раз здесь — где сейчас княжества Тиборское с Владимирским, вот там раньше Горохово Царство лежало. И еще немножко к восходу — столица у него на другом берегу Двины стояла, те земли теперь Кащею принадлежат. Жил он давно — веков восемь назад, а то и девять... меня тогда еще и в задумке не было, так что точно не скажу. Царь был славный, великий... А Горохом его за отцовский подарок прозвали... или не отцовский...

— Ишь... И что ж ему Перун подарил-то?

— Перун.

— Да я понял, что Перун. А подарил-то что?

— Перун и подарил. Перун подарил перун — что неясного? — насмешливо оскалился Яромир. — Оружие божественное, перуном именуемое, молнии мечущее, громом гремящее. К твоему просветлению, «перун» на иных языках как раз и значит «молния». Или «гром».

— А как же он сам-то остался? — раскрыл рот Иван. — Без оружия?!

— Ну, у него, видно, их несколько было, — дернул мохнатым ухом Яромир. — Кто его знает? Я за что купил, за то и продаю — сам не видал, врать не стану... В кумирнях видал идолы Перуна с мечом, с секирой, с луком... с копьем один раз было... а вот этого самого перуна волшебного не случилось — как он выглядит, не знаю... Рассказывали, вроде такой молоточек крестовидный...

Иван озадаченно морщил лоб. Он сам, воспитанный в вере православной, о языческих моленьях знал немного — чай, уж двести лет минуло, как князь Владимир Русь в христову веру обернул. Княжич только то и слышал, что кое-где по лесам еще стоят древние капища, ютятся в отдаленных местах волхвы с ведунами, прячась от церковных костров, живут в некоторых селениях последние приверженцы старой веры... А вот встречаться с ними доселе не доводилось...

Ну вот, теперь довелось.

— А нынче где ж тот перун? — заинтересовался Иван.

— Пожалуй, одни только рожаницы знают... Воды с тех пор много утекло. Курган Гороха за Двиной, в Кащеевом Царстве — а перун Перуна, видно, с ним и похоронили... Да только тебе от него проку не будет — чтоб им владеть, нужно и самому хоть вполовину богом быть... Ладно, не о перуне у нас тут речь. Значит, жил много времени спустя в Гороховом Царстве великий хоробр — Еруслан Лазаревич, сын Лазаря и Епистимии. Он же Уруслан Залазарович. Или попросту Руслан — давно было, никто не помнит, всяк по-своему произносит. Хотя не так уж и давно, если по чести — всего пять веков минуло, как помер. При нем правил царь Картаус... или Киркоус — бес уж его знает, меня там не было... И вот снова напали на его царство кашеевы татаровья во главе с ханом своим — Даниилом Белым. Царство все разорили, многих людей убили, а самого Картауса и Лазаря, отца Еруслана, ослепили и бросили в темницу. Отправился тогда Еруслан искать средство вернуть им

зрение...

— Воду живую? — догадался Иван.

— Точно, воду, — кивнул Яромир. — Долго Еруслан странствовал, много всякого повидал, даже добыл себе крылатого коня-раши по прозванию Орош.. Встретил старого ведуна — тот ему рассказал, что родник с живой водой есть в городе Щетин, у вольного лесного царя-колдуна, прозываемого Огненный Щит, Пламенное Копье. На восьминогом коне тот царь разъезжал, в огне не горел, в воде не тонул. Указал старик и путь до его земель. Отправился Еруслан туда — ехал-ехал, выехал на поле боя. Великое побоище на том месте случилось, немало народу полегло. И лежала там среди костей громадная человеческая голова — живая и говорящая. При жизни того великана-богатыря звали Росланей, сын болгарского царя Прохора. Ростом он был десяти сажень с гаком — человека мог двумя пальцами поднять, точно крысу какую. Зато его брат Черномор родился горбатым карликом-уродцем с длиннющей бородой и занимался всякими чародействами. Иные говорят, что он и вовсе человеком не был — горные карлы Каменного Пояса злую шутку сыграли, еще в колыбели царевича своим младенцем подменили. Вместе эти двое добыли на острове Буяне меч-кладенец Самосек, а потом воевали с царем Огненным Щитом — он ихнего отца убил, царя Прохора. На том самом месте, куда Еруслан приехал, их рати и бились — многие тысячи там полегли, с обеих сторон. Но победил все же царь Огненный Щит, убил Росланю, голову ему отсек. А после битвы Черномор голову побратима оживил, и под ней Самосек спрятал — знать, самому не по руке был. Известно, чародеи с таким оружием не в ладах... да и горные карлы тоже. Ну, Росланю Еруслану-то меч и отдал — с уговором, что тот за него отомстит, Огненного Щита убьет.

— О! — оживился Иван. — Наконец-то до самого важного дошел! И хороший меч?

— Хороший, хороший. Надежный. Еруслан тем мечом с Кащеем бился — и жив остался, своими ногами ушел!

— А Кащей?

— И Кащей тоже, конечно. То ли не слышал, что он доселева в своем дворце сидит, над золотой горой чахнет? Но знаешь, схватиться с Кащеем Бессмертным вничью... Это немало стоит — таких хоробров на Руси пальцами считано... Ну и Огненного Щита Еруслан тоже потом победил — Росланю ему рассказал, в чем у этого колдуна секрет. Правда, к тому времени поздно уже было, царь Картаус помереть успел. Еруслан Лазаревич тогда на его дочери-царевне женился, да и стал сам царствовать. Вот такая история.

— А Самосек?..

— А Самосек он незадолго до смерти схоронил в месте заветном — ждать нового хозяина. Мне-то он ни к чему, я этой ржавчиной особо не пользуюсь — а вот тебе, думаю, как раз по руке будет... О, а вот как раз и это место! Слезай, дальше ногами пойдём.

Иван торопливо соскочил на землю. У Яромира явственно закрипели кости — волк кувыркнулся через голову и поднялся на задние лапы, становясь человеком. Шерсть вновь обернулась одеждой, вместо колючего репья на поясе закачался тяжелый кошель.

Нетрудно было догадаться, почему оборотень предпочел принять двуногое обличье — в этом месте чаша стала такой густой, что ветви превратились в сплошную колючую стену. Попытавшись продраться в образе волка, он непременно растерял бы добрую толику того роскошного меха, коим так гордился.

— Дай-ка топорик, — протянул руку он.

— Какой?..

— Там, в котоме.

Прорубиться сквозь этот лесной заслон оказалось не так-то легко. Вековые ели словно сопротивлялись непрошеным гостям, явившимся похитить хранимое сокровище.

— Я ноговицы порвал... — виновато сообщил Иван, с трудом отцепляясь от колючей ветки.

— Бывает... — не проявил интереса Яромир.

— И рукав порвал...

— Ну а я тебе что сделаю? Среди волколаков портных нема.

— И плечо оцарапал...

— Мне тебе что — подуть, чтоб не болело? — хмыкнул Яромир, даже не оборачиваясь. — Терпи, уже почти пришли... а вот и он, родимый!

Иван сразу позабыл о всех невзгодах. Посреди чащи открылась крохотная полянка, заросшая изумрудной травой. Перед деревьями словно провели невидимую черту — по такому ровнехонькому кругу они росли.

А в самом центре покоился огромный серый камень — и из него торчала рукоять меча. Легендарный Самосек, оружие одного из величайших хоробров старых времен...

Княжич восхищенно обошел вокруг чудесного клинка. Рукоять выглядела совсем простой — ни единого украшения, только набалдашник в форме петушиного гребня, да тоненькая медная полоска вдоль черена. Перекрестье чуть удлинено, слегка изогнуто на концах.

Сам же клинок... Большую часть скрывал камень, но и то, что оставалось на виду, ясно показывало, насколько это знатный металл. Лучший из лучших, способный рубить железо и даже сталь, нисколько не тупясь. Можно согнуть в кольцо — не сломается. Судя по золотисто-бурому фону и прядям в виде поперечных поясков на характерном волнистом узоре — «коленчатый» булат, самый драгоценный из всех.

Когда же Иван обнаружил на доле узор, напоминающий человеческую фигуру, то едва не вскрикнул от восторга — ему досталось настоящее сокровище. Подобные мечи ценятся даже не на вес золота — намного дороже.

— Ну, помогай, святой Егорий! — расплылся в улыбке княжич, благоговейно берясь за черен.

Он потянул меч на себя. Еще раз. Еще. Уперся ногами в камень и принялся тащить изо всех сил, стиснув зубы от напряжения... но все тщетно. Клинок сидел в своих «ножнах», словно врос в них корнями.

— Это что?.. почему?.. — обиженно повернулся к Яромиру Иван.

— Там все написано, — пожал плечами тот.

Княжич только теперь обратил внимание, что на камне вырезаны некие буквы. Он присел на корточки и зашевелил губами, складывая полустертые черты в слоги, а те — в слова.

Точнее, пытаясь складывать.

Читать и писать на Руси умеет едва ли не каждый. С тех пор, как солунские братья, Константин с Мефодием, принесли на эти земли глагольную грамоту, березам приходится несладко — всяк, кому не лень, бересту с них обдирает на свои записки. Да добро бы дельное что писали, так нет — любую глупость, что в голову взбредет.

Иван и сам в иные часы отсылал подружкам грамотки вроде: *«Поклон от Ивана ко Ульянке. Пойди вечером на сеновал, бо яз тебе хочу, а ты меня. Да коли завязка на бересте*

порвана буде, выдери послуху Михальке уши, штоб не читал княжески рукописания впусу».

Однако эти буквицы Ивану оказались незнакомы. И то сказать — братья солунские всего три с половиной века назад свои резы придумали, а надписи на камне, почитай, все пять исполнилось. Где ж тут разобрать?

— «Я, Еруслан, сын Лазаря, вонзил сей меч», — взялся толмачить Яромир. — «Слово мое твердо и безотворотно — только истинный герой сможет его отсель вытащить».

Иван еще раз взялся за рукоять и потянул — уже робко, нерешительно. Самосек по-прежнему даже не шелохнулся.

— Ладно, пошли... — обиженно шмыгнул носом он.

— Куда собрался? — приподнял брови оборотень.

— Ну как же... Раз только истинный герой может вытащить...

— Ага, только истинный герой, — ехидно ухмыльнулся Яромир. — Или...

— Или?.. — наморщил лоб княжич.

— Или тот, у кого есть зубило.

Оборотень с лукавым видом выудил из котомы тяжелое каменщицкое зубило с молотком и протянул их Ивану.

— Работай, — продемонстрировал волчью улыбку он. — Попотеешь как следует — будет тебе волшебный меч.

Иван обрадованно хлопнул себя по лбу и свирепо вгрызся в проклятый булыжник. Молоток застучал по зубилу с неистовой силой, во все стороны полетела каменная крошка, глаза княжича с каждым ударом восторженно разгорались.

Яромир же отошел в сторону и прилег на свежей травке, подложив под голову котому. Помогать сын Волха не собирался — в конце концов, он свою задачу выполнил, дальше пусть княжич действует сам. Как следует поработать руками — для этого тоже немалый героизм требуется.

Кто его знает — может, Еруслан как раз это и имел в виду?

— Уф-ф... — смахнул пот со лба Иван. Он раздолбал примерно половину камня, но Самосек по-прежнему сидел, как влитой. — Притомился я что-то...

— А ты передохни, — лениво посоветовал Яромир, даже не открывая глаз. — Я же вот отдыхаю...

— Может, тоже немножко поработаешь, а? — укоризненно посмотрел на него Иван. — Княжичам, вообще-то, молотком стучать невместно!

— Оборотням тоже. Ты не забывай — я тебя полста поприщ на горбятнике вез, а ты, Иван, знаешь, весом не карла горный... И потом — этот длинный ножик нужен мне или тебе, я что-то позабыл? — все-таки чуть приоткрыл один глаз Яромир.

— Да ладно, ладно, уже и не скажи тебе ничего... — вытер нос рукавом Иван. — Эх, а таким мечом, наверное, и змея огненного зарубить можно!

— Еруслан парочку пришиб, да, — подтвердил Яромир. — Хотя на змея с мечом не очень ловко — супротив него копье лучше. Да и вообще змеев на Руси теперь уже не сыщешь... Перевелись.

— Что так? — огорчился Иван.

— А вот то, — хмыкнул оборотень. — Уж не знаю, чего у вас это всегда так свербит — но как кто из богатырей надумает подвиг совершить, так первым делом завсегда змея ищет, хоть самого маленького. Они, врать не буду, и сами не без греха — и скот хитят, и людей, бывает, жрут... Ну так от разбойников вреда даже поболее — а их, как ни старались,

перевести не перевели... Да и не переведут, наверное, никогда...

— Что, совсем-совсем змеев не осталось? — насупился княжич, ужасно напоминая ребенка, которого лишают любимой цапки.

— Осталась парочка кой-где... — лениво пожал плечами Яромир. — Раньше-то их много водилось, но очень уж хоробры за ними рьяно охотились. Вот и извели со временем под корень — вода камень точит. Последнюю змеиху-мать уж два века с четвертью, как убили — Добрыня Никитич поработал, ага. С тех пор маток у змеев нету, новым детенышам родиться неоткуда. Все, какие остались — это еще со старых времен. Они живут дюже долго — тыщу лет и больше. Вон, самый громадный в Кашеевом Царстве век коротает — Змеем Горынычем кличут. Необычная зверюга — трехголовая. Даже не знаю, как он такой на свет народился...

— А что такого?

— У обычных змеев голова одна, как положено, — терпеливо объяснил Яромир. — Всегда так было — и у нас, и в чужих землях... Вон, латиняне их «драконами» прозывают... только у них они еще раньше нашего перевелись. Говорят, самого последнего полста лет назад прикончили — да и то какого-то мелкого, дохлого... Но голова тоже всегда одна была...

Иван слушал байки оборотня с интересом, но зубилом работать не переставал. День постепенно шел на убыль, и с каждым часом каменная глыба становилась все меньше и меньше, медленно, но верно превращаясь в осколки.

И вот наконец!..

— Держи его!!! — дико заорал Иван, бросаясь к мечу.

Как только Самосек освободился от каменных тисков, то мгновенно ожил и метнулся по траве, словно булатный уж. Лезвие еле заметно колыхалось из стороны в сторону — меч спешил удрать от соискателя, добывшего драгоценный кладенец обманным способом.

Однако наперерез метнулась серая тень. Мирно лежащий и жующий травинку Яромир взметнулся в воздух, словно оттолкнувшись от земли спиной, уже в прыжке совершил кувырок, переметываясь в волка, и за считанные мгновения нагнал Самосек. Тяжелые лапы обрушились на дол клинка, пригвождая его к земле, и волк с хрустом выпрямился, оборачиваясь волколаком. Широченные плечи вздулись буграми, когтистые пальцы удерживали бешено извивающийся меч, из-под шерсти заструился дымок.

— Хватай! — прорычала жуткая морда — не совсем волчья, не совсем человеческая. — Не упusti, дурак!

Иван уже летел к рукояти. Он уцепился за черен обеими ладонями, сжимая так, что разодрал ногтями кожу. По набалдашнику заструилась кровь.

— Врешь, не уйдешь!.. — пропыхтел княжич, удерживая бьющийся кладенец за рукоять.

— Охолони, ржавчина! — прорычал Яромир, прижимающий лезвие. — Кузнецу отдам, он тебя на подковы переплавит!

— Что?! — взвизгнул Иван. — Волшебный меч на подковы?!

— Замолкни, дурак!.. — краем губ прошипел оборотень.

— Чего замолкни, чего замолкни?! Ты сам дурак, такой меч нельзя плавить!

Обрадованный кладенец начал вырываться еще яростнее.

— Не слушай дурака, он не понимает ни бельмеса! — рыкнул Яромир. — Обязательно переплавим, если не утихомиришься! Кому ты такой нужен?!

Теперь даже до Ивана начало доходить — обычно гладкий лоб пошел напряженными морщинами. Княжич занимался сложным и непривычным делом — думал.

Самосек еще некоторое время слабо подергивался, но потом устало затих, как постепенно затихает буйный жеребец, спеленатый веревками. Однако Иван и Яромир не ослабляли хватки — чувствовалось, что гнев, кипящий в мече Еруслана, все еще силен, дай малейшую возможность — удерет.

— Хорошо хоть, нападать не стал! — простодушно поделился Иван.

— Это не такой кладенец, — сурово объяснил Яромир. — Ему рука нужна богатырская — сам по себе не сражается. Ну что, охолонул?!

Кладенец под когтистыми лапищами чуть-чуть дрогнул, словно говоря «да». Яромир очень-очень медленно разжал хватку, готовый в любой миг снова прижать пленника всем весом. Но тот не шевелился, полностью покорясь судьбе.

Иван встал с корточек, поднимая отвоеванное сокровище. Рукоять Самосека покоилась в его ладонях, как ребенок на руках матери. На лице княжича начала расплываться счастливая улыбка.

Теперь, когда меч освобожден из каменной темницы, обнаружилось, что его кончик закруглен — для колющих ударов практически непригоден. В те далекие времена, когда этот клинок покинул кузницу, мечи были чисто рубящим оружием — заострять наконечники на Руси начали сравнительно недавно.

— Проверь-ка его, — предложил Яромир, незаметно успевший оборотиться человеком.

Ивану не нужно было рассказывать, как положено проверять мечи. В чем-чем, а уж в оружии-то он разбирался — чай, сызмальства обучали железками размахивать.

Первым делом он щелкнул по клинку — Самосек издал чистый и долгий звон. Вторым делом Иван положил меч себе на голову и пригнул за оба конца к ушам. Тонкая полоса булата согнулась очень легко... но как только ее отпустили, мгновенно выпрямилась, ничуть не пострадав.

Ну и в последнюю очередь кладенец прошел проверку на самое главное. Иван бросил на лезвие собственный волос и довольно осклабился, глядя, как тот распадается на две половинки — острота превыше всяких похвал. Потом он от души рубанул по гвоздю, положенному на каменную плиту — все, что осталось от огромного валуна. И Самосек превзошел ожидания — он разрубил не только гвоздь, но и саму плиту!

Воистину чудо-оружие, достойное истинного героя.

— Он принял хозяина, — хмуро подытожил Яромир, глядя на княжича, скачущего по поляне, словно мальчишка с деревянным мечом. — Теперь будет верно служить до самой смерти.

— Чьей смерти? — остановился Иван.

— Твоей, наверное. Или его. Мечи тоже порой умирают, и кладенцы в том числе. Ладно, хватит баловаться — заверни лучше в тряпицу, что ли...

— А ножен к нему нету?.. — нахмурился Иван.

— А ты что — их видишь? — усмехнулся Яромир. — Может, по-твоему, тут второй камень стоять должен — с ножнами? Ничего, доедем до города, закажем этой ржавчине чехольчик...

Клинок в руках Ивана замерцал, по нему поплыли яркие разводы.

— Чего это он? — не понял новый владелец.

— Требуется не абы какие ножны, а самые дорогие и нарядные, — фыркнул Яромир. — Да еще и грозитя сбежать, коли не по его выйдет...

— Ишь, какой! — возмутился Иван.

— А ты думал?.. У него, сам видишь, характерец имеется, не хуже человеческого...

— Ладно, добудем ему ножны... — задумчиво поглядел на меч княжич. — Слушай, а я вот чего-то понять не могу...

— М-м-м?..

— Говоришь, Росланей-великан десяти сажен росту был?

— Ну. И что?

— Да как-то оно не того... — почесал в затылке Иван. — Во мне даже одной-единственной сажени нет, а мне этот меч как раз по руке, будто под меня и делали... Как же им этакая орясина сражалась? Он же у Росланея в руке не больше щепки должен был быть...

Яромир озадаченно нахмурился. Посмотрел на переливающийся радугой Самосек. Перевел взгляд на глупо моргающего Ивана. Снова на Самосек. Снова на Ивана. Действительно, как-то странно — чтоб такой великанище, да вдруг обычным человеческим мечом рукопашничал... Такому впору сосну вместо копья ладить, столетний дуб вместо булавы пользоваться...

— Да, не то что-то... — признал он. — Тут, поди, сам Родомысл не додумается — как такое могло быть... Выходит, врет где-то сказание... Только вот поди угадай, где именно, и как у них по правде дело было...

— А ты не знаешь?

— Я — не знаю. Да ладно, бес с ним! Встретим кого-нибудь, кто сам там был — да вот хоть того же Кашея! — так у него и спросим. А пока — чего зря голову ломать?

Солнце уже коснулось небозема краешком, когда огромный серый волк с всадником на спине вновь выбежал на лесную тропу. Трава едва заметно приминалась могучими лапами — он словно бы не бежал, а летел над землей. Всадник бережно баюкал в ладонях булатный клинок, еле заметно мерцающий в вечернем сумраке.

— Слушай, а мы туда едем? — забеспокоился Иван, не узнающий окрестностей. — Ратич отсюда на полночь лежит!

— А ты зачем к брату? — ответил вопросом на вопрос Яромир. — Просто в гости?

— Не-а! — гордо вытянул подбородок Иван. — Самобрат мой старший, Глебушка, повторно жениться надумал! На носу-то у нас что, а?..

— Грязь у тебя на носу, — рассеянно ответил волколак, повертывая голову к седоку. — В земле измазался, что ли?

— Да я не про то! — обиделся Иван, утираясь рукавом. — Осенний мясоед у нас на носу — самое время невесту под венец вести. Хочет, чтоб мы с Игорем ему сватами были — батька-то наш уж помер, дядья с крестными тоже все... Я сначала до брата, потом обратно в Тиборск, а оттуда со свадебным поездом, со свахами да дружками — во Владимир...

— У князя Всеволода дочку сосватать решили? — сразу догадался Яромир. — Думаешь, отдаст?

— А чего б ему не отдать-то?! — возмущился Иван. — Все уж давно обговорено! Чай, не золотарь деревенский сватается — великий князь тиборский! Наш Тиборск, может, и победнее их Владимира будет, да только у Всеволода этих дочек четыре штуки! Да сынов аж восемь!

— И еще двое в младенчестве померли, — лениво добавил Яромир.

— Во-во! Куда ему столько — с кашей съесть? Чем наш Глеб его дочке не жених?

— До Покрова дня свадьбы не играют, — задумчиво заметил оборотень. — Еще почти три седмицы.

— Ну так куда торопиться-то? Игорь вот тоже недавно женился — в летний мясоед, аккурат после Петрова дня... Погощу у них с Василисой седмицу-полторы, а там уж двинемся, благословясь...

— Понятно... Ну, раз уж ты никуда не торопишься — сослужи-ка мне, Иван, еще одну службишку... Из принады подлой ты меня вызволил — ну так доведи дело до конца, а я уж тебе век благодарен буду, сполна за помощь отплачу, не сомневайся. Надо же меч твой новый в деле опробовать, а?

— Конечно, надо! — согласился княжич, поглаживая рукоять. — Что за службишка?

— Да пустячок... — усмехнулся Яромир. — Ножичек один возвернуть... украденный... Как раз для Самосека работенка...

Деревья впереди расступились, открывая еще одну поляну. С одного конца примыкает травяное болото, с другой — сплошной угрюмый ельник.

А в самой середке — почерневшая ветхая изба на огромных куриных лапах.

Ночь выдалась прохладная и ветреная. Весь Ратич сладко спал. Над кремлем разлилось дремлющее умиротворение, в княжеском тереме царила тишина и спокойствие.

Два пожилых гридня, сторожившие княжеские хоромы, сонно клевали носами. Тяжелые остроконечные шеломы лежали на полу — и так уже плечи из-за них, окаянных! Конечно, окажись здесь князь или воевода — достанется стражам на орехи; да только воевода сейчас третьи сны видит, а князь вовсе незнамо где.

— Может, и помер уже...

Дружина у князя Игоря не самая большая — двести гридней всего. Ну так он князь младший, подколennyй — вот у брата его, Глеба Берендеича, сила так сила! В великокняжеской дружине Тиборска одних только гридней тысяча двести, да еще отроки, да мечники, да детские, да тиуны! А еще ведь малые дружины боярские, да ополчение земское и городское, да наемники чужеземные...

— Силища!

И ничего не попишешь — Кашеево Царство под боком, в любой день вороги напасть могут. Ну и другие соседи тоже не лаптем щи хлебают — и от владимирцев набеги бывали не раз, и от новгородцев, и чудь заволочская вечно нос не в свое дело сует... Да и свои же тиборчане тоже порой могут ежа подложить — вон, три года назад Кладень с чего-то взбунтовался, пришлось им по шапке дать...

— А что это владыко все домой не едет? — от скуки спросил один из гридней.

— Да пес его знает... — пожал плечами другой. — Видать, в храме дела какие...

— А какие?..

— Пойди к нему, да спроси... Может, ответит.

Гридень только гыгыкнул.

Отца Онуфрия, архиерея Тиборской епархии без нужды старались не беспокоить. Несмотря на высокий сан, он не любил официального обращения «Ваше Преосвященство», предпочитая короткое «владыко». Однако общение с ним было делом трудным — святой старец отличался тяжелым характером, а в качестве аргументов в споре любил использовать березовый посох.

— Вот кабы вместо отца Онуфрия боярин Бречислав приехал — может, тады князь бы дома остался, не попер бы сломя голову куда глаза глядят... — задумчиво предположил один из гридней.

— Может... — согласился второй. — Да только не приехал же он?

— Не приехал.

— Ну так и нечего жалеть попусту — молоко пролито, крынка разбита. Все.

— А все ж жалко...

Да, боярин Бречислав, муж многомудрый, прославился умением всегда подать нужный совет, принять правильное решение. Князь Берендей его в оба уха слушал, так ни разу не прогадал. И сын его, Глеб, тоже слушает — сам-то великий князь молод еще, горяч без меры, вспыльчив, даже буен иногда. А Бречислав-боярин всегда умеет его охладить, убедить не бежать вперед лошади. Умный он мужик, степенный, рассудительный.

Неожиданно в дверь постучали. После возвращения княгини воевода распорядился запира́ть ее хоромы на ночь не только изнутри, но и снаружи. Пожилой гридень взялся за

тяжелый брус, но перед тем как отодвинуть, все же спросил для порядку:

— Это кто там? Ты, Маланья?..

— Нет. Я Кащей Бессмертный, — приглушенно раздалось из хором.

— Шутница... — усмехнулся кустодий, отворяя дверь.

Створки распахнулись, словно в них ударили тараном. Две тощие костлявые руки вылетели брошенными копьями, большие пальцы ударили точно в глаза гридням, вдавливая их до самого затылка, ладони круто повернулись, ломая черепные кости, и к ногам старика в короне упали два трупа.

Стражники даже не вскрикнули.

Кащей Бессмертный переступил через мертвецов и огляделся по сторонам. Тьму, царящую в коридоре, рассеивали лишь свечи на хоросах, висящих под потолком. Старик с мертвыми глазами коснулся стены, прислушался к чему-то и медленно зашагал вперед.

Стража терема — четверо гридней, гревшихся в снях, — тоже не успела ничего сообразить. Из полутемного коридора вылетела расплывчатая фигура, и в воздухе замелькали тонкие пальцы, расшвыривая несчастных кустодиев. Первым же ударом Кащей убил сразу двоих — одному свернул шею, второму отломил нижнюю челюсть. В следующий миг он схватил за грудки третьего, ударяя о стену так, что оставил огромное кровавое пятно, и саданул ладонью по лицу второму, попросту снося голову с плеч.

Выйдя на мощеный двор, бессмертный царь сразу выделил главный очаг сопротивления — гридницу. Княжеский терем, людские избы, погреба, медуши, беретьяницы, скотницы — все это не представляло угрозы. А вот из гридницы отчетливо доносился смех и выкрики — по меньшей мере полсотни человек.

Кащей накинул капюшон и бесшумно растворился в ночи — к гриднице скользнула еле различимая тень. Приблизившись к скупо освещенному строению, он присел, согнул колени, сгруппировался и резко оттолкнулся от земли, прыгая прямо на стену. Пальцы цеплялись за еле заметные выемки и неровности в старом дереве, и темная фигура огромным пауком в единый миг вскарабкалась на крышу.

Оказавшись там, Кащей сдвинул пальцы и резко саданул самыми кончиками в толстую доску, проламывая ее, словно берестяной листок. Костлявые ладони рванули в стороны, ломая крышу, и в пролом устремилась тощая фигура...

Появление незваного гостя прозвучало громом среди ясного неба. Гридни, полуночничавшие за хмельным медом, первое мгновение смотрели на Кащея выпученными глазами, не понимая, кто это такой и чего ему надо. Но уже в следующий миг явившийся через крышу откинул капюшон... и помещение мгновенно наполнилось гулом и криками, воины похватили мечи, топоры, палицы, клевцы, кистени...

Кащея всегда узнают с первого взгляда.

Однако пришлеца ничуть не смутило такое явное превосходство противника в численности и вооружении. Кащей совершил головокружительный прыжок, сигая сразу на десяток сажен, и приземлился у дверей, перекрывая гридням выход. Одной рукой он схватил тяжеленную дубовую скамью и швырнул ее с той легкостью, с какой мальчишка бросает камешек. Сразу двух пирующих пригвоздило к стене, раздробив ребра.

Гридни устремились в атаку. Но их встретил бушующий самум, расшвыривающий вооруженных дружинников, точно сухие листья. Причем безо всякого оружия. Каждый раз Кащей убивал с одного удара — сворачивал шеи, разбивал кадыки, сносил головы... Одному гридню вырвал срамный уд, другому проткнул ладонью живот, переломив хребет, третьего

разорвал надвое голыми руками...

Нечеловеческая сила, ловкость и скорость делали его воистину страшным противником.

Княжеская дружина тоже не зря ела свой хлеб. Будь перед ними смертный человек, вся его чудо-мощь не устояла бы перед таким количеством отточенного железа. Кащею уже нанесли десяток смертельных ударов, ему несколько раз отрубали руки и ноги, дважды сносили голову... но бессмертное чудовище всякий раз возрождалось в мгновение ока и вновь убивало, убивало, убивало, с каждым ударом уменьшая число противников. Жуткий старик словно даже не замечал этих жалких потуг — на лице-черепе по-прежнему царило лишь беспощадное равнодушие.

В сердца оставшихся все настойчивее вползал холодный липкий страх. Как можно биться с тем, кого невозможно убить?! Все чаще раздавались крики, мольбы о пощаде, звериный вой ужаса... Кое-кто уже бросил оружие и попрятался под столами и лавками, некоторые пытались спастись бегством через окна, иные кинулись искать спасения в молитве. Все тщетно — Кащей убивал с безжалостностью мясника, режущего скот.

— Хек. Хек. Хек.

Ледяной бездушный смех прозвучал одновременно с гибелью последнего из княжских дружинников. Кащей резко распахнул двери и вышел наружу — к зарождающейся суматохе. Подворье, перебуженное криками и звоном оружия, повыскакивало из постелей, кто-то уже бил в набат.

Часть оставшейся дружины спешила в гридницу, на помощь соратникам, но остальные торопились к городским воротам — там творилось что-то несусветное, даже отсюда слышны были вопли и грохот.

Кащей равнодушно двинулся туда же.

Ворота княжеского двора были распахнуты настежь. Правда, подле них стояли на страже несколько отроков. Один из них, узрев Кащея, бросился с мечом, дико вопя и бешено вращая глазами. Но старик с легкостью увернулся от удара, швырнул парня через плечо, вырвал у него меч, безучастно хватаясь прямо за лезвие, и воткнул отобранное оружие в живот владельцу.

Так же играючи он разобрался и с остальными. Последний бросился бежать, но Кащей швырнул в него шлем убитого соратника. Этот необычный снаряд просвистел в воздухе и саданул в спину удирающему с силой разъяренного тура — паренек упал как подкошенный, обливаясь кровью.

Глаза Кащея по-прежнему оставались холодными и безразличными.

Жуткий старик с нечеловеческой скоростью пронесся от княжьего подворья до главных ворот детинца. Ратич — не самый крупный город на Руси, едва десять тысяч жителей наберется. Остановить его не пытались — по пути Кащей между делом убил нескольких человек, одним-единственным движением ломая кости, вырывая из тел огромные куски мяса, швыряя несчастных с такой силой, что трескались стены.

Вот на пути попала женщина с младенцем на руках. Кащей приостановился, выбросил руку и между делом схватил ребенка, подняв его за лодыжку. Мать зашлась криками, бросилась на похитителя с кулаками — старик в ответ легонько хлопнул ее раскрытой ладонью, и бедная женщина отлетела назад, упав бесформенной грудой. Один-единственный удар Кащей Бессмертного переломал несчастной ребра и хребет.

Младенец захныкал — ему не понравилось висеть вниз головой. Он потянулся к железной короне, висящей перед глазами, даже уцепился за один из зубцов. Кащей еще раз

посмотрел на дитя в руке, а потом равнодушно саданул им о каменный столб, отшвырнул прочь и устремился дальше, даже не оглядываясь на крохотный трупик.

— Забавно, — безучастно сказал он самому себе, воззрившись на столпотворение у городских ворот. — Хек. Хек. Хек.

Куча воев еле-еле сдерживала страшный напор с другой стороны. Казалось, будто за воротами собрался десяток великанов, молотящих таранами. Воевода хрипло выкрикивал приказы, но его никто не слышал — на лицах гридней выступил красноватый пот, с каждым ударом они осыпались со стен, словно яблоки с дерева.

Кащей пошарил глазами и подхватил оброненный кем-то щит. Старик подобрал его, ухватил подобно метательному диску и закрутился вокруг своей оси. Воевода обернулся на шум, открыл рот, в ужасе узнавая дискобола, но в следующий миг его просто снесло бешено крутящимся снарядом. Край щита ударил военачальнику в челюсть, вышибая зубы и ломая хребет, тот упал наземь, и княжья дружина осталась без предводителя.

— Уймись, — холодно и ровно приказал Кащей. — Бросьте оружие и склонитесь перед истинным царем сих земель. Ваша смерть неизбежна.

Однако гридни с ним не согласились. Сначала костлявую фигуру накрыло ливнем стрел из луков и самострелов, кто-то бросился схватиться врукопашную... но с другой стороны ворот вновь раздался таранный удар, и воины с криками ужаса вернулись к прежним постам.

Кащей равнодушно пожал плечами, подобрал меч воеводы и закрутился диким смерчем, сметая все на своем пути. Клинок почти сразу сломался, не выдержав ударов такой силы, и главный кошмар Руси вновь принялся крушить противников голыми руками. Снова летели наземь изуродованные трупы, снова Кащей рубили, резали, рассекали и лишали конечностей — но он каждый раз возрождался в мгновение ока, продолжая истреблять все и вся.

Лучший гридень Ратича, молодой боярин Судислав Ольгердович врезался в Кащей снарядом камнемета. Тощий старик отлетел назад с переломанными ребрами и ногой, но тут же вновь взметнулся в воздух — целый и невредимый. Судислав ошалело открыл рот, но немедленно опомнился, перехватил поудобнее сулицу и с силой метнул ее во врага. Легонькое копьёцо просвистело в воздухе и прошло сквозь Кащей, будто раскаленный нож — сквозь масло. Во все стороны брызнули черные капли — ядовитая кровь царя нежити.

Однако бессмертный царь, казалось, даже не заметил такой мелочи, как дыра в груди — скелетоподобная фигура лишь на миг замерла и вихрем понеслась к противнику. Судислав невольно вздрогнул, но удержался, не попятился, не побежал.

Нет, вместо этого он нанес еще один страшный удар. Тяжеленная булава молодого хоробра шарахнула Кащей по щеке, снося голову, словно пустую тыкву — но из плеч тут же выскочила новая, точно такая же, что прежняя.

Кошмарный старик подпрыгнул на три сажени, приземляясь позади Судислава, нанес резкий удар в плечо, выбивая булаву, и с силой саданул в спину ладонью, скрюченной подобно птичьей лапе. Тонкие пальцы-костяшки прошили насквозь кольчугу, кожу и ребра, выметаясь обратно с окровавленным куском мяса и оставляя за собой дыру с рваными краями.

— Хочешь посмотреть, как бьется твое сердце? — равнодушно спросил Кащей, поднимая добычу над головой.

Судислав медленно обернулся, растерянно взглянул на то, что еще миг назад покоилось в его груди, и начал медленно падать. Молодой великан обрушился, точно подрубленный дуб, хлеща во все стороны кровью. В рядах защитников Ратича раздалась панические вопли —

погиб лучший из лучших...

Когда число противников поубавилось, Кащей с силой ударил кулаком, прошибая толстые ворота насквозь. Руку мгновенно обдало горячим паром — старик отпрыгнул назад, и громадные створы наконец-то обрушились. А из-за них появились три жуткие клыкастые хари на длинных чешуйчатых шеях...

— ЦАРЬ НАШ, МЫ ПРИШЛИ!!! — оглушительно проревел на три голоса Змей Горыныч, поджаривая оставшихся гридней прицельными огненными струями. — КОГО НАМ УБИТЬ?!!

— Ты неразумно действовал, — вынес ему порицание Кащей. — Тебе следовало спалить защиту города с воздуха, а затем уж ломиться в ворота. Так было бы эффективнее.

— Прости, мы не подумали!.. — ответил правой головой чудовищный ящер, покаянно опуская две другие. — Позволь нам исправиться!

— Ступай, — сухо кивнул Кащей, бросая ему все еще слабо подрагивающий ком мяса. — На вот, угостись.

— Благодарствую!.. — проревела средняя пасть Горыныча, ловя и проглатывая сердце Судислава. — Сладко мясо богатырское... Хорош ли был его хозяин в битве?

— Для смертного воя — довольно хорош. А теперь ступай и убей всех людей в городе.

За воротами словно поднялся буран — такой ветер вздули огромные перепончатые крылья. Змей Горыныч, последний дракон Руси, сделал несколько кругов, беря первоначальный разбег, и медленно поднялся в воздух. Его брюхо раздулось от горячего газа, лапы плотно прижались к животу, хвост работал из стороны в сторону, помогая рулить, а в груди что-то трубно бухтело, исходя жарким холодом...

Три шеи вытянулись по направлению к княжескому двору, где еще виднелись остатки дружины, три пасти раскрылись на всю ширь, три ревуших пламенных столба исторглись в город, испепеляя все на своем пути. Хоромы бояр и избы смердов — Змей Горыныч жег их с одинаковым неистовством. Глаза исполинского ящера горели злобой и гневом — он люто ненавидел весь человеческий род, и охотно истреблял любых его представителей.

А к Кащею подбежал запыхавшийся хан татаровьев — Калин. Высокая шапка сбилась набок, обнажая бритую голову и то, что отличало хана от обычных людей.

— Светлый царь, мои батуры стоят пред твоими очами! — торопливо поправил шапку он. — Взять ли нам этот город?

— Возьмите, — подтвердил Кащей. — Отдаю вам Ратич на поток и разграбление.

— Ай-я-я-а-а-асс-а-а-а!!! — завизжал хан, взмахивая саблей.

В ворота хлынул поток косоглазых плосколицых воинов — на спине Змея Горыныча прилетела целая полусотня татаровьев. Лучшие из лучших, сильнейшие батуры Калина. Они мгновенно рассыпались по улицам, зачищая городские концы от тех, кто еще мог оказать сопротивление, и загодя намечая места, где можно будет взять добычу.

Грабить и убивать татаровьины умеют превосходно.

— Привез? — окликнул Калина Кащей.

— А как же, конечно! — продемонстрировал шербатую улыбку хан, протягивая царю нечто продолговатое, завернутое в материю. — То, что велено, доставил.

Кащей принял подарочек. Тонкие пальцы коснулись ткани, ощупывая предмет, и полупрозрачные веки чуть опустились — Калин ничего не перепутал. Кащей чуть шевельнул дланью, опуская татаровьяна, подобрал железную корону, валявшуюся там, куда упала голова, снесенная Судиславом, и широким шагом двинулся к воротам — в самом городе ему

больше делать было нечего.

Ратич пылал. Смерть и разрушение неслись по его улицам в обличье татаровьев, по земле стелился сизый дым, за ревом многочисленных пожаров не было слышно людских голосов. Батуры Калина весело гикали и перекликались, потроша лабазы и приканчивая их хозяев. В мерцающем свете горящих домов блистали сабли, свистели бичи нагаек, звенели тетивы, отправляя точно в цель смертоносные клювы стрел...

Да, сегодня смерть собрала богатую жатву.

На княжьем подворье ворочался огромный чешуйчатый зверь. Хвост-бревно уже разрушил два сарая, одна из голов пролезла в большой терем и выковыривала челядь, вторая отлавливала убегающих, а третья любовно поливала сверху пламенем. Время от времени Змей Горыныч сыто взревывал — у него давно не было такого обильного обеда.

— ГОРИ-ГОРИ ЯСНО, ЧТОБЫ НЕ ПОГАСЛО... — на три глотки распевал чудовищный ящер, исторгая огненные ливни.

Вот правая голова усмотрела за сараем юную девицу, сжавшуюся в комочек и дрожащую от ужаса. Чешуйчатая шея устремилась вниз, из пасти выметнулся длиннющий раздвоенный язык, хлестнув несчастную по спине и сдирая кожу. Та дико завизжала от боли и страха, бросилась было прочь, но в следующий миг ее обхватил частокол клыков. Огромная пасть резко вскинулась к небесам, подбрасывая добычу в воздух, и наперерез бросилась средняя голова.

Два ненасытных драконьих зева схватили уже мертвую девушку почти одновременно, разрывая ее пополам, жадно сглотнули и выпустили из ноздрей по голубоватой струйке пламени. Мясо оказалось нежным и мягким, не то что у воев — те обычно жесткие, как подошва.

Кащей Бессмертный стоял на колеснице, удерживая одной рукой вожжи. Крылатый змий мерно взмахивал крыльями, описывая круги вокруг горящего города. Ледяные глаза возницы пристально следили за происходящим внизу.

Вот какой-то паренек выскочил из ворот, дав деру к близлежащему леску. Кащей тут же вскинул предмет, привезенный Калином, и несчастного... шибануло молнией. Царь нежити убил его выстрелом из перуна.

Это оружие, не так давно найденное в древнем кургане, обладало по-настоящему разрушительной силой. Молнии, исторгаемые перуном Перуна, превращали любое живое существо в горстку пепла, сжигали деревья, поджаривали тяжеловооруженных богатырей, закованных в железо.

И пользоваться им мог исключительно Кащей — в других руках оружие богов становилось не более чем бесформенной железиной с причудливыми выступами в, казалось бы, случайных местах.

Порой же оно отказывалось служить и Кащейю — в самые неожиданные моменты. Иных людей перун отчего-то наотрез отказывался сжигать — причем даже сам Кащей пока не обнаружил хоть какой-нибудь закономерности. Особенно часто таковые попадались среди воинов, но иногда и смерд мог стоять перед перуном, не боясь превратиться в золу. Потому в серьезных битвах Кащей Бессмертный предпочитал не полагаться на капризный громобой, а работать другим оружием, более верным.

Но пока еще его время не пришло...

С этой высоты открывался замечательный обзор — все как на ладони. Кащей все чаще поглядывал в сторону городского собора — там пока еще тлело сопротивление. Последние

защитники Ратича объединились вокруг святых стен, из последних сил удерживая единственную оставшуюся твердыню. Даже отсюда слышались оглушительные крики какого-то обезумевшего старика: «Не пропущу!»

Но эти крики с каждой минутой все слабели, а потом вдруг резко оборвались...

На восходе заалела заря, когда побоище окончилось. Ратич превратился в дымящиеся развалины — Змей Горыныч повеселился от души. Пленных татаровьины не брали — обратно предстояло добираться так же, как сюда, а трехголовый ящер не собирался рвать перепонки ради десятка полонянок. Ему и без того придется сделать две ходки — добычу взяли богатую, злата-серебра награбили вволю.

— Княжеская казна! — гордо провозгласил Калин, когда два дюжих батура, отдуваясь, подтащили к Кащейю тяжелый сундук. — Тебе, царь!

Крышка откинулась, обнажая мерцающую золотую грудку. Тонкие бледные пальцы поворошили монеты, просеивая тусклые желтые кружочки. Затем крышка вновь захлопнулась, а Кащей равнодушно шевельнул одной лишь бровью — еле заметно. Батуры, однако, превосходно поняли приказ — драгоценное беремья поволокли к Горынычу. На чешуйчатой спине уже закрепляли прочную ременную сбрую, дабы наездники не попадали в полете.

— Приведите пленных, — холодно повелел Кащей.

Татаровьины подтащили к нему несколько десятков человек — все, что осталось после кровавой сечи. Этих вытащили из храма Сретения Господня, где они тщетно пытались найти защиты у алтаря.

— Вострый нож, да лук тугой, ночь глухая, конь гнедой... — напевал Калин, оглядывая избитых русичей и с удовольствием похлопывая по ладони рукоятью нагайки. — Эх, батюшка, а хорошо же поозорничали все-таки!

— Да, неплохо, — согласился Кащей.

Среди пленных были женщины, дети, старики. Были священнослужители — старенький трясущийся попик, худощавый дьякон с выпученными глазами, трое певчих. Но особенно выделялся рослый старик в черной рясе — длиннобородый, со сломанным носом, окровавленным лицом и гневно горящими глазами.

Этот священник доставил татаровьям немало хлопот — именно он защищал храмовые ворота до последнего, сражаясь с яростью бешеной росомахи, собственным телом закрывая женщин и детей. Вживе он остался лишь чудом — сабельный удар пришелся вскользь, сорвав широкий лоскут кожи с виска и отрубив ухо. И он единственный из всех стоял прямо, каким-то образом умудряясь глядеть сверху вниз даже на Змея Горыныча.

Отец Онуфрий, архиерей Тиборский не сгибался и перед великими князьями.

— Гореть тебе в геенне огненной, Антихрист! — иступленно прохрипел он, напирая на Кащея. — Что ты сотворил?! Что сотворил?! Да как ты посмел, зелье бесовское?!

— На колени перед царем, собака! — бешено хлестнул его нагайкой Калин.

— Не будет по-твоему, басурман! — ожег его гневным взглядом отец Онуфрий, вздрагивая от удара, но продолжая стоять. На черной рясе расплылась кровавая полоса. — Защити меня, Господь, силою Честного и Животворящего Твоего Креста, и сохрани меня от всякого зла!

— Храбришься?! — фыркнул хан. — Ничего, не таких видали, да и тех ломали! Склонись!

Два батура навалились священнику на плечи, пытаясь опустить его на колени. Но в отце

Онуфрии обнаружилась нешуточная сила, совсем не вяжущаяся с его внешностью немощного старика.

— Сказано в Писании — кого убоюсь, если Господь со мной?! — яростно прокричал архиерей, резко разводя руки в стороны. Могучие татаровьины разлетелись, как сухие листья. — Иисусе Христе, Сын Божий, прости длань Твою, огради раба Твоего от козней Нечистого! Сам Господь надо мной защита, и нет страха в душе моей!

— Ну что ж, христианский пес, готовься тогда к смерти... — скрипнул зубами Калин. — Ну-ка, батуры мои, выведите-ка его в поле, да потренируйтесь в стрельбе — посекайте его стрелами калеными!

— Нет, — послышался замогильный голос. — Оставьте его... пока что. Татаровьины послушно отступили, низко кланяясь бессмертному царю.

Кашей смерил гордого архиерея ледяным взглядом и сухо произнес:

— Забавно. Так значит, ты и меня не боишься?

— Тебя ли мне бояться?! — презрительно процедил, чуть ли не сплюнул отец Онуфрий. — Я — слуга Господа, и нет силы превыше Его! Что ты можешь мне сделать, нехристь сатанинская?!

— Убить.

— И всего-то?! — едва не расхохотался архиерей. — Пугай сим татарву свою поганую — истинно верующему смерть не страшна!

— Забавно, — проявил легкую заинтересованность Кашей. — А что насчет пыток? Я могу заставить тебя молить о смерти, поп. Хочешь?

— Тело мое ты волен истерзать, ибо сила за тобой, — не стал спорить отец Онуфрий. — Но тело — это лишь грешная тленная оболочка. Муки плоти — ничто! А дух мой крепче стены каменной!

— Не слишком удачная аналогия, — указал на развалины Ратича Кашей. — Как видишь, каменные стены передо мной не устояли.

— Но дух мой — устоит!

— Может, проверить? — задумался Кашей. — Хек. Хек. Хек.

Старик в короне взвесил на руке перун-громобой, нацелился в отца Онуфрия... но в последний миг перевел прицел чуть правее, испепелив какого-то мальчишку. Тот только вскрикнул и упал почерневшей головешкой. В воздухе запахло жареным мясом.

Лицо священника резко осунулось и заострилось. Только чудовищным усилием воли он удержал себя в руках — гнев, клокочущий в душе, требовал броситься и задушить проклятого палача голыми руками. Однако разумом отец Онуфрий прекрасно понимал, что ни малейшего проку от этого не будет — так просто Кашея не убьешь...

Тот некоторое время смотрел на священника, а потом пожал плечами, и перун ударил еще одной молнией. Теперь погибла юная девушка.

— Да воскреснет Бог, да расточатся враги Его!!! — все-таки не выдержал отец Онуфрий.

Архиерей выставил перед собой тяжелый медный крест и бросился на Кашея, лелея нешуточную надежду, что символ святой веры заставит это отродье Сатаны рассыпаться на месте. Однако бессмертный царь одним быстрым движением вырвал крест, а другим — швырнул наземь его владельца.

— Забавный предмет, — посмотрел на взятую добычу Кашей. — Полагаю, он должен был как-то мне повредить?

— Ты... ты...

— Сожалею, что разочаровал, — отбросил прочь крест Кашей. На ладони у него остался белый след, точно от ожога, но тут же исчез. — Боюсь, я не имею отношения к тому, кого казнил Понтий Пилат. Символ Распятого мне не страшен.

Отец Онуфрий с трудом поднялся на ноги, отряхнул рясу и глянул на Кашея исподлобья, с неутолимой злобой. Старческие пальцы мелко дрожали от бессильного бешенства.

— Теперь нам убить его? — нетерпеливо спросил Калинин.

— Нет, — отстранил его Кашей. — Не нужно. Я оставлю тебя вживе, поп. Но ты выполнишь одно мое поручение.

— Никогда! — мгновенно вспыхнул отец Онуфрий. — Дьявольское отродье, да я даже ради спасения души не стану тебе служить!

— Дослушай вначале. Мне нужно, чтобы ты отправился к великому князю Глебу и в подробностях рассказал ему обо всем, что здесь произошло.

Архиерей несколько смутился. Он почесал переносицу, помялся, а потом крайне неохотно ответил:

— Это я сделаю. Но не потому, что ты так велел! — торопливо выкрикнул он. — Потому, что я это и так бы сделал, и без тебя!

— Само собой, — безразлично согласился бессмертный царь.

— Можешь не сомневаться, князь узнает о том непотребстве, что ты учинил! — зло прошипел архиерей. — Десять тысяч невинных душ!.. десять тысяч!..

— Невинных душ не бывает, — холодно возразил Кашей. — Впрочем, это не имеет значения. Надеюсь, у тебя хорошая память, поп? Мне бы не хотелось, чтобы ты что-либо позабыл.

— Будь надежен — ничего не позабуду! — прохрипел отец Онуфрий. — Ответь, Антихрист, зачем тебе это понадобилось?! Зачем?! Ты разграбил город, ты взял богатую добычу — для чего нужно было столько бессмысленных смертей?! Господь Вседержитель, да что ты за Сатана такой?! Для чего ты не взял людей в полон?! Для чего превратил Ратич в руины?!

— Мне так захотелось, — равнодушно ответил Кашей. — Это недостаточно веская причина для тебя?

— Недостаточно!

— Что ж, изволь, я объясню. Вы, русичи, расселяетесь все шире, становитесь все многочисленнее. Ваши земли уже вплотную граничат с моими. И наше соседство не назовешь добрым. Вы боитесь и ненавидите меня — но против этого я ничего не имею, бойтесь и ненавидьте сколько угодно, мне это даже приятно. Но вы еще и смеетесь надо мной — и вот это меня несколько не радует. Ваши сказочники и кощунники рассказывают про меня глупые истории, выставляют юродивым, скоморохом, жалким кукольным злодейчиком. Но я был здесь царем, когда ни вас, ни вашей Руси не было даже в задумке. Я терпел вас очень долго. Однако сегодня мое терпение закончилось.

Кашей ненадолго замолчал — в холодных змеиных глазах отразился слабый, еле заметный блик страстей. У него это было равнозначно высшей степени бешенства.

— Теперь вы узнаете, каков на самом деле Кашей Бессмертный, — чуть погодя продолжил кошмарный старик. — Можете считать это, — он указал на разрушенный Ратич, — объявлением войны. Я пришел заявить о своих правах — и покарать своих врагов. Я сотру в порошок все ваше княжество, и все вы отправитесь в Навье Царство. Я бессмертен — ибо не может умереть тот, кто сам есть Смерть. Аз есмь Кашей. Аз есмь Смерть

Человеческая.

— Господь тебя покарает... — еле слышно прошептал отец Онуфрий, бессильно опуская руки. Его взгляд потух, на лице не осталось ничего, кроме боли и скорби.

Кашей даже не ответил. Он подозвал к себе хана Калина и коротко приказал:

— Попа не трогайте. А всех остальных скормите Горынычу.

Огромный ящер жадно облизнулся сразу тремя языками.

Избушка на курьих ножках выглядела мрачно и зловеще. Она легонько поскрипывала на ветру, столбы-коряги, врытые в землю и действительно похожие на птичьи лапы, еле заметно подрагивали, как будто изба в любой момент могла выкопаться и пойти гулять.

Вокруг возвышался частокол. И на некоторых кольях торчали человеческие черепа — Иван начал считать, досчитал до одиннадцати и сбился.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом! — приказал княжич. — Нам в тебя лезти, хлеба-соли ести!

Та даже не шевельнулась. Яромир насмешливо приподнял брови и спросил:

— Иван, ты что — окончательно подурел?

— Чего это? — обиделся тот, утирая нос рукавом.

— Да с избой разговариваешь. Ты еще с деревом поговори — авось ответит.

— Здравствуй, дерево! — послушно обратился к ближайшей ели Иван. — Не-а, не отвечает чего-то...

— Тьфу, дурак! — раздраженно сплюнул оборотень. — Над тобой даже издеваться неинтересно...

Яромир прислушался к происходящему в избе, принялся к воздуху, а потом удовлетворенно усмехнулся:

— Нету карги дома... Ну, Иван, давай...

— Чего?

— Обойди с другой стороны — там вход. Зайдешь — садись и жди. Явится старуха — ты ее не бойся, веди себя понаглее... ну как обычно. Предложит есть — ешь. Предложит пить — пей. Жди, что будет. И не засыпай ни в коем случае. Да Самосек ей, смотри, раньше времени не показывай!

— А ты?

— А я здесь подожду, в кустах, — хмуро ответил Яромир. — Мне туда лучше не ходить — сбежит старуха, если меня увидит... Она ж думает, что я сейчас в капкане подыхаю...

Иван нерешительно потоптался на месте. Встретаться один на один с бабой-ягой ему не хотелось. Ладно бы еще Овдотья Кузьминишна — та баба-яга добрая. Жена Игоря, Василиса, вон, лет десять у нее в служанках ходила, премудростям всяким обучалась. А здесь, должно, Яга Ягишна живет — эта куда злее. Говорят, даже человечинной питается... да и то сказать — черепа на кольях не с неба же к ней свалились?

— А чего мне там делать-то? — насупился Иван. — Ты что — обиделся, что она тебя в капкан заманила?

— Ну, это тоже есть, конечно... — не стал спорить оборотень. — Но главное — вымани у нее нож мой! Очень надо!

— Нож? А зачем тебе нож? Ты ж говорил, что...

— Заветный нож! Чародейский! У нас у всех трех братьев такой есть — без них мы силы теряем, вторая личина слабеет, разум теряет, превращаться труднее... Нам эти ножи от бабки достались...

— А-а-а... — нахмурил чело Иван. — Ну, так бы сразу и сказал... А где ж я его возьму — нож-то? В сундуках, что ль, пошарить?..

— Должно, яга его при себе держит... — проворчал Яромир. — Хотя мара ее знает... Ты

с плеча не руби — сами мы не найдем ни шиша. Лучше подожди, пока она сама тебе этот нож покажет...

— Ага, покажет... — замялся Иван. — А ежели она меня там съест?..

— Иди-иди, не трусь, — подтолкнул его в спину Яромир. — А если совсем худо придется — вопи погромче, выручу...

— Чтоб княжеский сын, да на помощь звал?! — возмутился Иван, храбро устремляясь к избе. — Ну-ка, где там эта яга?!

Оборотень удовлетворенно усмехнулся и растворился в чаше.

Дверь избышки оказалась ветхой, рассохшейся. Петли завизжали хуже молодого поросенка — Иван едва сдержался зажать уши. Он прошел внутрь, и сзади раздался резкий стук — дверь захлопнулась за спиной, словно живая. Княжич вздрогнул, но бежать не пустился. Рукоять кладенца, завернутого в тряпицу, успокаивающе грела ладонь.

Внутри было темно и ужасно тесно. Одно-единственное окошко, затянутое кожей, почти не пропускающее свет. Две трети избы занимает огромная печь. Упечь^[9] отделена рваненькой занавеской, на полу — грязненький половик, прикрывающий западню^[10].

Иван постоял, огляделся, а потом уселся на коник^[11], предварительно отряхнув пыль. К этой скамье никто не прикасался уже несколько дней.

— Эгей?.. — нерешительно позвал он, чувствуя, как по спине бегают мурашки. — Есть кто?..

В пустой избе бабы-яги было страшновато. Где-то за печкой еле слышно стрекотал сверчок, за окном ухала сова, да по спине продолжали бегать мурашки. Княжич терпеливо ждал, время от времени поглядывая в окошко — туда, где, возможно, притаился в кустах Яромир.

Так Иван прождал довольно долго. Уже перевалило за полночь, когда снаружи послышался свист, шум, а в довершение — гулкий удар, будто на землю сбросили что-то тяжелое. Двери растворились (на сей раз петли даже не скрипнули!), и на пороге появилась жуткая всклокоченная старуха с метлой.

— Фу, фу, фу!.. — сипло каркнула баба-яга. — Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нонче русский дух воочью проявляется, в уста бросается!

— Поздорову тебе, бабушка! — отвесил земной поклон Иван. — Прости уж, что без спросу зашел!

Старая ведьма поставила метлу в угол и встала напротив незваного гостя, упря руки в бока. Росточку она оказалась невеликого, Ивану не доставала и до плеча. Нос крючком, глаза желтые, огнем горят, зубы кривые, редкие, но острые, седые волосы космами, одета в бесформенную рванину — не поймешь, что это вообще за платье такое.

Но на плечах и верно — яга^[12], как по чину подобает.

— Фу, как русска кость воня! — прошамкала бабка, потянув воздух волосатыми ноздрями. — Ну, гость непрошенный, отвечай — зачем пришел? Чего надобно?!

— А ты, бабушка, погоди кричать! — возмутился Иван. — Я, чай, не побирושка какой — я самого князя Берендея сын! Ты меня сначала накорми, напои, в байну своди, а потом уж и спрашивай!

— Хе!.. — сморщилась Яга Ягишна. — И то сказать — дура я, стала у голодного да холодного выспрашивать... Берендея, говоришь, сын?.. Хм-м-м... а ты какой же по счету будешь? Для старшого, пожалуй, молодехонек... да и середульный вроде малость постарше

будет... меньшей, так?

— Так! Иваном кличут!

— Ну и то ладно. Ступай, Иван, в истопку, парься, мойся, а я пока на стол соберу... — проворчала старуха. — Байна парит, байна правит, байна все поправит... На вот, держи хлебушек.

Парная горница в избушке оказалась крошечная — едва человеку уместиться. Все освещение — тлеющая каменка, да лучина, кое-как приткнутая в щели. Топилась печь «по-черному» — дым выходил через дымволок в стене.

Однако Иван с удовольствием забрался на полочку и начал нахлестывать себя веником — последний раз он парился еще в Тиборске, целую седмицу назад.

А как русскому человеку без бани обойтись? Никак не можно.

Гайтан с нательным крестом княжич, само собой, снял еще загодя, оставил в предбаннике. С крестом в баню нельзя. А хлеб, данный хозяйкой, густо посыпал солью и положил у печи — для банника. Известное дело — этого супостата не подмаслишь, так непременно пакость подстроит. Камнем кинет, кипятком плеснет, банную притку найдет... а то и всю кожу сдерет, с него станется.

За стеной поскреблись. Из дымволок послышался приглушенный сиплый голос:

— Иван, ты там?

— Ага! — откликнулся княжич, работая веником. — Парюсь!

— Ты там пока ничего в рот не брал?

— Не-а, ничего пока!

— Я тебе сказать забыл — ешь-пей что хочешь, только брагу с киселем не трогай!

— А что так? — огорчился Иван. Он очень любил и кисель, и брагу.

— Брага отравлена! Яга туда сонное зелье сыпет! Она у меня так этот нож и стащила — хорошо, сам спастись исхитрился... Ты только притворись, что пьешь, а сам незаметно под стол выплесни!

— У, ведьма старая! — выпучились глаза княжича. — А кисель тоже отравлен?

— Нет, просто на вкус — как помой. Старуха его из плесени варит.

— Фу-ты! Вот ведьма...

— Ладно, мойся дальше... и осторожнее там! — прорычал напоследок Яромир. — Не засыпай ни в коем случае! А если что — вопи погромче...

— Ладно...

— И это... подмышки вымыть не забудь. А то ты их давно уже не мыл...

— Ты-то откуда знаешь?! — обиделся Иван. — Чай, не провидец!

— Не провидец. Но и нос пока что не отвалился.

Оборотень растворился так же бесшумно, как и подкрался. Иван почесал в затылке, думая, что надо было сказать что-то еще... только вот что?..

Закончив париться, княжич, само собой, оставил в кадушках немного воды, а в углу — веник. Для банника — он тоже попариться любит, но моется только грязной водой, что стекла с людских тел. Пренебрегать этим обычаем не годится — баенна нечисть при случае много всякого вреда сделать может, с ней ухо остро держи...

Когда Иван, чистый и распаренный, вышел из байны в избу, Яга Ягишна возилась в стряпном куте. От печи вились ароматные дымки, в чугушке что-то аппетитно шкворчало, на столе громоздились чашки-плошки.

Сама старуха ничего есть не стала. Только уселась напротив Ивана и сверлила его

глазами, провожая каждый проглоченный кусок. Впрочем, княжич не обращал внимания — знай наворачивал. Чай, с самого утра ничего не ел — живот уже начало подводить. На миг нахлынули угрызения совести — Иван вспомнил, что Яромир тоже с утра не ел... но эта мысль тут же отступила. И то сказать — кто ж ему мешает тоже в избу зайти? Сам и виноват, что голодный.

— Вот еще шанежка... — приговаривала яга, — а вот ватрушечки... сбитень с медом... взвар клюквенный... квасок кленовый... кисель сладенький...

— Не, не, не! — отказался от киселя Иван. — Прости, бабушка, кисель не люблю с детства.

— Что ж так? Не обижай бабушку! Не хочешь киселя, так вот бражки выпей — сама варила, сама настаивала... Чисто изюм заморский!

— Да нет, бабушка, благодарствую...

— Нехорошо от угошенья отказываться... — злобненько загорелись глаза бабуси.

Иван посмотрел на постукивающие по столу пальцы, кривую ухмылку старой ведьмы... смущенно утер нос рукавом и поднес чару к губам. Баба-яга проводила это движение торжествующим взглядом... Иван сделал первый глоток... и вскрикнул:

— Ой, что это там?!

— Где, где?! — обернулась Яга Ягишна.

Разумеется, в углу за печкой, куда показывал Иван, ничего не было. Но пока старуха туда таранилась, сияясь разглядеть что-нибудь подслеповатыми глазками, княжич успел выплеснуть отраву под лавку.

— Увидел что?.. — подозрительно повернулась обратно ведьма. — Не домовой ли?..

— Да может и домовой... — пожал плечами Иван. — Так, промелькнуло что-то...

— Показалось, может?..

— Может и показалось... Ух, скусная у тебя бражка, бабушка!.. только в сон что-то клонит...

— А ты ложись, ложись, милоч! — обрадованно захлопотала старуха. — Прямо здесь, на лавке — ложись спокойно, не помешаешь!

Иван притворно зевнул, закрывая рот рукавом. Впрочем, особенно притворяться не пришлось — спать ему действительно хотелось не на шутку. Час-то уже поздний...

Яга Ягишна присела на рундук, вперила в Ивана немигающий взор и достала откуда-то из-за спины старенькие гусли. Костлявые морщинистые пальцы забегали по струнам, по избе поплыла тихая убаюкивающая мелодия. Княжич невольно зевнул — глаза слипались сами собой, без всякого сонного зелья... Он изо всех сил боролся со сном, но с трудом, с трудом...

Не в силах противостоять мороку, Иван опустил голову на лавку. Там откуда-то уже объявилась пышная пуховая подушка, словно подложенная руками заботливого невидимки. Младой княжич сонно зачмокал губами, уже не пытаясь сопротивляться. В голове помутилось, хотелось только спать... спать... спать...

Однако дремота оказалась все же не настолько крепкой, как было бы, хлебни Иван отравленной браги. Он слышал, как затихла мелодия гуслей, видел сквозь полузакрытые глаза шаркающие ступни старухи... Отметил, что бабка изрядно прихрамывает на левую ногу... а приглядевшись, понял, что эта нога у нее искусственная, тщательно вырезанная из кости... То-то она так неуклюже ковыляет...

В печи по-прежнему горел огонь. Но теперь баба-яга топила уже чем-то другим — дым шел сладковатый, терпкий... мельком Иван заметил, что она подкидывает в топку

человеческие ребра...

— Фу, фу, фу... — проворчала Яга Ягишна, глядя на дремлющего княжича. — Ишь, худушный какой! Хоть шаньгами покормила, все потолшше стал... Ау, Иван, спишь ли?..

— Не сплю, бабушка, живу...

Баба-яга еще некоторое время побродила по избе, постукивая по полу костяной ногой. Выждав подольше, снова прошамкала:

— Ау, Иван, теперь-то спишь?

— Сплю, бабушка, сплю... — сонно пробормотал княжич.

— И то ладно. Фу-ты, ну-ты, покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мяса поевши... Да только жирен ли, вкусен ли?.. Надобно на зуб попробовать...

Иван сквозь дремоту отлично слышал произносимые слова, но смысл их от него ускользал. Княжич лежал колода колодой, и только рука вяло шарила под лавкой, пытаясь отыскать что-то ценное... нужное...

Старуха подбиралась все ближе... ближе... ближе... Иван заметил в свете затухающей лучины металлический отблеск... что-то сверкнуло... понеслось вниз...

...а потом ладонь пронзило чудовищной болью!!!

— А-а-а-аа!!! — дико заорал Иван, спрыгивая с лавки и нанося удар вслепую.

Из кисти хлестала кровь, на полу валялся выбитый у яги нож, а в зубах старухи виднелась обгаренная колбаска — отрубленный мизинец. Ее глаза жадно горели, седые волосы растрепались, а по нижней губе сочилась кровавистая слюна.

— Вкусен, жирен!!! — прорычала ведьма, со свистом проглатывая отрубленный перст и протягивая к Ивану скрюченные пальцы. Кривые ногти больше напоминали вороньи когти. — Сладко мясо человечье!.. Ну иди, иди сюда, мой поросенок!..

— Яроми-и-и-ир!!! — взвыл княжич, прижимаясь к стене.

Ветхая дверь слетела с петель, и в избу ворвался серый мохнатый вихрь. Матерый волколак проревел что-то нечленораздельное, бешено сверкая глазами, а потом увидел на полу свой нож. Яромир одним рывком метнулся к нему, на миг опередив баба-ягу, и торопливо запихнул куда-то в шерсть — выглядело это так, будто он всунул клинок себе в живот.

— Я же говорил — не спи!!! — рыкнул Яромир, перекрывая ведьме выход. — Ну что, бабушка, снова встретились?!

— Волхов сын?! — поразились баба-яга. — Да откуда ж ты тут взялся, оборотень проклятый?!

Крючковатые пальцы сделали резкое движение, словно толкая что-то перед собой, и Яромир вылетел из избушки, как будто им выстрелили из самострела. Огромный волколак пронесся добрый десяток сажений и со всего маху врезался в старую ель. Осыпалась хвоя, попадали шишки — человек-волк с трудом выпрямился, помотал мохнатой головой, злобно взрыкнул и вновь ринулся к избе. В лунном свете сверкнули зубы-сабли, когтистые пальцы бешено сжимались и разжимались, могучие плечи вздулись буграми, желтые глаза горели огнем...

— Мало тебе капкана, Серый Волк?! — остервенело каркнула баба-яга. — Ну так получай же!..

Она выхватила из-за пазухи длинный тонкий прут и выставила перед собой. Старческая рука мелко дрожала, загадочная веточка ходила ходуном — однако Яромир, несущийся к избе, замер, словно натолкнулся на невидимую стену, и резко попятился. В волчьих глазах

промелькнул нешуточный страх.

— Самосек!.. Дурак, Самосек!.. — жалобно заскулил он, отступая назад и прикрываясь лапами. — Быстрее!..

Иван, все еще держащийся за окровавленную ладонь, воспрянул духом. Он резко наклонился, нащупывая драгоценную рукоять, и в воздухе блеснул меч-кладенец! Баба-яга обернулась, что-то крикнула, но Иван нанес короткий быстрый удар. Чудесный меч сам докончил дело — он едва не вырвался из руки хозяина, вонзаясь в живот кошмарной старухе. Несмотря на закругленный кончик, Самосек пронзил бабу-ягу с легкостью, пришивив к стене, словно муху.

Загадочный прутик вывалился из руки старой ведьмы. Яромир немедленно влетел в избу, торопливо придавил эту хворостину кадкой, и рыкнул:

— В топку ее, Иван, живо! В топку!

Яга Ягишна завывала, царапая клинок. Несмотря на ужасную рану, крови не вытекло ни капли — да и вопила старуха не от боли, а от злобы. Самосек ощутимо извивался, мерцая во тьме, — будь на его месте другой меч, обычный, баба-яга давно бы уже освободилась.

— Выдергивай! — приказал Яромир, хватая старуху за плечи. Волчьи когти разодрали лохмотья и кожу, но крови опять-таки не вытекло ни капли.

Словно вовсе ее не было в бабе-яге...

Иван одним резким рывком выдернул кладенец, а оборотень резко поднял бабу-ягу на весу, едва не стукнув головой об потолок, и швырнул в гостеприимно распахнутую печь. Места там оказалось вполне достаточно — чай, бабушка не только караваи пекла...

Совместными усилиями волколак и княжич прижали заслонку, с трудом перебарывая бьющуюся в агонии старуху. Боль и огонь придали старой людоедке сил — она ратовала так, что Иван с Яромиром справлялись еле-еле.

— Задвижку!.. — рявкнул оборотень.

Иван повернул голову — и верно, заслонка была снабжена толстой железной задвижкой. Он торопливо всунул ее в паз и устало выдохнул — теперь можно было и отпустить. Крики и вой поджаривающейся ведьмы слегка поутихли.

— Бесова бабка!.. — едва не расплакался он. — Палец мне отрубила!..

— Ну-ка, дай посмотрю... — взял его за запястье Яромир, незаметно успевший кувырнуться через голову и оборотиться человеком.

Да, мизинец было уже не спасти. От него осталось всего полфаланги, а остальное сейчас преспокойно лежало в брюхе бабы-яги. Теперь, когда пыл битвы поутих, сменившись воплями и стуком горячей старухи, боль нахлынула пуще прежнего — руку обжигало, словно огнем.

Яромир сыпанул на культияпку белого порошка из кисета и поспешно забормотал скороговоркой:

— На море, на Океане, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь. На том камне, Алатыре, сидит красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, руду желтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я Ивана Берендеева от порезу. Булат, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

Иван чуть не взвыл — в первый момент ему показалось, что проклятый оборотень присыпал рану мелкой солью. Но уже в следующий миг боль бесследно улетучилась, сменившись нудным зудом и покалыванием. В голове что-то ритмично застучало, как будто там угнездился выводок дятлов, а кровавый поток резко остановился, точно зачарованный...

впрочем, именно так оно и было.

Княжич болезненно закусил губу, заматывая обрубок тряпицей, и спросил, едва не плача от жалости к самому себе:

— А снова не отрастет, да?..

— Ты ж не оборотень, — усмехнулся Яромир. — Не отрастет. Ничего, не горюй! Мизинец — не ладонь, и без него прожить можно. Да еще на левой руке... Вот кабы старуха тебе уд срамный отрубила...

Иван в ужасе схватился между ног — при одной мысли о таком непотребстве по тулову пробежала морозная дрожь.

— У-у-у, ведьма!.. — шарахнул в печь кулаком он.

Печь ощутимо вздрогнула. Из топки вырвался язык огня и одновременно с ним — дикий вой:

— Выпусти бабушку, кождер проклятый!!! Язвы Моровой на тебя нет, лишай гнойный!!! Выпусти бабушку-у-у-у-у!!!

— Жарься молча, старая, не ори! — прикрикнул на нее Яромир. — Все, Иван, пошли отсюда...

— А ну, изба, поворотись!!! По старому присловию, по мамкину сословию — шугани гостей незваных!!! — озлобленно прорычала баба-яга из печи.

Избушка затряслась. Яромир с Иваном выкатились из нее кубарем, пораженно глядя, как толстые столбы, действительно заканчивающиеся своего рода лапами, выкапываются из земли, как изба отряхивается курицей... а затем делает первый шаг. И второй. И третий.

Дом Яги Ягишны и в самом деле оказался очень даже живым.

— Прыгай, Иван, удирать надо!.. — кувыркнулся через голову, принимая звериное обличье, Яромир.

Княжич с ходу взметнулся на спину оборотню, и тот пустился бежать что есть мочи. Изба испустила громогласный рев, подобный клетоту исполинской выпи, бросилась следом, но довольно скоро завязла меж вековыми стволами. Бегать взапуски по этакой чаще столь громоздкое чудище не могло...

А изнутри доносился безумный вой поджаривающейся старухи:

— Спалили бабушку, спалили!!! Призываю Лихорадок, Лихоманок, на вас, на ваши головы!!! Приидите, сестры, возьмите их, наведите порчу, наведите муки!!! Смерть, смерть, смерть!!!

Эти крики и проклятья преследовали Ивана с Яромиром еще очень долго...

— Хорошо хоть, нож вернул... — пробурчал Серый Волк, огибая разлапистые ели. — Мне без этого ножа худо было бы...

— Нож... — шмыгнул носом Иван. — Я из-за твоего ножа пальца лишился! Как я теперь без мизинца-то?

— А на кой тебе мизинец? Да еще левый? Что с него проку?

— А-а-а! А в носу ковырять знаешь как ловко?.. было... Эх, такой палец был...

Княжич еще очень долго смотрел на свою четырехпалую ладонь и обиженно шмыгал носом.

— Не расстраивайся, Иван, и без пальца люди живут! — весело крикнул Яромир. — Главное, чтоб девки любили!

— Ну, это, конечно, да... — согласился Иван. — А что это там за деревьями полыхает?.. Эвона как красиво!..

— Заря, вестимо. Погоди чуток — еще полпоприща, и выйдем на открытое место, а там уж и Ратич твой, как на ладони...

Однако Яромир ошибся. Полыхала отнюдь не заря. Точнее, не только она...

То догорал Ратич.

Яга Ягишна, средняя из трех сестер-ведьм, все еще стучала и вопила. Однако уже совсем слабо — несмотря на сверхъестественную живучесть, даже баба-яга вполне способна умереть. Дым ел глаза, становилось все жарче...

Силы оставляли поедучую ведьму. Старуха-людоедка уже только бессильно шипела и корчилась, тщетно пытаясь хоть что-нибудь наколдовать. Проклятая печь, которую она сама же и зачаровала никого не выпускать, теперь обернулась против хозяйки...

— Проклинаю... — еле слышно прохрипела она.

— Кого? — послышался холодный равнодушный голос.

И в следующий миг заслонка отлетела, словно рванул сам Святогор, — задвижка сломалась, петли вылезли из пазов с мясом. У бабы-яги тотчас открылось второе дыхание — она выметнулась из печи, готовая убить, разорвать, сокрушить того, кто так необдуманно ее освободил... но тут же резко остановилась.

Посреди избы стоял тощий старик в железной короне, безучастно глядящий на беснующуюся ведьму.

— Кащеюшка, ты ли?.. — облегченно прошамкала баба-яга. — Да как же вовремя-то!..

— Я всегда вовремя, — безразлично ответил Кащей Бессмертный, отбрасывая печную заслонку и разворачиваясь к выходу.

Обожженная, обгоревшая, полузадохшаяся баба-яга семенила рядом, искательно заглядывая в глаза кошмарному старику. За дверью ее лицо исказилось в блаженной улыбке, волосатые ноздри шумно втянули свежий воздух.

Изба, перехваченная Кащеем, настороженно стояла меж деревьями, переминаясь с лапы на лапу. За ней виднелся вытоптаный след-бурелом — будто десяток лосей прошел единым строем.

— Ох, Кащеюшка, я уж не чаяла живой-то выбраться, думала — все, конец бабушке пришел... — ухмыльнулась редкими зубами она. — Ты каким часом здесь-то, а?..

— Так, мимо пролетал, — пожал плечами Кащей, вступая в колесницу, запряженную летучим змием. — Решил вот заскочить, показать тебе новую невесту. Взгляни — хороша ли?

— Ой, хороша!.. — одобрительно кивнула старуха, глядя на сладко спящую красавицу. — Часом, не боярина ли Патрикея дочка?.. та, что за Игоря-князя замуж вышла?.. та, что еще у сестрицы моей младшенькой ведовству обучалась?..

— Она самая.

— Ну, Кащеюшка, ты ходок! — хихикнула баба-яга. — У живого мужа жену выкрал?

— Уже не живого. Князя Игоря я убил.

— И правильно! — скрипнула зубами старуха. — Я ж тебе не сказала — это братец его младшенький меня в печку законопатил! Братец! Да еще Волха сынок с ним был — середульний, шерсть песья!..

— Сын Волха? — проявил легкий интерес Кащей. — Забавно. Хек. Хек. Хек. И куда же эти двое направились?

— Да куда?.. Известно, куда! К братцу небось, в Ратич!.. Фу, фу, фу!.. Не найдут уже братца-то, а?.. — хихикнула Яга Ягишна, подталкивая Кащея локтем. — Как раз на похороны успеют!

— Да, похороны будут большие, — равнодушно кивнул старик. — Я разрушил весь

Ратич. Змей Горыныч сейчас везет домой ратников и добычу.

Баба-яга разинула рот. Желтые глазищи пораженно выпучились, она растерянно глядела на Кашея, а потом прошептала:

— Дак ведь это... дак ведь князь Глеб-то... он же мстить полезет!.. Он же войска соберет — войной на тебя пойдет!..

— Именно, — согласился Кашей. — И я буду его ждать. Хек. Хек. Хек.

— Ах вот оно как... — задумчиво оскалилась старуха. — Ой, ладно придумал, ой, ладно!.. Давно пора!.. Давно!.. Ой, а меня ли не примешь к себе, а?.. В компанию-то?.. Силушки больше нет терпеть, так уж охота намстить им всем!.. Не пожалеешь, Кащеюшка, я уж для тебя так расстараюсь, так расстараюсь!..

— Тогда собирай манатки, старая, и перебирайся к Костяному Дворцу, — равнодушно приказал Кашей. — Я сейчас как раз созываю всех наших.

— Да я мигом, Кащеюшка, мигом! За мной не заржавеет! — встрепенулась бабка.

Кашей хлестнул крылатого змия вожжами и тот начал разбегаться — подняться в воздух с лесной поляны было для него нештучной задачей. Однако он с ней справился.

Через несколько минут сзади послышался свист и рев. Кашей обернулся — его нагоняла огромная железная ступа для толчения льна. Сидящая в ней старуха изо всех сил загребала воздух железным же пестом, набирая все большую скорость. Сзади оставался бурлящий воздушный кокон, словно пронесся ураган или грозовая туча.

Поравнявшись с Кашеем, бабка бросила пест на дно ступы и схватила метлу — это орудие она использовала для торможения. Прутья завихрились деревянным водоворотом, и ступа начала замедлять ход, подстраиваясь под более медленного змия. Тот яростно зашипел, выдыхая клубы пара, — неожиданный соперник ему не понравился.

— Ну что, Кащеюшка, вперегонки?! — весело прошамкала Яга Ягишна, скалясь заостренными зубами.

— А где изба? — спросил старик.

— Догоняет, куроногая! — отмахнулась старуха. — Вон, вона, глянь-ко — видишь, деревья валит?..

Кашей замедлил ход и обернулся — действительно, в чаще уже виднелась свежая просека. Избушка на курьих ножках перла напролом, снося стенами молоденькие елочки и огибая более старые. А выбравшись на равнину, она разогналась по-настоящему, безуспешно стараясь догнать хозяйку.

Деревянные лапы-ходули так и мелькали в воздухе. В земле оставались глубокие следы, ветхая крыша подпрыгивала в такт бегу, ставни дребезжали, выстукивая бешеный ритм. Слепое деревянное чудовище несло, не разбирая дороги, — любой встречный будет безжалостно раздавлен.

— Лети себе, Кащеюшка, я нагоню! — крикнула бабка, неожиданно сворачивая и снижаясь к лесу. — Перемолвлюсь-ка с Хозяином Лесным словечком...

Вернувшись домой, в Костяной Дворец, Кашей Бессмертный первым делом отправился в святая святых — в казну. Там, только там он чувствовал себя по-настоящему живым, только над грудой золота он еще мог испытать какие-то человеческие чувства... да, среди них безраздельно господствовала алчность, но это все-таки тоже чувство...

— Злато мое... — шептали сухие обескровленные губы в каком-то безумном экстазе. — Злато... Мое... только мое... Сокровище... Мое сокровище...

Костлявые пальцы перебирали монеты в полном одиночестве — никто больше не допускается сюда, в эту святыню. Два самых древних и могучих дивия вечно стоят на страже у входа — любого зарубят, кто сунется без спроса. Свежую добычу складывают здесь, и Кащей уже сам, своими руками затаскивает ее внутрь и раскладывает по ларцам и скрыням.

— Мое... мое золото...

Никто, кроме него самого, не знал точно, насколько богат властелин этих земель. Собственно, он и сам уже точно не знал — чтобы пересчитать такую гору, не хватит целой жизни.

Огромная зала — в ней легко может разместиться княжий терем...

...и огромная гора монет, слитков, украшений, камней, драгоценного оружия. Неисчислимое множество сундуков — взгляд теряется среди них, не в силах отличить одного от другого...

Порой Кащей что-то тратил — даже у него иногда бывали расходы... но редко, редко... За тысячи лет он собрал неисчислимые богатства, и не собирался без крайней нужды расставаться ни с единой монеткой.

— Никому... никому... никогда... только мое... только мое...

Ауреусы, дебены, денарии, динары, дирхемы, драхмы, дукаты, златники, иперпиры, милиарисии, номисмы, рупии, сестерции, сикли, силиквы, солиды, сребреники, статеры... Здесь были монеты всех стран и эпох. Одни — новехонькие, недавно отчеканенные, другие — совсем старые, полустертые. Были даже такие, о которых сам Кащей не мог сказать с уверенностью, где и когда они появились на свет.

А уж самоцветы!.. Агаты, аквамарины, алмазы, аметисты, бериллы, бирюза, гранаты, диопсид, жадеит, изумруды, кварц, лазурит, лунные и солнечные камни, малахит, нефрит, опалы черные, белые и огненные, родонит, рубины, сапфиры, топазы, турмалины, хризолиты, хризопразы, цирконы, шпинель, янтарь, яшма... Самые крупные и дорогие на отдельных подставках, поменьше — в шкатулках и сундуках, мелочь вовсе свалена вперемешку, огромной переливающейся грудой.

Золотые и серебряные диски капали меж пальцев, как вода. Холодные змеиные глаза неотрывно смотрели на них, едва не светясь от алчности. Сундук за сундуком, ларец за ларцом, скрыня за скрыней... Княжеская казна, взятая в разоренном Ратиче, потерялась здесь, как теряется корец воды, вылитый в озеро.

Из тьмы на пересчитывающего накопленные сокровища Кащей глядели восемь неподвижных глаз. Своего рода казначей — чудовищный мизгирь, уже несколько веков неотлучно пребывающий при царском злате. Те редкие тати, что каким-то чудом ухитрились пробраться сквозь железную кустодию, неизбежно попадали в пасть этому ожившему кошмару.

Перебирание монет продолжалось довольно долго. Но в конце концов Кащей Бессмертный все же нехотя оставил их в покое и покинул сокровищницу. Алчный золотой огонь в глазах погас, они снова стали тусклыми и безжизненными.

Старик в железной короне без малейшего усилия захлопнул тяжеленную каменную дверь, повернул в замке ключ и резко зашагал прочь, оставляя за спиной двух дивиев. Безмолвные истуканы даже не шевельнулись — их не заботило ничто, кроме сохранности хозяйской казны.

— Все прошло, как планировалось? — пробасили сзади. — Не было ли непредвиденных препон?

Это был необычный голос — громогласный полушип-полурыв. Почти так же говорит Змей Горыныч, только гораздо громче, с таким рокотом и гулом, словно вдруг обрел речь водопад.

— Ратич уничтожен, — равнодушно ответил Кащей. — Можем постепенно начинать переброску войск — если князь Глеб отреагирует, как я предполагаю, он помчится на нас быстрее бешеного тура.

Раздался удовлетворенный злорадный хохоток. Его обладатель чуть ускорил шаг, и теперь над левым плечом Кащея замаячил остроконечный шлем в виде луковицы.

А под шлемом... под шлемом начинался людоящер ростом в косую сажень — широкоплечий, покрытый темно-бурой, почти черной мелкой чешуей, с огромной пастью, маленькими остроконечными зубами, парой узких вертикальных ноздрей помимо всякого носа, большими миндалевидными глазами и двумя крошечными дырочками вместо ушей. Облаченный в роскошный атласный кафтан с длинными рукавами и воротником-козырем, он все равно оставался чудовищем. Не помогали даже пуговицы из чистого золота, обнизанные жемчугом.

Сам Тугарин Змиуланович, каган людоящеров и старший воевода Кащея.

— Сколько у нас времени? — прорычал он.

— Достаточно, — сухо ответил Кащей. — Покуда в Тиборске узнают о произошедшем, а великий князь соберет силы, пройдет не один день. Нам некуда торопиться.

— Особенно если учесть, что мы уже почти готовы... — оскалился Тугарин.

Да, это и в самом деле было так. Кащеева рать уже больше года непрерывно стягивалась к Костяному Дворцу — неслышно, неприметно. На Руси об этом никто даже не подозревал — ни один из русских князей не держит в Кащеевом Царстве подсылов и подглядчиков. Слишком уж быстро эти храбрецы исчезают в никуда...

Это «никуда» чаще всего означает чрево Змея Горыныча.

Скорее всего, провокация с уничтожением какого-нибудь приграничного города состоялась бы только через два месяца, когда землю покроет зимний снежок. Но тут в Костяном Дворце совершенно неожиданно объявился князь Игорь, разыскивающий похищенную жену... и Кащей просто не смог устоять перед таким подарком судьбы.

В результате все произошло так, как произошло.

Сопровождаемый верным соратником и помощником, Кащей прошел по длинной анфиладе и спустился в огромное подвальное помещение. Здесь располагались кузнечные цехи — в них ковали доспехи, оружие... и дивиев.

Да, именно так. Прямо сейчас на каменном полу скакали и прыгали десятки «незавершенных» — уродливых скрюченных карликов с безумными взглядами и тонюсенькими хилыми конечностями. Причем у каждого имелась всего одна рука, одна нога и один глаз.

Именно такими дивии рождаются первоначально — до «перековки» их называют оплетаями или половайниками. Эти уродцы не способны передвигаться нормально — им приходится складываться надвое, чтобы хоть как-то переползть с места на место.

А в глубине цеха прямо сейчас шла работа. Кащей прошел под каменными сводами, не обращая внимания на жар, пышущий со всех сторон, и искры, сыплющиеся прямо за шиворот, и остановился у огромной плавильной печи. Там орудовали клещами крохотные, но чрезвычайно сильные мужички — горные карлы из великого Каменного Пояса. Едва ли в локоть ростом, с бородами до пояса, они с легкостью перетаскивали тяжеленные слитки

металла, вращали шестерни, ворочали рычаги...

— Для чего посторонний в цеху?! — раздался трубный грохочущий бас. Однако он тут же стал на полтона ниже: — Охти мне... Не серчай, хозяин, не признал тебя...

— Не забывайся, карла! — рыкнул на него Тугарин.

Сам-с-Ноготь, старшина горных карлов угрюмо засопел, сдвинув густые брови.

— Не тебя меня учить, ящерица... — фыркнул он. — Я таких, как ты, с кашей ел, клещами плющил...

— Да ну?! — продемонстрировал мелкие зубки людоящер. — Проверим?

— Прекратить перебранку, — холодно приказал Кащей. — Ну что, как движется работа? Долго ли мне еще ждать?

— А вот сам посмотри, хозяин! — махнул рукой Сам-с-Ноготь.

По цеху неспешно двигались хитроумные машины, управляемые карлами. Одна из них, самодвижущаяся телега о восьми колесах, подвезла к печи доспех дивия — полный комплект брони, раскрытый посередине подобно ужасной Железной Деве. То, что находилось внутри, также напоминало ее нутро — сплошь иглы, шипы, крючья, шестеренки, какие-то трубки, каплющие вонючей слизью...

— Желающий есть?! — прогремел Сам-с-Ноготь.

Десяток оплетаев мгновенно метнулись к нему, что-то пискливо крича. Старшина карлов схватил за плечо подоспевшего первым, а остальных брезгливо отогнал. Обделенные уродцы наперебой зашипели, запротестовали, но все же неохотно вернулись к прежним прыжкам и ужимкам в дальнем конце цеха.

Оплетай-счастливчик выглядел особенно изуродованным. Единственная нога кривая и бесформенная, рука тощая и закрученная поросычьим хвостом, голова приплюснутая. Крохотное чудовище отвратительно скалилось, рассматривая Кащея и Тугарина. Людоящер что-то негромко рыкнул.

Сам-с-Ноготь задвигал руками, подавая знаки подручным. В цеху вечно стоял такой шум, что горные карлы разработали свою «молчаливую» азбуку. Бородатые коротышки понимали друг друга без слов, по одним жестам.

Несколько мастеровых подхватили оплетая и принялись укладывать его в нутро доспеха. Тот по-прежнему лишь глупо скалился.

Он не перестал скалиться, даже когда в его тело впились десятки игл, а половинки брони начали закрываться. Медленно, очень-очень медленно. Несколько минут прошло, прежде чем они окончательно схлопнулись, испустив еле слышное шипение. Из щелей выступила дурно пахнущая кровянистая слизь.

Карлы заработали рычагами, и доспех принял вертикальное положение, подпираемый сзади хитрым устройством. Выдвинулись две пары огромных клещей, удерживая железного истукана за грудь и пояс, и он неторопливо поехал к печи, из которой поднимался зеленоватый дым. Во все стороны разносился визг заключенного внутри оплетая.

— Клепки заканчиваются! — тревожно воскликнул один из карлов.

— Так пойдй накуй! — гаркнул на него Сам-с-Ноготь, управляя сложной системой. — Вот, батюшка, готово, принимай нового ратника!

Визг и вопли стихли. И из печи, лязгая и погромыхивая, вышел свежий дивий — уже полностью «собранный», заключенный в железный самодвижущийся гроб. Теперь наружу ему не выбраться уже никак — живое мясо оплетая перемешалось с металлом, сотворив Кащею нового безгласного воина. Могучего, бронированного, безжалостного, не знающего

сна и усталости, не нуждающегося в пище, не способного на страх и сомнения...

Узкие прорезы в шлеме горели тусклым огнем — истукан смотрел на своих прежних сородичей без малейшей приязни. Он перестал быть одним из них, из оплетая став дивием. Теперь у него не осталось собственной воли, собственных мыслей, собственных желаний — все это заменят приказы Кащея Бессмертного.

Каждый «незавершенный» мечтает о такой судьбе.

Кащей равнодушно кивнул, по-хозяйски осматривая остальных оплетаев. При желании он мог «перековать» их всех за одну седмицу — нет на свете лучших ковалей, чем горные карлы Каменного Пояса, да и железа у Кащея пока что вдосталь. Но тогда эти воины станут последними — облачившись в «железную кожу», дивии перестают плодить себе подобных. Новых больше не появится. А они и так множатся медленней, чем равлик ползет по ветке: дети у этих уродцев рождаются на удивление нечасто.

Поэтому Кащей «перековывает» их уже на закате жизни, когда подступает старость, и становится ясно, что избранный уродец в продолжении рода не поможет больше ничем. Все оплети в этом подвале — дряхлые старики.

А вот в железных телах они могут жить веками — пока не проржавеет хитрый внутренний механизм, пока не иссякнут темные чары, оживляющие всю эту механицию.

Тугарин Змиуланович что-то неразборчиво рявкнул, простукивая безмолвного дивия, словно пустой котелок. Тот не сопротивлялся — стоял равнодушным истуканом, не шевелился, не двигал ни единым членом. Каган людоящеров не слишком одобрял эти ожившие механизмы — ценил за высокие боевые качества, но все равно не одобрял.

Холодная кровь рептилий не мешает людоящерам следовать древнему кодексу чести — в битвах они всегда придерживаются определенных правил. Возможно, именно поэтому люди уничтожили их так легко — ныне от народа ящеров осталась жалкая горстка, вытесненная в холодные полночные земли. Теплолюбивый народ кое-как приспособился к суровым условиям... но только кое-как.

С каждым годом их остается все меньше.

В Кащеевом Царстве есть и люди — те же татаровьины. Однако куда больше народов нечеловеческих — дивии, псоглавцы, людоящеры, навьи, горные карлы, черные мурии, самаядь... Русы, не разбирающиеся в таких тонкостях, зовут их всех скопом — дивьими народами, людьми дивия. Зачастую в это наименование включают и тех, кто Кащею вовсе неподвластен — леших, водяных, русалок, полуденниц... Эти природные духи пока еще обитают достаточно широко — при желании они даже могут жить бок о бок с людьми, ухитряясь оставаться незамеченными.

— Превосходно, — развернулся к выходу Кащей Бессмертный. — Продолжайте работу — ваши труды очень скоро нам пригодятся.

Сам-с-Ноготь угрюмо кивнул, вытирая закопченное лицо рукавицей.

— Не забудь, коротышка — на закате в тронный зал! — рыкнул Тугарин, на секунду обернувшись. — К царю на совет!

— Сам не забудь, ящерица... — мрачно буркнул карла.

Действительно, на сегодня Кащей запланировал большой совет. А завтра... завтра он отбывает на переговоры с возможными союзниками. На полудень, на восход, на полночь — всюду, где еще остались древние создания и народы, последние осколки былых времен и эпох...

Но это будет завтра.

— Не зайти ли нам в сераль? — предупредительно спросил Тугарин. — Я слышал, мой царь обзавелся новой супругой? Теперь число вновь выровнялось?

— Да, теперь их снова ровно пятьдесят, — равнодушно ответил Кащей. — Очень недурной экземпляр, нужно сказать.

— Так мы...

— Нет. Вначале — еще ниже. К капищу Кумарби.

Даже Тугарин слегка вздрогнул. Кащей действительно взялся за дело всерьез — вот уже много веков он не будил этого древнего демона...

Костлявый старик в царском одеянии и огромный людоящер в кафтане воеводы спускались очень долго. Ступень за ступенью, все ниже, ниже, ниже, ниже... Этот ход вел в такие глубины, в какие не совались даже храбрейшие из кащеевых слуг — говорят, по нему можно добраться до самой Нави...

Но так далеко Кащей опускаться не стал. Он остановился несколько раньше — на площадке, переходящей в длинную темную галерею. По ней древний царь-колдун двинулся уже в одиночестве — Тугарин остался ждать у лестницы. Прозрачные роговые веки медленно сомкнулись, каган уселся на нижнюю ступень и погрузился в глубокий сон ящера...

Галерея не освещалась ни единым лучиком. Но Кащею Бессмертному не нужен свет, чтобы различать очертания — он шел уверенно, ни разу не оступившись. И дошел до огромного зала — посреди него рос исполинский дуб, упираясь корнями в потолок.

Как это огромное дерево могло жить здесь, в подземелье, без света и воды — загадка. Его листья почернели, но не опадали, корни шевелились, будто живые, а в самом центре красовалась огромное черное дупло.

Но Кащея интересовало не дупло. Его интересовала щель меж корнями — совсем крохотная по отношению к дубу, но огромная — рядом с человеком. Добрых пяти саженей шириной. Оттуда веяло могильным холодом, пахло гнилью и разложением.

Кащей остановился у этой жуткой расщелины и спокойно изрек:

Кощный боже, змиев отче,
Навий владыка зимний полнощный,
В подгорных норах хранящий клады,
В глубоких водах зарод творящий,
В подземных ходах иное зрящий,
Очами грозный, хладный-морозный,
Копьем грозящий, мару водящий,
Кощный боже, навий владыка.
Слово мое услыши, Кумарби.
На зов мой прииде, Отец Богов.

Ужасные чары подействовали немедля. Из трещины задул ужасный ветер, ветви подземного дуба закачались, в зале стало стремительно холодать, на стенах застыл мертвящий иней...

А вслед за ветром из трещины показалась огромная кровать — выкованная из чистого железа, совсем не подходящая для сна. Улечься на подобное ложе было бы верхом безрассудства — от него явственно веяло смертью.

С ложа очень медленно спустились две толстые заскорузлые ножищи. Следом за ними поднялся и их хозяин — леденящее кровь чудище, похожее на помесь медведя и большой обезьяны. Вместо одежды тварь покрывали толстые слои черной земли, каким-то чудом не сваливающейся с кожи. Когти на руках и ногах такие длинные, словно их не стригли веками, плечи широченные, покрытые крохотными роговыми пластинками. Лицо — неопишимо кошмарная харя. По счастью, нижняя его половина прикрыта железной личиной, закрепленной на висках гвоздями, вбитыми прямо в живую плоть. Веки доходили едва не до подбородка — ужасный пришелец был слеп.

Из-под личины раздался гулкий нечеловеческий бас:

— Не называй меня Отцом Богов... Я перестал им быть многие тысячи лет назад... Я пал давным-давно... Я больше не Кумарби... Я даже не помню, когда и кто называл меня так... Теперь у меня другое имя... Совсем другое...

— Тем не менее, ты по-прежнему мой отец, — холодно ответил Кащей. — Я очень давно не призывал тебя. Но сегодня мне нужна твоя помощь.

— Что ж, я помогу... Тем, чем еще могу помочь... Но я очень ослаб с прежних времен... и продолжаю слабеть... Уже недалек час... недалек час, когда я просто лягу и умру... Теперь я Старый Старик... и время мое на исходе...

— Но еще не окончилось.

— Нет... Кое-что еще осталось... сохранилось... Я помогу, чем смогу... — выдохнуло чудовище. — Говори же, чем я могу помочь своему сыну?

— Многим. Для начала — ты должен послать клич, подчинить мне лембоев и выпустить на волю всю прочую нечисть.

— Хорошо, я сделаю это... Сделаю... Я больше не Кумарби... не Кумарби... но я все еще Вий...

Глава 8

В первый миг Иван стоял не дыша, не в силах вымолвить слова. Он то открывал, то закрывал рот, глядя на все еще пылающие развалины. Чистые голубые глаза, не замутненные даже крохотным признаком мысли, непонимающе взирали на то, что еще вчера было мирным городом.

— М-да... Кто-то успел раньше нас... — задумчиво выпятил губу Яромир. — Татаровья, что ли, набег сделали?.. Больше вроде некому...

— И-и-и-иго-о-о-орь!!! — истошно завопил Иван, приложив ладони ко рту.

— Да тише ты, дурак!.. — аж присел Яромир. — Глотка бычачья... и умишко такой же! Чего ты орешь?!

— Брата зову! — возмущенно нахмурился княжич.

— Брата... Головой сначала подумай! А если те, что город пожгли, еще там?..

— Посеку!!! — схватился за рукоять Самосека Иван.

— А если они тебя?

— Княжича?! — выпучил глаза Иван. — Не посмеют!!!

— Если это тот, о ком я думаю... еще как посмеют. Пошли лучше, посмотрим...

Впрочем, смотреть оказалось не на что. Почти все деревянные здания погибли от пожара, порожденного драконьим пламенем. Каменных хоромин в Ратиче было не так уж много, но они тоже изрядно пострадали. Крепостная стена в двух местах обрушилась, от ворот остались обломки, а на улицах валялись трупы.

Многие сотни трупов.

Сразу стало ясно, кто именно здесь побывал — кроме русичей встречались и татаровьины. По сравнению с русичами потери Калина были ничтожны, но все же несколько косоглазых батуров таки остались лежать мертвыми на улицах Ратича.

От княжьего подворья тянуло дымом и доносились вопли. Горестный вой уцелевших — тех, кто сумел-таки схорониться от супостата в погребах, сараях, а то и просто сундуках. Таковых набралось три сотни с малым — в основном женщины, дети, старики.

Руководил ими осунувшийся отец Онуфрий — под его началом были разведены погребальные костры, куда стаскивали многочисленных мертвецов. Святой старец выглядел сломленным и раздавленным — куда только подевалась обычная суровость во взоре? Голова перевязана, на месте левого уха ужасная рана.

— Искони бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово, — тихо шептал архиерей, глядя на мертвых и умирающих. — Со святыми упокой, Христе, души рабов Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная... Взыщи, Господи, погибшие души сии, аще возможно есть, помилуй... Неисследимы судьбы Твои... Не постави мне во грех сей молитвы моей, но да будет святая воля Твоя... Все в руке Твоей, Господи...

— Владыко! — раздался оклик. — Владыко!

— Иванушка! — бросился к княжичу отец Онуфрий, прервав молитву. — Ох, слава Господу, живой!

— Прости, владыко, опоздал я... — пробормотал Иван, по-детски кривя губы. — В пути задержался...

— И хорошо! И хорошо, что задержался! — замахал на него архиерей. — Кащей бы тебя не пощадил! Как брата бы...

— Брата?.. — сразу уловил главное Иван, отодвигая отца Онуфрия в сторону.

Игорь Берендеич лежал в домовине мирно и спокойно, словно просто прилег отдохнуть.

Однако Иван сразу же заметил неестественное положение головы — брату сломали шею.

— Кто?.. — с трудом выговорил он.

— Не руби сплеча, сыне, не нужно сразу...

— Кто?! — тряхнул его за плечи Иван. — КТО?!!

— Кащей Бессмертный, — мрачно ответил отец Онуфрий. — Кащей все это сотворил, Иванушка, Кащей...

— Ага, точно, — подтвердил Яромир, принимаясь к воздуху. — Был здесь Виевич, совсем недавно был... Вон, доселева могилой попахивает... Да еще дерьмищем змеиным... это, к слову, не Горыныч ли так нагадил?..

— Он, паскудина, — сухо кивнул отец Онуфрий.

Действительно, от дальнего конца двора, где раньше располагалась главная беретьяница, все старались держаться подальше. Теперь на том месте кружились тучи мух — обожравшийся дракон тут же и справил большую нужду. До самой крепостной стены прослеживался широченный пролом — Змей Горыныч не сумел взлететь без большого разбега. Смердело так, что все морщились, а кое-кто даже выметал харч себе под ноги.

Впрочем, большинству собравшихся было как-то не до того...

— Беда пришла на Русь, Иванушка! — грозно нахмурился архиерей.

— Да уж вижу... — безучастно ответил княжич, все еще глядящий на мертвого брата.

— Не то! Не о том говорю! Мертвые уже у престола Господня, их не вернуть, им не помочь! А вот...

— ...отмстить?! — догадался Иван. — Верно, владыко, отмстить нужно!

— Опять не о том мыслишь, суцеглупый!

— Не о том?! — горестно простонал княжич, опуская очи долу. — Опять не о том?! Да о чем же тогда мне мыслить, владыко?!

— На меня смотри, неслух! — гневно ударил его посохом по плечу архиерей. — Что тебе даст месть?! Разве воскресит она твоего брата?! Разве поднимет Ратич из руин?! До времени не о мести думать надобно — о защите! О том, чтоб невинных оборонить! Кащей с Ратича только начал — он дале пойдет, все княжество Тиборское пожечь хочет! А там и еще дале, пустоумный! Сам Антихрист идет с восхода — Гог и Магог наступают!

Иван шмыгнул носом и напряженно наморщил лоб, безуспешно пытаясь уразуметь сказанное — говорит-то батюшка красиво, правильно, только вот понять бы еще, что именно...

— Все исполню, владыко, что повелишь, все сделаю... только делать-то что?.. — робко спросил он. — Вразуми!

— До князя поспешать надобно, Иванушка! — строго сказал архиерей. — Рассказать ему! Чтоб в готовности пребывал!

— Рассказать? — задумчиво усмехнулся Яромир. — То есть сделать именно то, что нужно Кащею?

Отец Онуфрий только теперь обратил внимание, что княжич Иван явился не один. Он окинул Яромира придирчивым взглядом и промолвил:

— Здрав будь, православный. Кем будешь? Как звать-величать? Какого рода?

— И тебе привет... православный, — продемонстрировал волчий оскал оборотень. — Зовусь я Яромиром, родителей своих помню плохо — сиротинкой горемычным рос. Живу в

лесу бобылем, охочусь помаленьку, рыбку ловлю...

— Яромир, ты что... — удивленно обернулся Иван, но тут же получил локтем в живот и зашелся кашлем.

— Ох, прости, княже, не зашиб?.. — с деланной озабоченностью начал отряхивать его Яромир. — И как же это я так неудачно-то?..

— Имечко славное... — задумчиво кивнул архиерей. — Видно, хорошего роду-племени, раз такое носишь... А не скажешь ли мне, как ты с княжичем-то нашим знакомство свел?

— Из беды меня княжич выручил, — вновь улыбнулся Яромир. — Загиб бы без него. Деревом меня придавило — три дня лежал, выбраться не мог...

— Яромир, да каким еще дере... уп-бубух!.. кха!.. кха!..

— Эхма, что же я неуклюжий-то какой сегодня?! — схватился за голову оборотень. — Княже, ты лучше присядь, отдохни, а мы тут со святым отцом побалакаем, обговорим все ладком... Так что, владыко, говоришь, Кашей всех порешил, кроме тебя одного?..

— Ну еще вон сколько-то христиан по погребам попряталось... — проворчал отец Онуфрий. — Сам не видишь?..

— Вижу... А в полон, значит, никого брать не стал... Да, примета недобрая... — задумался Яромир.

— Да... а ведь нет, вру, одного полоняника все ж взял! — вспомнил архиерей. — Точней, не полоняника — полоняницу. Сам зрел — была у него в телеге летучей молодка, ликом пригожая... хм-м-м, погодь-ка, православный, дай Господь памяти... да, точно! Не просто молодка, а женка княжеская! Василиса, боярина Патрикея дочка!

— Не та ли, что у Овдотьи Кузьминишны в служанках ходила? — вспомнил Яромир.

— У нее, у ведьмы старой... — сварливо буркнул отец Онуфрий. — И сама, небось, ведьмой стала — только молодой... Я ж, сыне, затем в Ратич и приехал — последить за этой княгиней скороспелой...

— И как, последил?

— Да много-то не успел — хитра Патрикеевна... — поморщился архиерей. — То да се... а потом сам видишь, чем кончилось... Ты, православный, до речи, сейчас не в Тиборск ли?..

— Скорее всего. Куда ж еще-то, владыко?

— Это хорошо. Удачно, что вы с Иванушкой тут оказались — службу мне малую сослужите, — благожелательно посмотрел на оборотня отец Онуфрий. В его голосе не было слышно ни вопроса, ни просьбы — архиерею даже в голову не пришло, что кто-то может его послушаться. — Передашь князю все, что здесь видел. А я тут на некое время задержусь — людям помочь надобно... Кони-то у вас есть?..

— Найдутся, владыко.

— Хорошо. А то, может, моего Фараона возьмете? Добрый конь! Хоть и черен, аки вороново крыло, а только развей его, почитай, на всей Руси не сыщешь — я его еще жеребенком взял, самолично взрастил! Глянь-ка!

Яромир бросил взгляд в указанную сторону. Там действительно стоял могучий угольно-черный жеребец — без всякой привязи, спокойно глядя на святого отца. В отличие от прочих коней, распуганных татаровьями, Фараон почти сразу же вернулся к хозяину.

— Нет, не нужно, у нас свои, — отказался волколак.

— Ну, было бы предложено...

Иван тем временем уселся на край колодезного сруба, непонимающе глядя на негромко беседующих Яромира с отцом Онуфрием. Он растерянно почесал в затылке, безуспешно

сияясь сообразить — с чего это Серый Волк вдруг брехать начал?.. Да еще дерется! Почему бы не рассказать батюшке все как есть — что Яромир некрещеный и вообще оборотень?..

— Ах ты!.. — хлопнул себя по лбу княжич, запоздало вспомнив, с кем именно его свела судьба. — Ну, хитер, волчара!..

— Ась?.. — обернулся архиерей, о чем-то препиравшийся с волколаком.

— Да это он не тебе, владыко, — торопливо дернул его за плечо Яромир.

Теперь Иван смотрел на него уже со счастливой улыбкой — так гордился собственной смекалистостью. Догадался же все-таки! Сам, безо всяких подсказок!

Такое с княжичем случалось довольно редко.

— Все, пошли, коней наших заберем! — окликнул его Яромир.

— Каких еще ко... уй-еее!..

— Ты б, паря, поосторожнее, что ли! — недовольно пробасил отец Онуфрий, подозрительно косясь на Серого Волка. — Третий раз уже локтищем своим...

— Ненароком, владыко, Бог видит — ненароком! — насмешливо прищурился оборотень.

Зайдя в лес, Яромир сунул Ивану котому с харчами и длинный промасленный сверток, смародеренный в Ратиче, а затем одним резким кувырком перекинулся в волка. Княжич уже привычно вскарабкался ему на спину — на поверку ездить на волколаке оказалось даже удобнее, чем на лошади. Да и быстрее раза в три-четыре — Яромир и в самом деле почти не уставал, бежал полным ходом по любому бездорожью.

В свертке оказались ножны для Самосека — оборотень все-таки нашел время заглянуть в княжью оружейную. Самое ценное оттуда татаровьины оттуда забрали, но под метелочку все же не вычистили. Мечей эти косоглазые вообще не тронули — в кашеевом войске мечников не так уж много, у них другое оружие в ходу.

— А чего ты батюшке такое сказал? — полюбопытствовал Иван. — Про коней?..

— Сказал, что у нас в лесу два коня остались — быстрые-пребыстрые.

— Соврал, что ли?.. — удивился княжич. — А зачем?

— А ты что хотел? Чтоб я ему выложил, на чем ты действительно едешь? А если он меня святой водой обольет?

— А что будет? Сдохнешь, что ли?

— Нет, с чего бы вдруг? — удивился Яромир. — Промокну просто. А тебе что, нравится, когда водой обливают?

Оборотень некоторое время угрюмо молчал, а потом неохотно добавил:

— Не люблю я попов ваших. Уж больно они к нам... необычным... ну, не любят они нас... тоже...

— Ну так! — кивнул Иван, ковыряя в ременной петле ножен новую дырочку, чтобы удобнее носить на бедре. — А как же? Вот, о прошлом годе в Любимовке волкодлак дитя малое утащил — и сожрал!

— И что? — огрызнулся Яромир. — А о позапрошлом годе на ту же самую Любимовку разбойники налетели — шесть дворов пожгли, двенадцать человек убили, да всех девок пригожих насильничали! Так что ж после этого — всех русских людей поголовно на костер отправлять, раз среди них такая сволота попадается?

— А еще вы некрещеные ходите, — простодушно добавил Иван.

— Потому и ходим. Я если и захочу вдруг окреститься — кто ж мне позволит?

— А ты что — хочешь?

— Сдурел? На кой бес мне ваш мужик на кресте? Мне и Перуна с Велесом хватит.

— Ты про нашего Христа так не говори! — обиделся Иван. — Не забывай, в чьем княжестве живешь!

— А ты не забывай, на чьей спине едешь. Щас вот сброшу — пешком в свой Тиборск попрусь...

— В Тиборск? А мы что — в Тиборск?

— А ты как думал? Брата старшего предупреждать... — усмехнулся оборотень. — Хоть и не по сердцу мне, что мы как раз Кащею на руку играем... Ему это, ясное дело, нужно зачем-то...

— А отец Онуфрий как же? — обернулся Иван.

— Тоже помаленьку следом тронется. Ему там запряжку троечную собирают. Дело небыстрое, татаровья всех лошадей из конюшен повыгнали, а Горыныч еще и огнем вслед дунул — теперь их разве только сам Велес соберет... Ну ничего, может, хоть одноконную снарядят — а то верхом этому святому отцу сейчас неудобно... Ему же брата твоего везти — на похороны... Но мы по-всякому быстрее доберемся — меня еще ни одна тварь о четырех копытах не обгоняла...

Меж Ратичем и Тиборском около двухсот верст. Пешему — добрая седмица ходу, конному — три-четыре дня. Но чаще все-таки четыре — это в поле всаднику раздолье. А Тиборское княжество на три четверти — дремучий лес, потому дорог хороших и в помине нет, одни только направления. По лесным тропам путешествовать опасно — и разбойники пошаливают, и звери дикие, да и нечисть порой еще кой-где встречается... Тот же леший запросто может каверзу подстроить — а осенью они как раз особенно злы. Опять же Царство Кащеево под боком — оттуда тоже порой забредает... всякое.

Яромир Серый Волк отлично знал дорогу — борзопалый оборотень неоднократно бывал и в Ратиче, и в Тиборске. Он запросто мог преодолеть это расстояние за один-единственный день. Но в этот раз что-то шло не так...

Волколак не узнавал мест, по которым бежал. Тропинки странным образом исказились. Вот, казалось бы, ровная, проезжая — ан нет, прошел немного, оканчивается буреломом непролазным. Он то и дело замечал, что движется по одним и тем же местам, словно ходит кругами. Не помогал и нюх — запахи путались, переплетались, да и знакомых среди них отчего-то не попадалось...

Час шел за часом. Солнышко перевалило за полудень, а толку по-прежнему не было. Княжич с оборотнем окончательно заблудились. Яромир все больше супил шерстнатые брови.

— Все, слезай! — наконец остановился он.

— Обедаем? — догадался Иван, с готовностью расстегивая котому.

— Это само собой, — кивнул Яромир, оборачиваясь человеком и вонзая зубы в кулебяку с творогом. — Заблудились мы чего-то, Иван... Леший нас водит.

— Как?.. Тебя?.. Так ты ж оборотень!

— Оборотень, оборотень... — угрюмо отмахнулся Яромир, оглядываясь по сторонам.

Место, где они устроили привал, выглядело совсем неведомым. Деревья мрачно шевелились, точно живые, трава под ногами выглядела какой-то чужой, а за рядами стволов виднелось озерцо — и Яромир понятия не имел, что это за озерцо такое, как называется.

Не слышно было даже птичьего щебета.

— Ау-у-у, меня кто-нибудь слышит? — негромко крикнул Яромир.

— Я слышу, — простодушно откликнулся Иван.

Оборотень только криво усмехнулся и принялся расхаживать взад-вперед, настороженно прислушиваясь к звукам и запахам.

— Господи, куда же ты нас завел? — благочинно осенил себя крестным знамением княжич.

Этот простой жест кому-то, похоже, не понравился. Деревья вокруг явственно вздрогнули, колыхнулись. Вдали послышался тихий злорадный хохот — но в нем чувствовался и испуг.

— Хм-м-м... — задумчиво прищурился Яромир, втягивая воздух ноздрями. — А ну-ка, Иван, раздевайся!

— Это зачем?! — набычился княжич, невольно хватаясь за шапку.

— Сымай платье, говорю! — поморщился оборотень, в свою очередь стягивая рубаху и ноговицы. — Делай как я!

И то, и другое он сначала от души отряхнул о ближайшее дерево, а затем вывернул наизнанку и надел уже так. Иван, все еще недоуменно морща лоб, неохотно последовал его примеру. С изнанки дорогая свита оказалась даже более приглядной, чем снаружи — очень уж изгваздал Иван одежду за время путешествия.

— А шапку? — спросил он.

— Тоже выверни. И сапоги местами перемени.

Самому Яромиру было легче — он-то босой. А вот Ивану оказалось неудобно — правый сапог на левой ноге и наоборот ужасно жали.

— Ах ты, граб поганый, мать твою [цензура] раз по девяти, бабку в темя, деда в плешь, а тебе, сукину сыну, сунуть жеребчий в спину и потихоньку вынимать, чтоб ты мог понимать, как [цензура] твою мать, сволочь! — холодно, даже отстраненно произнес Яромир.

— Ты это чего вдруг? — покосился на него Иван.

— Лешие матюгов сильно не любят, — хмуро объяснил оборотень. — И молитв ваших, христианских, тоже — ты попробуй, может, выйдет что...

Иван почесал в затылке, потом припомнил старую молитву-заклиналку, которой научила еще старая нянька Пелагея, и послушно повторил:

— Избавь, моя молитва, от того, на кого я думаю: на шута, пусть шут погибнет, на всех врагов, пусть все враги погибнут. Как подкова разгибается, пусть так все враги, все шуты разорвутся!

— Еще вот это съешь, — протянул ему древесную щепку Яромир.

— Это чего?

— Лутовка. Липы кусочек. Съешь, съешь — помогает.

Иван заметил, что Яромир и сам грызет такой же, и неохотно взял щепку в рот. Чувствовал он себя при этом ужасно глупо — будто бобер на вечерней трапезе.

То ли помогло вывертывание платья наизнанку, то ли матюги Яромира, то ли молитва Ивана, то ли съеденные лутовки, но оборотень постепенно стал смекать, где они находятся. Среди запахов проявились знакомые, на глазах объявилась тропка, доселе словно притаившаяся за деревьями... да и само солнце на небе повернулось будто иначе...

— Вот ведь! — едва ли не сплюнул Яромир. — Бесов полисун, завел же таки! Глянь-ка на небо! Нам на полудень нужно было идти, а мы на полуночь пошли, да и топтались кругами, едва-едва в болото не забрели! Воду видишь?.. Это мы к самой Сухоне вышли!

— Так Тиборск-то совсем в другую сторону! — возмутился Иван.

— Я знаю! — развел руками оборотень. — Тьфу, и чем я этого граба прогневил? Не иначе, за бабу-ягу обиделся...

— А может, он с Кашеем в сговоре?

— Да вроде не должен... — засомневался Яромир. — Кашей со здешними полисунами особо не ватажится... С тутошним хозяином они уж годов десять, как рассорились...

— А может, помирился?

— Ну я-то откуда знаю?.. Чего ты привязался?

— Я к тебе ничем не привязывался! — обиделся Иван. Немного подумал и добавил: — Хотя надо бы. Уж больно ты шибко несешься — того и гляди, грохнешь...

Лесной хозяин упорно не оставлял княжича с оборотнем в покое. Тропы извивались змеями, в глазах мерцало, ветер постоянно менял направление. Молитвы и матюги помогали... на время.

А потом все начиналось сызнова.

Яромир бежал, плотно сжав челюсти. Мохнатые уши стояли торчком, чутко вслушиваясь в происходящее вокруг, мокрый нос шевелился и морщился — запахи продолжали путаться и колебаться, не давая нормальной ориентировки.

Впрочем, теперь, в вывернутой наизнанку одежде, козни лешего все же порядком ослабли. Да и съеденные лутовки давали себя знать. Медленно, но верно двое путников продвигались на полудень, к Тиборску.

Однако скорее медленно, чем верно. Солнце клонилось к закату, а до города все еще оставалась добрая сотня верст. К этому времени притомился даже матерый оборотень — мохнатые лапы едва шевелились, язык вывалился набок, дыхание стало тяжелым и прерывистым. Несмотря на то, что добросердечный Иван давно слез и шел своим ходом, огромный волчара все равно плелся еле-еле, через силу.

— Ф-фух-х... — наконец шлепнулся на пузо он. — Бесов полисун... Завести не удалось, так он дурманом меня опутывает, вялость насылает...

Волк с трудом приподнялся на передних лапах и перекатился набок, с явственным хрустом оборачиваясь человеком. Далось ему это нелегко — глаза помутнели, пальцы мелко дрожали, на босых ступнях вздулись синюшные вены. Сейчас Яромир в самом деле выглядел на истинный возраст — семьдесят семь лет.

Оборотень с трудом достал из-за пояса волшебный нож, отобранный у бабу-яги, приложил лезвие к губам плоской стороной, и начал глубоко дышать, словно чахоточный больной над лекарственным паром. Постепенно посеревшая кожа вновь начала наливаться румянцем...

— Ветер подымается... — выдохнул оборотень, поднимая голову. — Ночью ураган будет — с грозой, с ливнем... Нужно где-то переждать...

— Ты полежи пока, отдохни, а я тут пошарю, поищу, — предложил Иван, касаясь плеча одурманенного товарища.

— Далеко не уходи... — вяло приказал Яромир. — Если что — кричи... И про кладенец не забывай...

Про кладенец Иван забывать уж точно не собирался. Он передвинул перевязь с ножнами поудобнее, чтоб, если что, выхватить одним движением, проверил стрелы в туле и осторожно двинулся на разведку.

Солнышко пока не село, хотя и виднелось уже где-то совсем рядом с небоземом. Лес наполнили вечерние сумерки, деревья качались на ветру — он действительно все

усиливался. Отовсюду полз сизый туман, и из него тянулись еловые лапы. Иван запахнулся в роскошный плащ, поднял повыше воротник, но все равно дрожал — эх, кабы кожух сюда, тулупчик хоть какой-нибудь!

Между елями вдруг замерцал огонек. Иван пригляделся — и различил чьи-то очертания. По лесу кто-то шел. Неспешно, неторопливо.

— Эй! — крикнул княжич. — Эгей, обожди!

Незнакомец даже не замедлил шагу. Он продолжал спокойно идти по лесной тропинке, удерживая в руке... Ивану показалось, что это горящая лучина.

— Дожидай! — крикнул княжич, устремляясь следом. — Эгей, дожидай!

Спина по-прежнему маячила впереди, не замедляясь и не ускоряясь. Иван припустил что есть духу, но расстояние до лесного путника даже не думало сокращаться.

— Да стой же ты! — гневно воскликнул Иван. — Стой, говорю, а не то стрелу в спину пущу!

Незнакомец продолжал невозмутимо двигаться.

— Я не шучу! — обиженно крикнул ему вслед княжич. — Что, не хочешь по-хорошему?! Ну так не кляни меня потом, коли убью ненароком!

Иван решительно выдернул лук из налучья, наложил стрелу — с округлым наконечником-шариком, чтоб действительно не порешить упрямца, — натянул тетиву до самого уха, прищурил правый глаз, беря точный прицел, немного наклонил лук влево и... разжал пальцы.

Стрела унеслась вдаль с оглушительным свистом. Не подвел молодого богатыря глазомер — угодил Иван упрямому незнакомцу аккуратно посередине спины.

И тот сей же миг... растаял в воздухе.

— Ах, чтоб тебя! — взвыл Иван, с ужасом обнаруживая прямо перед собой топкое болото.

Вот еще только что его и в помине не было. Продолжай княжич догонять наваждение, безусловно также подосланное лешим, так угодил бы прямо в трясины. Твердой земли впереди оставалось с дюжину шагов, не больше.

— Яроми-и-и-ир!!! — приложил ладони ко рту Иван, озираясь по сторонам и с запозданием соображая, что понятия не имеет, с какой стороны пришел. — Яроми-и-и-ир, ау-у-у-у!!!

— Ну чего орешь, чего ты опять орешь? — бесшумно выскользнул из-за дерева оборотень. — Тут я, тут... Пошли, я там избушку нашел охотничью... Развалюшка, но ночку переждать сгодится.

— Как нашел-то? — обрадовался Иван.

— Вестимо как — по запаху... Леший тебя за собой увел, а от меня отвязался — сразу и нюх вернулся, и блукать перестал... А силы я и так ножом восстановил...

— Не зря, значит, я за этот нож палец-то потерял? — невольно коснулся обрубка на руке княжич.

— Не зря. Это, Иван, нож особенный — силы восстанавливает, супротив порчи помогает, от колдовства дурного защищает...

— Волшебный, значит? А это все, или еще чего может?

— Ну, если им человека пырнуть, так кровь потечет, а может и смерть приключиться... — рассеянно ответил Яромир. — Тоже полезно иногда. Колбасу, опять же, резать можно при случае... Отцовское наследство, не заяц чихнул... Чай, помнишь, кто у

меня батька-то?..

— А я зато Рюрикович, — обиделся Иван. — Где там твоя избушка?

На небольшой поляне, притулившись под елью-великаншей, и в самом деле стояла крохотная промысловая избушка — верно, охотники из близлежащей веси срубили домик для зимней охоты. Беличьи, куньи, лисьи меха особенно хороши в снежную пору, после линьки — именно в эту годину их и нужно добывать.

Но зимнее время еще не пришло. Птичьи стаи уже собираются в теплые края, все чаще в небе слышно прощальное курлыканье, листья на деревьях пожелтели, но до первого снега пока далеко.

В стылой избе было холодно. Яромир остановился на пороге, постучал по косяку и хмуρο сказал:

— Дедушка-соседушка, пусти переночевать на одну ночь, сделай такую милость...

Возражений не последовало. То ли домовою ничего не имел против, то ли вовсе его не было в этой развалюхе.

В любом случае традиции были соблюдены, и путники вошли внутрь. Оборотень плотно запер дверь, проверил петли, прошелся пальцами по мху, утепляющему потолок, и устало выдохнул:

— Ночуем здесь. Ты таганом займись, а я выйду ненадолго...

— Зачем? — нахмурился Иван, вытаскивая несколько полешек из груды в углу.

— По нужде! — огрызнулся оборотень, исчезая за дверью.

Вернулся он довольно скоро. Княжич уже развел костер и теперь лениво грыз печеное яблоко. Яромир уселся рядом, порылся в котоме и принялся за нехитрую ужину — вяленого карпа с репой.

— Сыр будешь? — предложил Иван. — Хороший.

Оборотень что-то пробурчал, но отказываться не стал.

Каменка в лесной хижине отличалась приличными размерами. Дров требовалось мало, и нагрелась изба быстро. Вместе с потуханием углей исчез и угар. Яромир закрыл дымоход в стене, и стало тише. Снаружи по-прежнему бушевали ветер и дождь, но здесь, внутри, было тепло и уютно.

— Спасибо тому, кто эту избу строил... — добродушно сказал Иван, укладываясь на нары. — Да, постеля, конечно, не княжеская, ну да ладно, мы не гордые...

Яромир его примеру не последовал. Он уселся за столом и настороженно глядел на дверь, время от времени шевеля ушами. Иван замороженно глядел, как он это проделывает — он и сам одно время пытался научиться ими шевелить, но так и не преуспел. А у оборотня это выходило лихо — фись!.. фись!..

— Меня научишь?.. — с надеждой попросил княжич.

— Не-а, — лениво ответил Яромир. — Спи давай.

— А ты чего? Так и будешь всю ночь куковать?

— Так я ж оборотень, — пожал плечами Яромир.

Иван задумался. Потом осторожно спросил:

— И?..

— То ли не знаешь?.. У оборотня тела как бы два. Пока я волк — человек спит. Пока человек — волк отдыхает. Весь день на четырех лапах бегал, человечья личина отдохнула вволю, вот спать и не хочется. Ночку человеком посижу — а к утру опять волк бодрый, беги куда хочешь. А человек — снова спи-отдыхай.

— Ишь как мудрено-то все... — наморщил лоб Иван. — Это ты чего, выходит, вроде как двоедушник?

— Вроде того... только все наоборот. У двоедушника две души в одном теле. А у оборотня — два тела при одной душе. У меня и раны потому быстро заживают — раненая личина из здоровой силу черпает, через нее лечится. Давай, спи уже...

А княжич и без того храпел вовсю. Да громко так, залихватски, от души!

Рев водопада?.. Громовые раскаты?.. Горный обвал?.. Нет уж — если вы не слышали храпа Ивана, сына Берендеева, вам неизвестно, что такое настоящий шум!

Оборотень с усмешкой глянул на этого здоровенного парнягу, вместо погремушки прижимающего к груди кладенец, и вновь упер взгляд в дверь. Звериное чутье услужливо сообщало, что этой ночью обязательно пожалуют гости...

И они пожаловали.

В шуме ветра и ливня появились новые звуки — тяжелые шаги и скрип, словно перетаскивали старую корягу. Яромир потянул носом — но нет, новых запахов не появилось, по-прежнему только хвоя и еловая смола.

Дождь продолжал заливать лес. Оборотень протер крохотное слюдяное оконце — но это помогло мало, снаружи оно было испачкано еще сильнее. До ушей по-прежнему доносились неспешные скрипучие шаги — теперь уже с противоположной стороны. Незванный гость бродил кругами, с каждым разом подходя чуть-чуть ближе.

— А-вой!.. — раздалось снаружи. — А-вой!..

Яромир бросил взгляд на спящего княжича — тот продолжал дрыхнуть как ни в чем не бывало. Здоровый сон молодого русича вряд ли потревожили бы и громовые раскаты. Кстати, они тоже имели место быть — но, по счастью, очень далеко, едва слышно. Молнии полыхали на самом горизонте — едва видные, как искорки в ночи.

— А-вой, а-вой, а-вой! — звучало все громче. — А-вой!!!

Задвижка, благоразумно задвинутая оборотнем, щелкнула, словно отодвинутая невидимой рукой. Дверь распахнулась настежь, едва не сорвавшись с петель.

И на пороге выросла огромная фигура.

— Пробудись, княгинюшка... — донеслось до Василисы сквозь сон. — Пробудись...

Красавица широко зевнула, потянулась и попыталась открыть глаза. Удалось это не сразу — веки упорно не желали подниматься. Под ними чесалось, словно сыпанули песком. Но в конце концов Василиса Премудрая все же сумела разомкнуть очи и кое-как приподнялась на подушках.

Она лежала на роскошном ложе. Кругом резьба и позолота, великолепный балдахин сделан в виде восточного шатра и украшен султанами из перьев, ножки из чистого золота, подушки пуховые, одеяла из черных соболей, покрывало атласное...

Вокруг, низко склонив головы, стояли челядинки — судя по лицам, чудинки и мордвинки. Ни одна не смела даже поднять глаз... хотя нет, одна все-таки смотрела на Василису, как на равную.

И Василиса сразу сердито прищурилась. Она привыкла всегда и везде чувствовать себя прекраснейшей из прекрасных... но эта особа вполне могла с ней потягаться. Белокурая, румяная, черноокая, с длинными вычерненными ресницами, идеальными телесными пропорциями, одетая в пеструю накидку, усеянную драгоценными камнями.

— Ты кто? — придирчиво осмотрела ее с головы до ног Василиса.

— Можешь звать меня Зоей, варварка, — снисходительно усмехнулась красавица. — Или как меня называл жених — Каллипигой...

Василиса немедленно залилась звонким смехом. Усмешка тут же сбежала с лица Зои — она поморщилась и неохотно констатировала:

— Ты знаешь греческий.

— Конечно!.. — продолжала смеяться Василиса Премудрая. — Каллипига... Каллипига, ну просто умри — нарочно не придумаешь!.. Как это по-нашему будет... Прекраснозадая?..

— Мне больше нравится Прекраснобедрая, — сухо ответила Зоя. — Вставай, сестра, скоро сюда пожалует наш муж...

А вот эти слова подействовали на Василису ведром ледяной воды. Она мгновенно замолчала, выпучила глаза и спросила, слегка заикаясь:

— К... какой м... муж?.. Игорь?.. П... почему вдруг с... сестра?..

— О, да ты же еще ничего не знаешь! — вернулось веселое настроение к Зое. — Ну-ну... Сразу запомни, варварка: ты — самая младшая жена! Я над тобой главная!

— То есть как?..

— То есть так! — радостно показала язык ехидная красавица. — Оденьте-ка ее!

Прислужницы немедленно принялись сноваť вокруг Василисы, заворачивая ее в дорогие ткани, пудря, румяня, делая прическу и усеивая украшениями. Княгиня не обращала на них внимания — это и без того было для нее привычным. Голова наполнилась совсем другим — мысли сумбурно сновали туда-сюда, пытаясь осознать, что с ней случилось и куда она попала.

Зоя без труда поняла, о чем думает растерянная княгиня. Она жалостливо обняла подругу по несчастью за плечи и участливо сказала:

— Ну... ну... не все так плохо.

— То есть еще хуже? — насторожилась Василиса.

— Да нет... вставай, дурочка, пошли. Уже скоро господин наш пожалует — плохо будет,

коли опоздаем... Я тебе в пути все обскажу в подробностях...

Покинув горницу, Василиса оказалась в дивном саду. Здесь цвели великолепные цветы, зрели чудесные плоды, на ветвях пели удивительные птицы. На миг показалось, что ее перенесли далеко на полудень, куда-нибудь в Персию или Индийское Царство.

Однако на деле она по-прежнему находилась в Костяном Дворце. В серале Кащей круглый год стоит лето, нет снега, дождей и ветра, а в воздухе всегда разлито несказанное благоухание. Царь нежити хранит своих наложниц так же бережно, как золото и самоцветы в сундуках.

Но это Василису не обрадовало. Наоборот, она почти мгновенно начала наливаться дурной желчью.

Дело в том, что кроме нее и Зои у Кащей оказалось еще сорок восемь жен. И все — ничуть не менее красивые.

— А у старичка губа не дура... — с трудом выговорила она. — Где он их столько набрал?!

— Со всех концов света... — рассеянно ответила Зоя. — Вон, вон, смотри — это Мнесарет. Она самая старшая жена, большуха наша. От нее держись подальше. Почти такая же злющая, как сам Кащей. И лет ей уже полторы тысячи...

Василиса недоверчиво осмотрела великолепную златокудрую красавицу, скучающую у фонтана.

— Она такая старая?!

— Да мне ведь тоже уже под сорок... — жалобно задрожали губы Зои. — А я самая младшая жена... хотя теперь уже нет, теперь ты — самая младшая. Мы ведь здесь не стареем совсем, сестрица...

У Василисы отвалилась челюсть, а глаза округлились так, что княгиня стала похожа на сову. Она некоторое время молчала, а потом решительно потребовала рассказать ей все по порядку, ничего не скрывая.

И Зоя рассказала. Причем очень охотно — чувствовалось, что младшая жена Кащей любит потрепать языком.

Оказалось, что сераль Кащей Бессмертного существует столько же, сколько и сам Костяной Дворец. А сколько это в пересчете на обычные годы — никто толком не знает. Однако красавица Мнесарет, наистарейшая здешняя обитательница, была самой дорогой гетерой в Сиракузах времен правления тирана Гиерона. И по ее рассказам — тоже когда-то была здесь самой младшей женой.

Впрочем, на рассказы этой «молодой старухи» как раз полагаться не следовало — несмотря на чары сераля, голова у нее давно пришла в полнейшее расстройство. Порой она впадала в безумную истерику, начинала пороть несусветную чушь, бросалась на товарок с кулаками. И среди самых старших жен подобное поведение не было редкостью — попробуй-ка, проживи тысячу лет в этом чудесном саду на положении живой игрушки царя-колдуна...

Рано или поздно непременно сойдешь с ума.

Выяснилось, что сбежать из сераля — дело почти безнадежное. Собственно, охраны и вовсе нет, но зато есть маленькая проблема — чары вечной молодости действуют только здесь. Выйди за порог — и станешь такой, какой должна быть. Зоя это даже продемонстрировала — делала шаг, переступая невидимую черту, и резко менялась, становясь сорокалетней матроной. Возвращалась обратно — снова двадцатилетняя дева. Она повторила этот трюк несколько раз, весело смеясь при виде ужаса и отвращения на лице

Василисы.

Соответственно — большинство жен вообще не могут покинуть сераль. Попросту упадут мертвыми, а то и рассыплются в прах. Однако порой они все-таки это проделывают — когда окончательно надоедает жить. Именно поэтому Кащею время от времени приходится подыскивать новых супружниц — этот педантичный старик любит порядок и круглые числа.

Так что сбежать можно только в самом начале — пока еще ты молода на самом деле, а не благодаря темным чарам. Зоя, к примеру, уже даже не пыталась — привыкла к безмятежному спокойствию и роскоши сераля и откровенно боялась окружающего мира. Да и резко стареть не хотелось...

Василиса проверила, шагнула за порог — ничего не случилось, она ничуть не изменилась. То есть — самая младшая жена может расхаживать по Костяному Дворцу свободно... а то и покинуть его вовсе... Однако Зоя тут же ее разочаровала — своя кустодия в серале все же имеется, просто стоит она чуть подальше. И выпустить не выпустят, как ни проси, как ни уговаривай. Это дивии — они неподкупны и неумолимы. Даже разговаривать не умеют, истуканы железные...

Сама Зоя родилась в Царьграде. Как и Василиса, она с молодых ногтей искала себе лучшей судьбы, мечтая повторить историю императрицы Феодоры, сумевшей выбиться на самый верх из простой актрисы. Как и она, Зоя прекрасно понимала, что красота — страшная сила... если уметь ее применять. Поэтому своей внешности она уделяла огромное внимание — много спала, принимала молочные и фруктовые ванны, пользовалась всевозможными средствами для макияжа...

Правда, проведя двадцать лет в серале Кащея, она перестала заботиться об этом так, как когда-то. Ради кого, спрашивается?.. Но вот раньше, раньше... В высшем свете Царьграда Зоя славилась своей красотой, как никто другой. Волосы она красила в голубоватый цвет и посыпала золотой пудрой, на ресницах всегда была дорогая арабская тушь, ногти рук и ног — размазаны розовым лаком...

А как роскошно она в свое время одевалась!..

Однако теперь Зоя вспоминала об этом уже без удовольствия. Именно этот блеск и пышность привели к тому, что однажды ночью в ее окне показалась чешуйчатая морда, а костлявые руки сунули в лицо тряпку с настоем сон-травы... В коллекции Кащея Бессмертного стало на одну игрушку больше.

Хотя, может оно и к лучшему?.. Ведь два года назад дивный Константинополь захватили и разграбили немецкие витязи, в очередной раз пошедшие воевать Гроб Господень...

И как им только не надоело доселева?

Пока не прибыл сам господин, Зоя познакомилась Василису с прочими наложницами. Все без исключения — удивительной красоты и благородного происхождения. Не меньше чем боярышни, а то и княжны. Имелись даже царские дочки. Кащей оказался женишком разборчивым, кого попало в свой гарем не брал...

Василиса только и успевала поворачиваться — Зоя то и дело тыкала пальцем в очередную красавицу:

— Скандрасвати, из Полночного Декана... Иоанна, племянница короля Вильгельма... Зейнаб, дочка имама... Тхиеу Тиен, из Вансуана, младшая сестра императора Ли-куанг-Фука... Тегканбе, дочь асантехене... Валерия, патрицианка, из Рима... А вон Ольга, дочь вашего князя Владимира!

— Какого из?.. Мономаха, что ли?..

— Нет. Того, который на сестре basilевса женился, Анне.

— Красное Солнышко?! — округлились глаза Василисы.

Она пораженно посмотрела на апатично жующую персик женщину. Ей по меньшей мере двести лет! И она дочь Владимира Святого!

— А...

— Тихо!.. — испуганно вздрогнула Зоя, хватая Василису за руку. — Бежим, Кащей идет!

— А...

— Что, звона не слышишь?!

И в самом деле — где-то в отдалении монотонно звякал колокольчик. Прочие жены крайне неохотно потянулись на зов — некоторых, самых ленивых, подталкивали дивии, вынырнувшие словно из ниоткуда.

Василиса сочла за лучшее пойти самой.

Так вот он какой — ее новый супруг... Там-то, в тереме, она его как следует не разглядела, времени не было. А здесь... Сердце сразу провалилось в пятки — Василиса впервые пожалела о том, что вообще затеяла всю эту интригу. Теперь-то она прекрасно видела, какой глупостью было вмешивать в свои игры Кащей Бессмертного!

— Ты чего?.. — подтолкнула ее локтем Зоя. — Стой ровно!

Василиса едва удерживалась, чтобы не упасть в обморок. Ее поставили в самом конце длинной шеренги красавиц, возглавляемой Мнесарет. Кащей медленно шествовал вдоль нее, на несколько секунд задерживаясь у каждой супруги, пристально рассматривая ее с ног до головы, словно желая убедиться, не подменили ли на другую.

Однако в ледяных глазах сквозило лишь равнодушие.

Оправившись от первого испуга, Василиса начала жадно рассматривать это бессмертное чудовище, силясь уловить хотя бы каплю человеческой слабости, на которой можно будет сыграть. Конечно, Кащей стар и уродлив, но ради важного дела можно и перетерпеть... А там уж она найдет способ заставить похитителя играть по ее правилам...

Только вот Кащей совсем не выглядел влюбчивым мальчишкой, вроде того же Игоря. Чем-чем, а легкой добычей его не назовешь, соблазнить такого будет трудненько... Даже железные истуканы-дивии, казалось, проявляли больше сладострастия, нежели этот ходячий скелет.

— Да, поработать придется немало... — поджала губы Василиса.

— Что? — повернулась Зоя.

Но княгиня лишь отмахнулась. Она торопливо вспоминала всевозможные способы бросить мужчину к своим ногам. Какую тактику избрать здесь?.. Притвориться недотрогой?.. Или, наоборот, безумно влюбленной?.. Показать Кащейю, за что ее прозвали Премудрой?.. Или лучше сыграть наивную дурочку?.. А может, просто подсыпать любовного настоя?.. Этот рецепт Василиса вызнала у бабы-яги едва ли не первым, хотя пока ни разу не применяла — нужды не было, своими силами отлично справлялась.

— А, новенькая, — послышался равнодушный голос.

Василиса вздрогнула — за раздумьями она пропустила момент, когда очередь дошла до нее. И все мысли сразу улетучились — взамен пришло оцепенение и ужас. Неподвижное лицо-череп, испещренное мерзкими струпами, нависло над ней ликом самой Смерти, змеиные глаза смотрели пристально, не моргая, как будто ощупывая без пальцев. На миг у княгини появилось странное желание сдернуть железную корону с плешивой макушки... но

она тут же его подавила.

— Неплохо, годится, — сухо кивнул Кашей, закончив осмотр приобретения. — Как ты думаешь?

— Я не разбираюсь в человеческих женщинах, — прогудел Тугарин, угрюмо глядящий на кашеевых жен из-под сомкнутых век — будучи прозрачными, они не представляли взору преграды. — По мне — ничего особенного. Кожа тонковата. Бледная. Волосы какие-то... желтые. Нездоровый цвет. Может, лучше обрить ее наголо? А заодно и всех остальных?

— Нет, этого мы делать не будем, — невозмутимо ответил Кашей.

— Мое дело предложить... — буркнул людоящер.

Кашей лишь пожал плечами и скомандовал:

— Начинайте свадебный ритуал.

Василиса еще очень хорошо помнила свою свадьбу с князем Игорем — времени прошло не так уж много. Вот уж где было торжество, вот где великолепие! Три дня нескончаемого пира, поезд свадебный, обручение, молебен, венчание... всего и не перечислишь. Архиерей венчал, все бояре на свадьбу собрались, великий князь Глеб в гости приезжал, сам первую здравицу за молодых молвил...

Однако здесь... здесь Василиса даже толком не сообразила, что свадьба уже закончилась. Ее просто подтолкнули к Кашею, тот равнодушно произнес несколько слов на непонятном языке... и все.

Только что была вдова, а теперь снова новобрачная.

Кашей безразлично пихнул новую супругу обратно и отошел подальше. Он оглядел строй красавиц и начал неторопливо считать, переводя перст с одной на другую:

— Одна. Две. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать. Семнадцать. Восемнадцать. Деятнадцать. Двадцать. Двадцать одна. Двадцать две. Двадцать три. Двадцать четыре. Двадцать пять. Двадцать шесть. Двадцать семь. Двадцать восемь. Двадцать девять. Тридцать. Тридцать одна. Тридцать две. Тридцать три. Тридцать четыре. Тридцать пять. Тридцать шесть. Тридцать семь. Тридцать восемь. Тридцать девять. Сорок. Сорок одна. Сорок две. Сорок три. Сорок четыре. Сорок пять. Сорок шесть. Сорок семь. Сорок восемь. Сорок девять. Пятьдесят.

— Все на месте! — прогудел Тугарин.

Пока он считал, Василиса наклонила голову к Зое и шепотом спросила:

— А подклет этой ночью будет или следующей?

— Что-что? — не поняла та.

— Ну ночь брачная! Мне ведь с этим уродом в постель ложиться придется!.. или нет?..

Зоя удивленно расширила глаза, а потом прыснула, с трудом удерживаясь от хохота.

— Не придется... — с трудом выговорила она. — Кашею лет тыщи две, не менее — у него, небось, уж давно чресла высохли, да сморщились. Сама на него посмотри — ну чисто базилевс египтянский, которые в саркофагасах лежат! Где уж такому о сладостях любовных думать!

— А зачем же ему столько жен?! — возмутилась Василиса.

— А так просто. Для красоты. Вот в саду у него цветы цветут, птички поют... и мы тоже навроде цветов да птичек. Может, перед другими чудищами хвастаться — кто больше красавиц наворовал...

Василиса ошеломленно замолчала, раздираемая двумя чувствами. С одной стороны —

облегчение. То, что домогаться ее тела Кашей не будет, конечно, утешало. Уж очень неказисто старик выглядит — все равно что с высохшим трупом в постелью ложиться.

С другой же стороны... какое-то странное разочарование. Это что же — она, Василиса Прекрасная, да не сможет какого-то замшелого колдуна соблазнить? И быть ей многие века в этом саду заместо птички заморской — чтоб Кашей гостей водил, похвастаться?

Вот уж не бывать тому!

— Ну уж нет, не бывать по сему... — повторила вслух она, сверля глазами спину Кашея. — Посмотрим еще, кто кого, старый хрыч...

Служанки облекли Василису в какую-то сложную систему тканей и украшений, но сорочицу, по счастью, оставили старую. Ту самую, в которой она была во время похищения. Княгиня незаметно извлекла из потайного отделения пузырек с настоем любии-меня-не-покинь и торопливо брызнула немного на шею, запястья, локтевые изгибы и грудь. Рецепт этих духов княгиню научила баба-яга — мускус полночного оленя, восточная амбра, бобровая струя, немного пачули, розовое и сандаловое масла, несколько капель молока с медом и самое главное — трава ночница.

При точном соблюдении пропорций не устоит даже мертвый!

— О великий царь, позволь спросить о некоторой малости! — окликнула Кашея Василиса.

Она придала голосу максимум теплоты и мягкости, сделав его музыкальным, «улыбающимся», наполнив каждое слово бархатом и нежностью. Даже бесчувственные дивии невольно вздрогнули — такой жар исходил от Василисы в этот миг.

Кашей молча обернулся. Выражение его глаз ничуть не изменилось — все то же ледяное равнодушие.

— Я слушаю, — спокойно ответил он.

Василиса улыбнулась, хлопнула ресницами и подошла к своему новому мужу. Двигалась она столь грациозно и красиво, что все невольно опустили глаза к ее прекрасным ножкам. Бедра плавно покачивались, ступни оставались на одной линии, создавая впечатление легкой скованности и стесненности.

Лишь Кашей по-прежнему смотрел ей в лицо.

Подойдя вплотную, Василиса еще раз улыбнулась, глядя Кашею в глаза, удержала взгляд немного дольше обычного, но потом все же отвела его чуть в сторону. Она приоткрыла рот, медленно проведя языком по верхней губе, и заговорила. Очень-очень тихо, еле слышным шепотом с придыханием.

Говорила она, собственно, ни о чем. О всяких пустяках. Упрекнула Кашея за такое бесцеремонное похищение из мужнего дома, интонацией, однако, показывая, что на самом деле несколько не сердится. Задала несколько ни к чему не обязывающих вопросов, получив краткие сухие ответы.

Но самое главное — изо всех сил удерживала внимание Кашея, показывая ему себя так, как опытный купец показывает дорогой товар. Несколько раз медленно и страстно откинула волосы с лица, изредка поглаживала цепочку на шее, серьги, постоянно демонстрировала Кашею ладони и запястья, время от времени чуть наклонялась, чтобы в вырезе можно было разглядеть ложбинку меж грудей...

Но время шло, и Василиса все больше терялась. Пожалуй, проще и в самом деле соблазнить хладный труп — Кашей не проявлял ни малейшего интереса. Что же касается чудесной любии-меня-не-покинь, то даже страхолудина Тугарин уже начал потягивать

ноздрями аромат, взирая на Василису с некоторой симпатией, а у Кашея и нос-то ни разу не дернулся.

Да и способен ли он вообще обонять запахи?..

— А если покороче? — наконец перебил это мелодичное журчание Кашей. — Что ты от меня хочешь, Василиса?

— Я?..

— Да, ты. Теперь ты моя супруга, всякое твое желание будет исполнено, лишь попроси. И для этого вовсе не нужно стелиться половиком — я же знаю, что на деле вызываю у тебя лишь отвращение. Как и у остальных моих жен. И не думай, что меня это огорчает.

Красавица замерла с раскрытым ртом. Почему-то она почувствовала себя оплеванной.

— Я...

— Смирись со своим новым положением и не пытайся его изменить, — равнодушно посоветовал Кашей, разворачиваясь к выходу.

За плечами бессмертного царя взметнулся черный плащ, и скелетоподобная фигура зашагала прочь из сераля. Тугарин Змиуланович двинулся следом — хотя несколько медленнее, пару раз обернувшись в сторону Василисы. На чешуйчатой морде появилось странное выражение. Даже холодная нечеловеческая кровь ящера слегка разгорячилась от чар ратичской княгини... но только не та черная ядовитая слизь, что сочится в венах Кашея Бессмертного.

Василиса проводила старика в короне глазами взбешенной рыси. Из полуоткрытых губ явственно доносилось тихое шипение. Кулаки крепко сжались — ногти, покрашенные розовым лаком, впелись в ладони, едва не прокалывая их насквозь.

— Охо-хо, сестрица, да неужто думаешь, ты первая? — тихо окликнула ее сзади Зоя. — Да тут, почитай, каждая, как появляется, так попервоначалу думает, что будет Кашеем вертеть, будто флюгером. Что старый и страшный, так на это тьфу, я и сама, помнится, когда-то одному деду песни пела, что влюблена безумно... Богатей был страшный, ростовщик...

— Замолкни, дура, — прошипела Василиса. — Я не какая-то царьградская куртизанка!

— Ну да. Ты у нас ратичская боярышня, конечно... — обиженно фыркнула Зоя.

— Я — Василиса Премудрая! — процедила княгиня. — И я всегда добиваюсь того, чего хочу! Запомни! Всегда!

— Нет уж, сестрица, на сей раз не обломится тебе...

— А вот посмотрим! Скажи-ка, Кашей правду сказал? Если мне что понадобится... достаточно попросить?

— Да, конечно. Вон, любой служанке скажи — все доставят... Хоть камней самоцветных, хоть фруктов заморских, хоть шелков персидских... Кашей нас в роскоши содержит.

— В роскоши, говоришь... Ну что ж, посмотрим тогда... Добудь-ка мне блюдо подносное, каравайницу, ночьку берестяную, сито лубяное, опару, воды теплой, закваски, муки белой, масла коровьего, яиц голубиных, сок ягодный, меда туес, вина красного, гвоздику, имбирь, корку померанцевую, малину сухую, да еще двух белых голубей. Обязательно белых!

Зоя с недоумением выслушала этот перечень, но не сдвинулась с места.

— Ну?! Ступай! — топнула ногой Василиса.

— Девочка моя, я пока еще не твоя чернавка, по поручениям твоим бегать не намерена, — подпустила холодка в голос Зоя. — Это во-первых. А во-вторых — почему бы тебе просто не пойти на нашу поварню, да самой не прихватить, что потребно? Или ноги

уже не ходят? Что, притомилась вокруг Кащея задом вертеть?

— А, так тут есть поварня?.. — смутилась Василиса.

— Конечно. Думаешь, нас той же дрянью потчуют, что слуг да воев кащеевых?

Поварня в серале действительно отыскалась. Правда, не очень крупная — кащевы жены по большей части не отличались аппетитом.

Молодая княгиня сразу развила бурную деятельность. Что-что, а по хозяйству она управляться умела — походи-ка десять лет у бабы-яги в служанках, так не такому научишься! Старая ведьма своим чернавкам присесть не давала — с темна и до темна на ногах, по горло в работе!

Печь была мгновенно истоплена, тесто замешено, все необходимые добавки заняли свои места, и Василиса медленно и осторожно приступила к самой сложной части действия. Здесь приходилось соблюдать величайшую осторожностью — ошибись чуть-чуть, и весь труд насмарку.

— А что это будет?.. — заглядывала ей через плечо Зоя.

— Пряник.

— Просто пряник?

— Да. Просто пряник, — закусила губу Василиса, разрезая голубиную тушку.

Она извлекла два птичьих сердца и замешала их в тесто наравне с прочим. Зоя вздрогнула — ей на щеку брызнула кровь.

В серале Кащея нет окон. Кажется, будто этот роскошный сад находится под открытым небом, но на деле над ним все же нависает каменный свод. Впрочем, совершенно незаметный — Кащей навел здесь очень сложные чары. Когда снаружи наступает утро — и в серале наступает утро. Когда же снаружи наступает ночь... и в серале наступает ночь.

И вот сейчас она как раз наступила. Василиса выглянула в сад, пошевелила губами, что-то подсчитывая, а потом вернулась обратно, последний раз посыпала тесто разными пряностями и смазала слоем меда.

Печь, разогретая за день выпеканием хлеба, все еще распространяла удушливый жар. Василиса приблизилась вплотную и некоторое время стояла неподвижно. Вопреку так, что на лбу выступил пот, она отерла его чистой тряпицей, провела ей же под мышками и выжала на пряник.

Зоя поморщилась — она-то уж начала было облизываться. Пряник выглядел довольно аппетитно... минутой назад. Василиса насмешливо улыбнулась и зашептала на свое печево, поводя глазами и хищно расширяя ноздри:

На море
на Окиане,
на острове на Буяне,
стояло древо;
на том древе
сидело
семьдесят,
как одна птица;
эти птицы щипали вети,
эти вети бросали на землю,
эти вети подбирали бесы

и приносили к Сатане Сатановичу.

Уж ты худ бес!

Кланяюсь я тебе и поклоняюсь, —
сослужи мне службу и сделай дружбу;
зажги сердце Кашея по мне Василисе
и зажги все печенья и легкое,
и все суставы по мне Василисе,
буди мое слово крепко,
крепче трех булатов во веки!

Дочитав присуху, Василиса поставила каравайницу в печь.

— Пусть постоит до утра, — устало сказала она. — А утром... утром надо как-то заставить Кашея это съесть...

— Это как же ты его заставишь?

— Ну... попотчую, когда в следующий раз придет.

— Так он, может, еще месяц не придет! Думаешь, он сюда каждый день является? У-у-у!..

— М-м-м... — сердито причмокнула Василиса. — А сам-то он где же столуется?.. и чем угощаться любит?..

— Да мне-то почему знать? Может, и вовсе ничего не ест — видела ж, какой он тощий?

— Надо узнать доподлинно, — решительно заявила княгиня.

— Это как же?

— А вот сама схожу, да и гляну...

— Дивии тебя не пропустят.

— А я их и спрашивать не стану, — улыбнулась Василиса.

Она порылась в потайном кармане сорочицы, и извлекла на свет божий округлую шапочку. Крохотную, сшитую из лучшего персидского шелка, почти прозрачную. Спереди торчала пуговичка, искусно выточенная из кости.

— Кошачья косточка! — похвасталась Василиса. — Я двадцать ночей вываривала!

— Кого? Кошку?!

— Конечно. А ты как думала? Думаешь, все так просто? Нужно взять черную кошку без единого иноцветного волоска, а потом по полуночам варить в чугунном котле, пока не истают все кости, опричь одной. И вот эта оставшаяся и есть...

— Что?

Василиса лукаво усмехнулась, надела шапочку на голову и... растворилась в воздухе.

— Невидимка, — послышался голос из пустоты.

Из забранных чугунами решетками окон потоками лилась вода. Снаружи бушевал ливень. Ветер ярился, продувая коридоры насквозь. Прямо над Костяным Дворцом висели черные тучи, раздираемые ослепительными когтями молний. В самый длинный шпиль грозное копьё ударяло уже дважды.

Кащей очень любил такую погоду.

Сейчас в тронном зале собрался весь цвет нечисти. Вий, судья мертвых Нави. Яга Ягишна, средняя из сестер-ведьм, именуемых бабами-ягами. Калин Калинович, хан татаровьев. Тугарин Змиуланович, каган людоящеров. Репрев, вожак псоглавцев. Соловей Рахманович, прозванный Разбойником. Карачун, злой демон зимы и смертного оцепенения. Морская Дева, старшая из сестер Лихорадок. Сам-с-Ноготь, старшина горных карлов.

Кащей стягивал к Костяному Дворцу все силы. Татаровьины, псоглавцы, людоящеры, дивии, навьи, горные карлы, черные мурии, самоедь — все народы, подчиненные бессмертному царю, выступили в поход по зову своего господина.

Прямо сейчас в окнах виднелась вереница огоньков — по раскисшей земле шли крошечные уродцы с раскаленными крюками. Все до единого в остроконечных шапках и белых самотканых кафтанах с кушаками, но уродливы донельзя — ноги конские, голова заостренная, изо рта огонь пышет. Это шуликуны — мелкие, но опасные демоны, порождения бушующих стихий.

Хотя некоторые считают их духами проклятых или погубленных матерями младенцев.

— Все ли в сборе? — холодно осведомился Кащей.

— Пущевика недостает — у леших своя сходка, тоже думу думают, решение принимают, — сообщил Калин. — И кот Баюн не явился — хотя обещал быть...

— Он, милоч, все ж таки кот, — осклабилась Яга Ягишна. — Мало ли что он кому обещал? Кота в стаде бежать не заставишь — как ни бейся, а все одно сам по себе будет... Ничего, нагуляется — воротится...

— Пусть так, — равнодушно кивнул Кащей, начиная свою речь. — Я собрал вас здесь для того, чтобы сообщить радостную весть. То, чего мы так долго ожидали и о чем так долго говорили, наконец свершилось. Война Руси объявлена. В качестве такового объявления я избрал разрушение их приграничного города и убиение всех жителей — что и было сделано. Итак, свой первый удар мы нанесли, теперь ожидаем ответного шага русичей. Хек. Хек. Хек.

За столом наметилось оживление. Конечно, те, кто уже знал о произошедшем в Ратиче, отреагировали спокойнее, но и они смотрели с немалым воодушевлением.

— Хорошая новость! — грохнул пудовым кулачищем Соловей. — Царь наш светлый, Кащеюшка, стар я уже, недолго мне осталось по земле ходить, да зелено вино пить... Хочется напоследок еще разочек по бранному полю погулять...

Соловей Рахманович не прибеднялся. Не так давно старому разбойнику исполнилось триста лет — волосы поседели, лицо избородили морщины, правая нога почти отсохла, и ковылял он еле-еле. Глаз, в незапамятные времена выбитый каленой стрелой Ильи Муромца, закрывала повязка, но и второе око за прошедшие годы изрядно помутнело и служило с трудом. Правда, сила в руках осталась немереная — как-никак, по крови Соловей наполовину велет, потому и протянул так долго...

Однако даже чистокровные велеты отнюдь не бессмертны. А уж тем более полукровки.

— Взгляните сюда, — велел Кащей, ставя посреди стола чародейское блюдо. В нем стремительно пробежали тени и картинки, словно отражение в глазу мчащейся птицы. — Наш мир стоит на пороге пропасти. Отец?

— Да... — глухо ответил Вий, обводя присутствующих слепыми очами. — Мир изменился... Я чувствую это в воде... Я чувствую это в земле... Теперь, поднявшись на поверхность, я чувствую это и в воздухе... Наш конец уже не за горами, времени осталось мало... Старые боги Руси ушли... ушли... Нет больше Перуна со Сварогом... нет и Чернобога с Мораной... Они ушли... ушли далеко... они больше не вернуться... никогда не вернуться... Новый бог, распятый на кресте, занял их место... занял мир, когда-то принадлежащий старым богам... И в этом мире нет места и нам... нет... нет...

— Именно так, — вновь взял слово Кащей. — Я сказал архиерею Тиборскому, что разгневан глупыми сказками, которые рассказывают про меня их кощунники. Надеюсь, что он поверил. Разумеется, на самом деле это всего лишь удобный повод. Мне нет дела до этих ничтожеств — пусть треплют языками сколько угодно. Нет, меня тревожит совершенно иное. Мы вымираем. Носителей разума, отличных от человека, остается все меньше и меньше. Многоплеменной огонь угасает, поглощаемый одним-единственным племенем — человеческим. Люди — вот источник всех зол и напастей. Мое царство — последний оплот против этой заразы, распространившейся по всему миру. Многие века мы — другие, отличные, несхожие — терпели их присутствие рядом, закрывали глаза на потери наших земель и гибель наших сородичей. Но всякому терпению есть предел. Мое — иссякло. Я не испытываю ненависти к людям — но мне придется уничтожить их всех. Иначе они уничтожат нас.

— Так, Кащей! — прорычал Тугарин, опрокидывая в пасть чару вина. — Именно так! Когда-то мой народ, ящеры, был многочислен, как песок в пустыне, как вода в море! Мы жили на восходе и на закате, на полудне и на полуночи! А что теперь?! Где бывшее величие?! Где честь ящеров?! Гладкокожие заполонили все, застроили мир своими городами! Но мы — Древний Народ! Кровь погибших предков взывает к отмщению!

— Успокойся, — холодно посмотрел на него Кащей. — Прибереги эти речи для выступления перед армией — здесь такая горячность ни к чему.

Тугарин смущенно кашлянул. Когтистые пальцы невольно сжались, без малейшего затруднения сминая медную чару в бесформенный комок.

— Ящеры еще остались в этом мире, — заговорил Кащей, проводя тонкими пальцами по блюду. — Но их немного, очень немного. Вот, взгляните.

В блюде отразились колышущиеся зеленые кроны. Здесь, на Руси, таких деревьев не встретишь. Чувствовалось, как там жарко, на той стороне древнего фарфора.

По лесной тропке бежали несколько фигур. Трое — высокие, смуглые, черноволосые, почти обнаженные, раскрашенные красной глиной. И один — пониже, желтоглазый, покрытый голубой чешуей, с ярким гребнем вдоль макушки. Такой же людоящер, как Тугарин, только другого цвета и куда более хрупкий на вид.

Его догнали прямо на глазах кашеевых соратников. В воздухе мелькнула дубинка, раздался тонкий вскрик, похожий на птичий... Людоящер упал на землю, его обступили, кто-то иступленно пнул поверженного в лицо, а потом взметнулось копьё...

Влажная трава окрасилась буровато-красным.

— Трое на одного... — горестно покачал головой Тугарин. — Вооруженные на безоружного... Позор... Позор... Честь ящера навеки была бы запятнана такой победой... А

эти гладкокожие...

— Это были люди из народа арауканов, — безразлично поведал Кащей. — Эта земля находится очень далеко отсюда, за многими морями. Там расположена Тауантинсуйю, империя Инков, и правит в ней Манко Капак. К восходу же от нее на многие тысячи поприш простираются вечнозеленые леса и течет большая полноводная река. На ее берегах обитают последние из твоих сородичей. Несколько разрозненных племен. И осталось им уже очень недолго — пройдет еще два-три века, и память людская вычеркнет их навсегда. Никто не будет даже помнить, что ящеры вообще когда-то ходили по тем берегам.

— Здесь не должно произойти того же, — тихо сказал Тугарин. — Мой народ не заслужил такой судьбы.

— И здесь этого не произойдет, — пообещал Кащей. — Человек слишком долго теснил всех прочих к небытию и забвению. Пришло время воздать ему той же монетой. Взгляните на этот мир. Где все? Что осталось от многоцветья народов, когда-то населявших эти земли? Вот, смотрите.

В колдовском блюде вновь поплыли видения и образы. Картина сменялась картиной, на чудесном фарфоре мелькали горы и пустыни, поля и леса, реки и моря. Каждую из картинок Кащей сопровождал кратким пояснением.

— Вот земля индийская. Там беспокойно, там воюют. До недавнего времени Мухаммед Гури насаждал там слово Магомета — сейчас же там мутит воду Кутб-ад-Дин. Наги, когда-то жившие в горах Гималайских, якши, бродившие по лесам Декана, ракшасы, населявшие Ланку, — все они давно исчезли с лица земли. Остались одни только люди. А вот желтые воды Хуанхэ. В Чайном Царстве войн нет, там пока что спокойно. Корё и Бохай, Ляо и Си Ся, Цзинь и Хоушу, Чу и Хань, У и Минь, Уюэ и Ень: у всех у них сравнительно тихо. Правда, им неизвестно, что спокойной жизни осталось уже недолго — на полуночь от их земель зреет новая грозная сила. Темучин, избранный Чингисханом, уже скоро извергнет в мир свои орды. Но нам это малоинтересно. Берега Наньхая и Хуанхая тоже давно заселяют одни лишь люди. Последние тэнгу еще ютятся в дремучих лесах — но и им осталось совсем недолго. Их время на исходе.

Кащей помолчал, глядя на блюдо. В бесчувственных глазах на миг промелькнула какая-то тень — бессмертный царь не на шутку рассвирепел.

— Крхм!.. Аррм!.. Аррм!.. — откашлялся Репрев, поднимаясь из глубокого кресла. Его голос больше напоминал собачий лай. — Царь!.. Аррм!.. Аррм!.. Рразреши!.. Аррм!.. Рразреши задать вопрос! Вопрос!.. Вопрос!.. Когда!.. Аррм!.. Когда!.. Когда мы выступаем? Аррм!.. Аррм!..

Кащей Бессмертный медленно повернулся, внимательно глядя на одного из своих воевод. Мохнатые уши Репрева встали торчком, в крохотных черных глазках застыло ожидание.

Среди войск Кащея псоглавцы занимают третье место по численности, уступая лишь навьям и татаровьянам. Невысокие, сутулые, покрытые шерстью. Холода им нипочем, но они все равно тепло одеваются, носят вяленые сапоги, кольчуги, округлые шлемы, украшенные разноцветными перьями. И в сражении псоглавцы хороши.

Но вот на людских языках говорят с превеликим трудом — морды у них действительно скорее песьи, чем человеческие. Репрев один из всех умеет говорить по-настоящему чисто, да и то все время сбивается на гавканье и рык.

— Мы никуда не выступаем, — коротко ответил Кащей. — Хек. Хек. Хек.

— Но!.. Но, царь!.. Аррм!.. Аррм!.. Как же так? Аррм!.. Зачем!.. Зачем же тогда!.. Зачем ты ррр... рразоррил Ррратич?! Аррм!..

— Именно для того и разорил, — спокойно объяснил старик в короне. — Чтобы не нужно было никуда выступать. Оттого и дожидался смерти князя Берендея.

— Ну не то чтобы дожидался... — злобно хихикнул Карачун.

Кащей смерил морозного демона равнодушным взглядом, и тот оконфуженно замолк, растирая вечно ледяные ладони. Бессмертный царь не любил, когда его посланцы понапрасну болтали о выполненных заданиях.

Пусть и очень умело выполненных.

— Великий князь Глеб еще сравнительно молод, — снова заговорил он. — И, как и его братья, он отличается горячностью — зачастую действует прежде чем подумать. Узнав о разоренном Ратиче и смерти князя Игоря, он соберет все войска, до которых дотянется в кратчайший срок, и бросится мстить. Бросится сюда, в мое царство, под стены Костяного Дворца. А здесь я неодолим. Мы встретим его. И раздавим. А уже потом спокойно двинемся на Тиборское княжество. Голое. Беззащитное. Обезглавленное. Это будет хорошая и легкая победа. Первая в бесчисленной череде побед.

Кащей вновь провел кончиками пальцев по блюду. Теперь там отражались уже привычные и знакомые картины — леса и поля русичей.

— На что похожа сейчас Русь? — задал риторический вопрос он. — На лоскутное одеяло, сшитое гнилыми нитками. Дюжина княжеств, населенных родственными народами. Все они родня друг другу, но согласия между ними нет ни в чем. В каждом княжестве сидит Рюрикович. Они меняются вотчинами, как сапогами, перекраивают границы вдоль и поперек, дерутся за каждый город, за каждое село. И каждый втайне лелеет мысль остаться единственным из Рюриковичей, взять всех остальных под свою руку. Для нас это очень хорошо — соседи не придут на помощь Тиборску. Владимир и Новгород предпочтут спокойно выжидать, кто из нас пересилит.

— Так почему бы просто не нахлынуть на Тиборск всей лавиной? — брюзгливо пробасил Тугарин. — Да что от них останется, когда по ним пройдутся наши орды? Один Горыныч перебьет всю княжью дружину! Зачем все эти вавилонские хитрости? Меч на меч — чтобы по-честному! Честь ящера...

— Ты прав, — кивнул Кащей, поднимая узкую ладонь. — И неправ. Прав в том, что одолеть войско князя Глеба в его нынешнем состоянии будет детской забавой. А неправ в том, что думаешь лишь одним днем. Ты считаешь, я собираюсь ограничиться одним только Тиборском? Нет. Мой замысел — полностью стереть с лица земли весь человеческий род. И вот это — задачка потруднее. Если составить вместе все людские армии, сколько их есть, моя орда рядом с ними просто потеряется. Помните Крестовые Походы? Помните, сколько народу тогда нахлынуло на сарацинские земли? А в нашем случае может получиться и еще хуже — если мы слишком быстро разворошим этот муравейник, человеческий род может и позабыть мелкие распри. Как бы они ни враждовали друг с другом, мы для них — враги страшнее. Мы — другие. Мы — не люди. Нелюди. И именно потому мы не должны раньше времени показывать, насколько в самом деле велика моя сила. Тиборск — первый ход. Следующим станет княжество Владимирское, вотчина сильнейшего из нынешних князей — Всеволода Многодетного.

— Большое Гнездо, — поправил Карачун.

— Не имеет значения. Хоть Большое Дупло. Хек. Хек. Хек. Важно то, что люди не

должны слишком быстро раскусить нас. Пусть до поры полагают, что я не слишком силен — пока возможно, будем расправляться с ними поодиночке. Нельзя дать им понять, насколько в самом деле велика угроза. Будем выжидать. Будем имитировать слабость. Будем двигаться осторожно, беречь силы. В конце концов, торопиться мне некуда, я же Бессмертный.

— Но не все здесь бессмертные... — уныло сторбился Соловей Рахманович.

— А всем и не нужно. Хек. Хек. Хек.

Кащей поднялся с трона, оглядывая соратников. Тугарин со скучным видом обтачивал когти длинным кинжалом. Хан Калин преданно смотрел в рот властелину. Соловей подслеповато моргал единственным глазом, тоскливо кривя губы. Репрев негромко взрыкивал, морща низенький мохнатый лобик. Яга Ягишна скромно грызла в уголке баранку, кутаясь в лохмотья. Карачун зябко подергивался, вращая совершенно сумасшедшими глазами. Моровая Дева чему-то затаенно улыбалась. Старый Вий сидел неподвижно, не шевеля ни единым членом. Сам-с-Ноготь тихонько ворчал себе под нос.

— Хек. Хек. Хек, — повторил Кащей. — А теперь перейдем непосредственно к делам. Что мы кому поручаем. Начнем с тебя, сестрица.

Потянуло холодком — это зашевелилась Моровая Дева. Выглядела она странно — никто не мог точно сказать, старуха ли перед ним или юная отроковица. Ей каким-то образом удавалось сочетать в себе сразу все стадии — от грудного младенца до высохшего трупа. Синее лицо, полупрозрачная кожа, белые глаза и ажурное, почти невесомое одеяние. Моровая Дева улыбалась... она всегда улыбается, но всяк знает цену ее улыбке. А также красному плату, который она держит в руке — одно лишь прикосновение этого платка несет смерть.

В отличие от Калина, Тугарина или Репрева, у Моровой Девы в подчинении нет армии. Лишь крылатые сестры Лихорадки, жуткие духи хворей и болезней. Трясея, Огня, Знобея, Гнетей, Грудей, Глухей, Ломей, Пухней, Желтей, Корчей, Глядей и Невей.

Невея или Мертвящая — это и есть Моровая Дева, старейшая из сестер. Она не просто насылает смерть — человек, умерщвленный лично Моровой Девой, становится навьем, ходячим мертвецом. У Кащей скопились уже многие тысячи мертвых воинов, созданные этой леденящей кровью Лихорадкой.

— Что угодно моему царю?.. — тихо-тихо спросила Моровая Дева. Ее голос — липкий, душный — звучал так, словно речь вдруг обрела язву на теле прокаженного. — Я и мои сестры ждем повеления...

— Вы начнете первыми, — спокойно приказал Кащей. — Сегодня же ночью вы разлетитесь по Тиборскому княжеству. Не скупитесь на дары — пусть мор ослабит русичей как можно более. Ты же, старшая из сестер, держись пока приграничных земель, не заходи вглубь земель русских. Пусть прибавится навьев в моем войске.

— Повинуюсь... — сладенько улыбнулась Невей.

— А теперь... так, что там у вас опять?

В тронный зал вошел невысокий татаровьин. Он смущенно хихикнул, глядя в каменные глаза Кащей Бессмертного:

— Царь-батюшка, там это...

— Да?

— Еще один... — виновато развел руками татаровьин.

Кащей устало опустил на трон и забарабанил пальцами по подлокотнику. Печатая шаг, в палату вошли два огромных дивия. Между ними висел рослый парень с длинными русыми

волосами, одетый в темный суконный кафтан со стоячим воротником, широкие шерстяные штаны и меховую шапку с ярко-алым наверху. Судя по чертам лица — не русич.

Татаровын, сопровождавший дивиев, бросил на пол короткий костяной лук, слегка искривленный булатный меч и такой же нож. Кащей чуть опустил глаза — дивии разжали хватку, и молодой воин шлепнулся наземь. Он бросил гневный взгляд на свое оружие, еще один — на Кащея, а потом выпрямился, выпятив подбородок.

— Ты башкир, — сразу узнал Кащей. — Верно?

— Твоя правда, Кащей-бабай! — гордо ответил юноша на чистом русском, но с легким акцентом, выдающим происхождение. — Я Акъял-батыр, победитель многих! И я тебя не боюсь!

— А! А-а-а! — завопил Сам-с-Ноготь, прыгая с лавки. В стоячем положении он оказался ниже, чем в сидячем. — Я знаю тебя! Я знаю тебя, белогривый герой! Ты убил моего брата!

— Такой крошечный старичок, с длинной бородой? — наморщил лоб Акъял-батыр. — Как же его звали...

— Сам-в-Четверть!

— Да, я убил его! — усмехнулся герой. — И ничуть не стыжусь! Твой брат был дурным человеком... карлой! Он ранил моих побратимов — Урман-батыра и Тау-батыра! Он лишил воды целую деревню! Что ты на это скажешь?

— Он был моим братом!!! — взревел Сам-с-Ноготь, бросаясь к Акъял-батыру.

— Угомонись, — холодно приказал Кащей Бессмертный, скучающе рассматривая батыра.

Старшина карлов что-то угрюмо пробурчал, но все же вернулся на место, сверля человека бешеным взглядом. Зато со своей скамьи поднялась Яга Ягишна. Старая ведьма кривенько ухмыльнулась, подходя к подозрительно косящемуся на нее парню, ущипнула его за бок и прошамкала:

— Хорошенький какой! Упитанный...

— Эй, бабушка, что делаешь?! — отдернулся Акъял-батыр. Старушечий щипок оказался сильнее пчелиного укуса — ногти у бабы-яги длинные...

— И упитанный, а невоспитанный! — возмутилась Яга Ягишна. — А ну, стой смирно, бабушка тебя получше рассмотрит... разнохает... распробует...

Она попыталась ущипнуть еще раз, но Акъял-батыр схватил старуху за руки и легонько оттолкнул ее назад. Правда, очень бережно — уважение к старикам юноша впитал с молоком матери. Пусть даже таким страшным.

— На бабушку руку поднял?! — возмутилась баба-яга, выхватывая из-за пазухи длинный прут, которым грозила Яромиру, и резко ударила им батыра. — Замри!

Акъял-батыр раскрыл рот, дернулся, но больше ничего не успел — в следующее мгновение несчастный превратился в каменную статую.

— Будешь знать! — решительно кивнула баба-яга.

Кащей, смотревший на это без малейшего интереса, прищелкнул пальцами. Яга Ягишна недовольно повернулась к нему:

— Что, Кащейюшка?

— Верни-ка его обратно, бабушка Яга, — безразлично приказал старик. — Мы с ним еще не договорили.

— Ох, ну ладно уж... Но только ради тебя... — проворчала старуха, ударяя истукана

толстым концом прутика. — Отомри!

Оживший Акъял-батыр упал на колени, тяжело дыша. Пребывание в каменном состоянии не оставило приятных воспоминаний. В выпучившихся глазах появился легкий намек на страх.

— Батыр, ты немного не вовремя, — холодно сообщил ему Кащей. — Иногда я люблю под настроение побеседовать с такими, как ты — порой это бывает забавно. Но сейчас у меня, как видишь, гости — мы тут обдумываем, как нам лучше убить всех людей. Так что, сам понимаешь, ты нам мешаешь.

— Э?... — непонимающе уставился на него Акъял-батыр.

— Чего тебе надо, егет? — бесстрастно спросил старик в короне. — Я что, и у тебя тоже жену украл?

— Жену?... Какую жену?... У меня вообще жен пока нет... — наморщил лоб батыр.

— Тогда зачем ты сюда явился? Что ты от меня хочешь? Золота моего? А тебе не говорили, что из моей казны еще никто не сумел украсть ни единой монетки? Или, думаешь, тебе посчастливится больше? Сомневаюсь что-то.

— Оставь свое золото себе! — гордо подбоченился Акъял-батыр. — Я пришел бросить тебе вызов, Кащей-бабай!

— Тебе что, больше нечем заняться? Зачем тебе это надо?

— Затем, что ты великий злодей!

— Разумеется, — не стал отрицать Кащей Бессмертный. — Да, я злодей, и меня это вполне устраивает. И что с того? Это что — единственная твоя причина?

— Конечно!

— Забавно. Хек. Хек. Хек. Очень забавно.

Кащей устало покачал головой.

— Как же вы мне надоели, — пробормотал он. — Скорей бы уж вас всех уничтожить, может, поспокойнее станет. Ладно, егет, будь по-твоему, раз уж тебе так втемяшилось. Исполню твое желание. На чем биться хочешь?

— На мечах, конечно! — загорелись глаза Акъял-батыра.

Кащей равнодушно повел дланью, и ближайший татаровьин, издевательски ухмыляясь, поднес юному герою его меч. Тот схватил его обеими ладонями, поднял над головой и широко улыбнулся.

— Перед кем красуешься-то? — безучастно спросил Кащей, поднимаясь на ноги и протягивая руку.

Из-за изголовья трона выползла черная змея длиной почти в пять локтей. Мелкие чешуйки блеснули в слабом свете свечей, усеивающих стены и потолок, и склизкий гад вполз на плечо Кащея, а оттуда скользнул к запястью. Кащей сжал ладонь, ухватывая кончик хвоста, и змея резко выпрямилась, в единое мгновение превращаясь в меч. Точно такой же длины, каким был в живом обличье, угольно-черный, буквально излучающий темноту, а лезвие волнистое, будто тулово змеиное, извивающееся.

Аспид-Змей — удивительный меч-оборотень, заветный кладенец Кащея Бессмертного. Ему нет преград, нет соперников. Кольчугу сокрушит любую — хоть медную, хоть железную, хоть льдокаменную. Несмотря на непомерную длину клинка, Кащей удерживал чудо-оружие без малейшего напряжения.

На лице Акъял-батыра отразилась некоторая растерянность. У него у самого был отличный меч, из превосходного булата, но все же самый обыкновенный, ничуть не

волшебный. Тем не менее, батыр перехватил рукоять поудобнее, дико закричал и бросился в атаку, надеясь взять Кащея скоростью и молодецким натиском.

Увы, он недооценил противника. Перед ним стоял худущий старикашка — кажется, дунь и упадет. Но этот старикашка играючи ускользнул от бешеного града, обрушившегося на него, успевая увертываться от каждого из ударов. Сам он в атаку не переходил, лишь уклоняясь и безразлично глядя на беснующегося батыра.

Через несколько минут бессильного буйства Акъял-батыр все же сообразил, что с ним забавляются, как с неумелым щенком. Доблестный юноша закричал от гнева и обиды, удваивая напор. Смуглое лицо покраснелось, в миндалевидных глазах набухли кровавые прожилки, на шее свирепо забила голубоватая нитка.

В конце концов Кащею надоела игра. Он резко дернул запястьем, нанося единственный удар. Но этого вполне хватило. Аспид-Змей столкнулся с мечом Акъял-батыра, и великолепное булатное лезвие разлетелось вдребезги.

Тугарин резко дернулся — один из осколков вонзился ему в плечо, застряв между крупных чешуй. Бронированный ящер скрипнул зубами, выдерживая кусок металла, и слизнул раздвоенным языком выступившую кровь.

Акъял-батыр остался с рукоятью в руках. Его пальцы мелко дрожали — удар Кащея был так силен, что едва не оторвал противнику руки. Молодой башкир с недоумением посмотрел на то, во что превратился прекрасный клинок, перевел взгляд на чернеющий в бликах свеч Аспид-Змей и гневно отшвырнул прочь жалкий осколок булата.

— Что ж, убей меня, Кащей-бабай! — гордо выставил подбородок он. — Твоя взяла! Ты сильнее! Но клянусь великой птицей Самруг-кош, не будь твой меч зачарованным, тебе не удалось бы победить так легко!

— Ты в самом деле так считаешь? — равнодушно посмотрел на него Кащей. — Забавно. Быть может, ты желаешь получить еще один шанс?

Акъял-батыр ничего не ответил, но его глаза жадно загорелись.

— Хорошо, ты получишь еще одну возможность доказать свою доблесть, — пожал плечами царь нежити. — Выбирай, в чем будем соревноваться. Я дал бы тебе новый меч, но боюсь, в случае поражения ты станешь жаловаться, что я подсунил тебе негодный хлам.

— Не стану!

— Возможно. Но тем не менее — выбирай другой способ единоборства.

— Ха! Ну что ж, давай поборемся! — хитро прищурился Акъял-батыр. — Давай, коли я тебя одолею — отдашь мне все свои богатства, а коли ты меня — так снесешь мне голову с плеч!

— Забавно, — повторил Кащей. — Видимо, бороться ты умеешь лучше, чем сражаться на мечах, раз так самоуверен. Но не кажется ли тебе, что такие условия немного несправедливы? Я и так могу снести тебе голову, без всяких поединков. Вот сейчас прикажу — и снесут ее, и насадят на кол, и будет у меня новое украшение во дворе. Дивии мои верные, ну-ка...

Два огромных истукана в доспехах послушно схватили Акъял-батыра за плечи, поднимая башкира над полом. Храбрец забился в их хватке, словно заяц, попавший в волчью пасть, но где уж ему было пересилить воинов, откованных в кузнечном горне!

— ...ну-ка поставьте его на землю, — закончил Кащей. — Что ж, егет, а теперь покажи свою силу.

— А-а-а-а-а-а!!! — закричал батыр, бросаясь вперед.

Он налетел на Кащея взбесившимся туром, ударил его головой в грудь, схватил за плечи и что есть мочи отшвырнул прочь. Костлявый старик, весящий не больше высохшего скелета, отлетел к стене камнем, выброшенным из катапульты. Акъял-батыр ринулся добить, но Кащей одним движением взлетел на ноги, молниеносно схватил противника за запястья и крутанул в стороны. У юноши выпучились глаза — в тощих старческих руках притаилась сила тысячи могучих батыров.

Акъял-батыр стоял ни жив ни мертв, не решаясь даже шевельнуться. Кащей держал его мертвой хваткой — первая же попытка высвободиться приведет к измочаленным рукам. Старик еще некоторое время разглядывал жертву, как птица разглядывает пойманное насекомое, а потом резко отбросил от себя. Батыр упал на пол, едва успев перевернуться так, чтобы не переломать ноги.

— Еще я могу попасть из лука в игольное ушко! — отчаянно крикнул герой.

— Забавно, — уже в третий раз повторил Кащей. — Но дальше уже неинтересно. По-твоему, у меня нет других дел, кроме как глядеть на твои ужимки? Скажи лучше, какого ты рода. Царского? Или, может, хотя бы байского?

— Мои родители были простыми бедняками, всю жизнь пахали землю и умерли, когда мне было пятнадцать! — гордо ответил Акъял-батыр.

— Сирота, значит, — подытожил Кащей, рассеянно подбирая с пола самый крупный осколок разбившегося клинка. — Жаль. Тогда ты для меня бесполезен. В подземелье его.

Дивии молча подхватили Акъял-батыра под руки и потащили прочь. Тот кричал и колотил ногами по полу, но сочувствия ни в чьих глазах не появилось. Скорее уж наоборот — парню еще повезло, что Кащей всего лишь приказал бросить его в подземелье. Вполне мог посадить на кол или скормить Горынычу...

— Хек. Хек. Хек, — равнодушно посмеялся Кащей, провожая Акъял-батыра взглядом. — А на чем мы остановились? Ах да. Мир изменился. Мир стал другим. Человеческое племя заполонило весь свет, не оставляя никому другому даже малого уголка. Помните ли вы, что случилось с последним сатиром?

Приспешники недоуменно переглянулись.

— Это произошло при римском полководце Сулле, когда он воевал с царем Митридатом, — начал рассказывать Кащей, между делом отщипывая от булатной пластины маленькие кусочки. Точно листок коры разламывал. — Его солдаты поймали самого последнего сатира и притащили к своему вождю. Сулла некоторое время пытался поговорить с пленником, но тот только блеял по-козлиному. В конце концов римляне просто отрезали сатиру голову и отправили в Рим в качестве диковинки, но по дороге та потерялась. И это был последний случай, когда человек видел представителя этого племени вживе. Примерно так же в свое время закончили свое существование керкопы и лапифы, минотавры и гарпии. В лесных чащобах и горных расщелинах Европы еще живут народы фейри и кобала, а на хладном севере пока что остались ледяные хримтурсы и карлики-цверги, но их горстки, жалкие горстки. На свете сохранился один-единственный великан, и тот уже очень стар. Доживает свои дни самый последний кентавр. Так что у нас дела обстоят еще сравнительно неплохо.

— Царь... — смущенно заговорил Тугарин. — Это все очень верно... но мы это уже слышали. И сегодня, и вообще...

— Ах да, — устало опустил на трон Кащей. — Приношу извинения. Для меня это большая тема. По своей сути человек есть грязный паразит, разрушающий и оскверняющий

все, к чему прикасается. Мир должен принадлежать всем народам, а не одному лишь человеку. Посему человеческий род должен быть истреблен.

— Э-э-э... — робко поднял руку Калин.

— Разумеется, за исключением татаровьев, — кивнул ему Кащей. — Татаровья — единственное разумное племя из всех людских племен. Потому именно татаровья избраны мной, чтобы представлять на этом свете человеческий род, когда все остальные люди отправятся в Навь. Ну а теперь...

Тяжелые створы вновь распахнулись. Дивии, стоявшие на страже тронного зала, вновь промаршировали на середину, печатая шаг, ведомые невысоким татаровьином. И между ними вновь висел пленник... пленница.

— Отпустите сейчас же! — истошно визжала Василиса. — Я ваша царица, вы, болваны!

— Что? — привстал со своего места Кащей. — Что за наглость? Это я — их царь.

— А я — твоя жена!

— Одна из пятидесяти, — сухо дополнил Кащей. — Как ты пробралась мимо стражи сераля?

— Ой, господи, да было бы о чем говорить... — деланно зевнула Василиса, изящно прикрывая рот ладошкой. Разумеется, при этом она изогнулась так, чтобы все присутствующие могли как следует оценить общую грациозность и безупречные линии тела. — Да разве там стража? Вот у моего батюшки в пастухах кривой дедка Негожа служил — вот это был страж так страж! Хоть и бражничал беспробудно, однако ж за десять лет ни одной коровки не потерял! А эти болваны меднолобые...

— Самое лучшее железо! — возмутился Сам-с-Ноготь. — Из Каменного Пояса доставляем! Ты это, девка, не говори зря про что не разбираешься!

— Отпустите ее, — приказал Кащей, барабаня пальцами по подлокотнику трона. В ритмичном перестуке начало проявляться легкое недовольство.

Дивии всегда выполняют приказ господина мгновенно, без раздумий. Они молча разжали хватку, и бедная княгиня шлепнулась на пол, болезненно скривившись и потирая мягкое место. Но уже в следующий миг вскочила, гордо выпятила подбородок и приняла одну из лучших своих поз — «оскорбленная красавица». Крохотные глазки Тугарина заинтересованно блеснули.

— Ах, царь, нам ли с тобой вести глупые перебранки?.. — ласково вздохнула Василиса, как-то очень незаметно преодолевшая расстояние меж дивиями и тронном. — Почему бы не решить дело миром, м-м-м?..

Она часто захлопала длиннющими ресницами, мило улыбнулась и уселась Кащею на колени. Внутренне княгиня содрогнулась от отвращения и боли в ягодицах — вблизи этот кошмарный старик оказался еще страшнее, чем издали, а его колени вполне могли бы служить орудием пыток. Но милая улыбка не сошла с ее лица ни на мгновение, а пальцы ласково перебирали жесткую седую бороду.

Кащей Бессмертный несколько секунд безразлично смотрел на красавицу-молодицу. Потом иссохшие пергаментные губы медленно разжались и исторгли из себя единственное слово:

— Убрать.

— Эй, эй, эй, кого убрать, куда убрать, зачем убрать?! — всполошилась Василиса, возмущенно глядя на Кащея.

Но ее уже подхватили железные ручищи. Могучие дивии невозмутимо поволокли

кащееву супругу прочь из тронного зала — обратно в сераль. Бедная красавица распахнула глаза так, что они едва не вылезли из орбит, не в силах вымолвить даже слова.

Только снова очутившись в серале, Василиса сумела опомниться. Она бешено топнула ногой, сверля взглядом железные спины дивиев, скрипнула зубами и вновь достала из-за пазухи шапку-невидимку. На ее счастье, Кашею не пришло в голову допытываться, каким же все-таки образом одна из его наложниц сумела ускользнуть.

— Ладно же, Кашеюшка... — зло улыбнулась Василиса. — Хочешь войны? Ну так будет тебе война. Попомнишь еще меня...

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

В Древней Руси так назывался носовой платок (чаще женский). Происходит от слова «ширина» — от вытканного полотнища для платка отрезали кусок, равный ширине холста (обычно около 50 см).

В широком смысле слово «изба» означает весь дом. В узком — отапливаемое помещение в доме.

1140 м.

Лук назывался разрывчатым, если при спускании тетивы он издавал резкий сильный звук — «разрывал» воздух.

Тупой наконечник в виде наперстка — предназначался для охоты на лесных птиц и пушного зверя (чтобы не испортить мех).

Мера длины, расстояние, на которое пролетала выпущенная из лука стрела. Обычно — 60–70 метров.

Боевой топор, секира с широким лезвием.

Мера времени, равная промежутку от еды до еды или до отдыха. Точной продолжительности нет — колеблется от двух до четырех часов. Рабочий день крестьянина состоял из трех-пяти уповодов.

Место против печи, предназначенное для стряпни.

Подъемная крышка над лазом в подпол.

Короткая широкая скамья в виде длинного ящика с крышкой. Часто украшалась резным изображением конской головы, отсюда и название.

Яга — шуба из собачьих шкур шерстью наружу.

Древние грузинские боги, дети Гмерти, верховного божества (после принятия христианства стал отождествляться с Богом-Отцом). Иахсари и Копала — небесные посланники-полководцы.

«Нос» в данном случае означает специальную бирку, дощечку для заметок, всегда НОСИМУЮ с собой, откуда и происходит название.

Красное (или косячатое) окно — окно с рамой, обрамленной косяками.

Вежа — деревянная башня, возводимая в местах поворота крепостной стены, а также у ворот.

Дорожный сосуд для жидкостей в форме усеченного конуса с длинным носиком. Сверху закрывался крышкой.

Бухтина — народный анекдот, сюжетная шутка, изначально лишённая здравого смысла.

Писало — металлическая или костяная палочка с острым концом, предназначенная для выдавливания текста на берестяных грамотах.

Воротня — караульная изба у ворот.

Боевая плеть с гирькой на конце бича.

Порок — катапульта, камнеметное орудие для разрушения крепостных стен.

Прове — древний бог правосудия у северных славян.

Русская Правда XI–XIII веков различает убийство неумышленное («в обиду») и заранее обдуманное («в разбое»). Ответственность за них также следует разная.

Вира — денежная пеня князю за убийство, головничество — вознаграждение родственникам убитого, продажа — денежная пеня князю за порчу чужой вещи, урок — вознаграждение хозяину испорченной вещи.

Мера обьема, 3.28 л.

Мера обьема, 209.92 л.

Стихи Ольги Безмирной.

Древнеримский шкаф для хранения вещей, инструментов, свитков.